

ВЕСТНИК Российского университета дружбы народов

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1993 г.

Серия
ИСТОРИЯ РОССИИ

2014, № 2

Серия издается с 2002 г.

Российский университет дружбы народов

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ	
Багдасарян В.Э., Реснянский С.И. Эсхатология русского религиозного раскола	5
Арсланов Р.А., Блохин В.В. Интеллигенция в воззрениях российских либералов и реформаторов-демократов конца XIX – начала XX в.	22
Шолохов А.Б. Общественно-политические взгляды М.Д. Скобелева	37
ИСТОРИЯ РОССИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	
Жукова Н.А. Теория русского анархизма в западногерманской историографии конца 1960–1980-х гг.	45
Гафаров А.А. Эволюция взглядов на проблему джадидизма в советской историографии 30–60 гг. XX в.	58
Абышов В.Ш. Политическая ситуация в Баку в 1917–1918 гг. в советской историографии 1920-х гг.	66
ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ	
Логачёва Н.В. Особенности княжеской власти в Черниговской земле	76
К 100-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	
Георгиева Н.Г., Георгиев В.А. «Летуны – глаза армии»	85
Синютин С.С. А.А. Брусилов – полный генерал русской армии и последний полководец царской России	101

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ

- Козьменко О.П.** Основные направления развития русской культуры в XIX – начале XX в. 109
- Якеменко Б.Г.** Личные книжные коллекции в системе отечественной культуры (к постановке проблемы) 120
- Осколок К.В.** Подготовка иностранных специалистов в системе университетского химического образования России (1950-е – 2000-е гг.) 126

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

- Симонова М.А.** Исторический опыт взаимодействия государства и Русской Православной Церкви в 1980-е–2000-е гг.: динамика приоритетов в сфере законодательства 140
- Кряжева-Карцева Е.В., Идрус Асринда Аюб.** Новые векторы миссионерской деятельности Русской Православной Церкви в начале XXI в. (на примере миссий в Таиланде, Камбодже и Индонезии) 148

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Основные научные публикации преподавателей кафедры истории России РУДН в 2013 г. 160

БИБЛИОГРАФИЯ

- Селунская Н.Б.** Историографический феномен «флуктуирующей актуальности» (Рецензия на книгу Е.А. Воронцовой «Предпринимательские организации в России: историография, источники, история». – М.: «Этерна», 2013. – 576 с.) 163
- Гинев В.Н.** О старом и новом в современном народниковедении (Рецензия на сборник «Народники в истории России: Межвузовский сборник научных трудов». Вып. 1. – Воронеж: Изд-во ИСТОКИ, 2013. – 300 с.) 167

- НАШИ АВТОРЫ** 176

BULLETIN of Peoples' Friendship University of Russia

SCIENTIFIC JOURNAL

Founded in 1993

Series

RUSSIAN HISTORY

2014, № 2

Series founded in 2002

Peoples' Friendship University of Russia

CONTENTS

HISTORY OF RUSSIAN RELIGIOUS AND SOCIAL THOUGHT

Bagdasarian V.E., Resnyansky S.I. Eschatology of Russian Religious Schism ...	5
Arslanov R.A., Blokhin V.V. Intelligentsia in views of russian liberals and reformers-democrats of late XIX th – early XX th centuries	22
Sholokhov A.B. Some social and political views M.D. Skobelevs	37

HISTORY OF RUSSIA IN RUSSIAN AND FOREIGN HISTORIOGRAPHY

Zhukova N.A. Theory of russian anarchism in west german historiography in the late 1960s–1980s	45
Gafarov A.A. Evolution of views on the problem of jadidism in soviet historiography of 30–60s of 20 th century	58
Abishov V.Sh. Studying of 1917–1918 political situation in Baku in soviet historiography of 1920s	66

HISTORY OF STATE AUTHORITY IN RUSSIA

Logacheva N.V. Peculiarities of princely power in Chernigov	76
--	----

TO 100TH ANNIVERSARY OF WORLD WAR I OUTBREAK

Georgieva N.G., Georgiev V.A. «Flying men – the eyes of the army»	85
Sinyutin S.S. A.A. Brusilov – full general of russian army and last commander of russian tsar	101

HISTORY OF RUSSIAN CULTURE AND EDUCATION

- Kozmenko O.P.** Basic directions in development of Russian culture of XIX – the beginning of XX centuries..... 109
- Yakemenko B.G.** Personal book collections in the system of national culture (statement of the problem) 120
- Oskolok K.V.** Training of Foreign Experts in System of University Chemical Education of Russia (the 1950th – the 2000th) 126

HISTORY OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH

- Simonova M.A.** Historical experience of interaction of state and the Russian Orthodox church in 1980–2000s: dynamics of priorities in legislation sphere 140
- Kryazheva-Kartseva E.V., Idrus Asrinda Ayub.** New vectors of missionary activity of Russian Orthodox Church in early XXIst century (the case of missions in Thailand, Cambodia and Indonesia) 148

SCIENTIFIC LIFE

- Principal scientific publications of the Russian History chair of Peoples' Friendship University of Russia in 2013 160

BIBLIOGRAPHY

- Selunskaya N.B.** Historiographic the phenomenon of «fluctuating relevance» (Review of E.A. Vorontsova «Business interest organizations in Russia: historiography, sources, history». – Moscow: Eterna, 2013. – 576 p.) 163
- Ginev V.N.** About the Old and New in Modern Narodnikovedeniye (Review of «Populists in the history of Russia: the interuniversity collection of scientific works». Vol. 1. – Voronezh: Publishing house ISTOKY, 2013. – 300 p.) 167

- OUR AUTHORS** 176

ИСТОРИЯ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

ЭСХАТОЛОГИЯ РУССКОГО РЕЛИГИОЗНОГО РАСКОЛА

В.Э. Багдасарян

Факультет истории, политологии и права
Московский государственный областной университет
ул. Радио, 10–1, Москва, Россия, 105005

С.И. Реснянский

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 11719

В представленной статье исследуется эсхатологическая составляющая русского религиозного раскола семнадцатого столетия. Доказывается его доминантное значение в социальных катаклизмах «бунташного века». Прослеживается связь между идентифицируемыми позициями в расколе и генезисом доктрины «Третьего Рима». Представлена историософия раскольнической теории.

Ключевые слова: раскол, «Москва – третий Рим», православие, старообрядцы, эсхатология, антихрист.

Доктрина «Москва – третий Рим» содержала два компонента: идею о мировом масштабе Римской империи (Московского царства) и о преапокалипсическом характере функционального назначения Московской Руси («четвертому Риму не быти»).

Никониане и раскольники, апеллируя к одному и тому же источнику православной идеологии, сделали акцент на разные ее части. Реформы Никона преследовали цель сближения с малороссами, греками и южными славянами, т.е. выражали космополитическую, мессианскую устремленность национальной идеи. Русская традиция приносилась в жертву «мировому

царству». Военная экспансия императорской и даже советской России, отрекшихся от религиозного обличия, имела глубинные истоки в никоновской интерпретации православного учения.

О связи доктрины «Москва – Третий Рим» и идеологии большевизма писал Н.А. Бердяев: «Вместо Третьего Рима в России удалось осуществить Третий Интернационал, и на Третий Интернационал перешли многие черты Третьего Рима. Третий Интернационал есть тоже священное царство, и оно тоже основано на ортодоксальной вере. На Западе очень плохо понимают, что Третий Интернационал есть не Интернационал, а русская национальная идея. Это есть трансформация русского мессианизма. Западные коммунисты, примыкающие к Третьему Интернационалу, играют унижительную роль. Они не понимают, что, присоединяясь к Третьему Интернационалу, они присоединяются к русскому народу и осуществляют его мессианское призвание... И это мессианское сознание, рабочее и пролетарское, сопровождается почти славянофильским отношением к Западу. Запад почти отождествляется с буржуазией и капитализмом. Национализация русского коммунизма, о которой все свидетельствуют, имеет своим источником тот факт, что коммунизм осуществляется лишь в одной стране, в России, и коммунистическое царство окружено буржуазными, капиталистическими государствами. Коммунистическая революция в одной стране неизбежно ведет к национализму и националистической международной политике» (1).

Основополагающим постулатом старообрядческого православия являлась вера в «Святую Русь», т.е. в национальную традицию, отступление от которой равнозначно было измене православию. Вера греческая считалась ложной, поскольку была заражена латинскими инновациями. Понятие «русский» оценивалось как тождественное термину «православный». Аввакум призывал восточных патриархов поучиться истинному православию на Руси: «Рим давно упал и лежит невосклонно, а ляхи с ним же погибли, до конца враги быша христианом. А и у вас православие пестро стало от насилия турскаго Магмета, да и дивить на вас нельзя: немощни есте стали. И впредь приезжайте к нам учитца: у нас Божию благодатию самодержавство» (2).

Таким образом, старообрядчество выражало национально-традиционалистский аспект русской идеи. В противоположность староверам Никон заявлял: «Я хоть и русский, но вера моя и убеждения – греческие» (3).

Никониане обвиняли своих противников в обскурантизме; те, в свою очередь, усматривали за никоновскими нововведениями «латинскую ересь», а в более глубинном измерении – сатанинский культ. Троеперстие старообрядцы представляли как скрытую форму хулы на Бога в виде кукиша, атихристовой печатью, символизирующей лжегроицу – дьявола, антихриста и лжепророка. Отрицание двуперстия трактовалось как еретическое сомнение по поводу догмата о двуединой природе Христа. Двусоставной четырехконечный крест никониан определялся как «латинский крыж», лишенный сакральности христианской символики. Четвертование ангельской песни «аллилуйя» рассматривалось как нарушение священной троичности. В изъятии из сим-

вола веры слова «истинного» старообрядцы усматривали сомнение никониан в истинности Господа, а удаленный из словосочетания «Рожденно, а не сотворенно» союз «а», мыслился как тот самый «аз», за который многие готовы были погибнуть. Амвон, перестроенный из четырехстолпного (четыре евангелия) в пятистолпный, расценивался как обозначение папы и четырех патриархов. Замена русского «белого клобука», перешедшего на Русь как реликвия святости духовенства из падших христианских царств, на «рогатую колпашную камилакву», воспринималась как свидетельство подчинения официальной церкви рогатому дьяволу. В отказе совершения коленопреклоненной молитвы старообрядцы уличали грех гордыни и лености (4).

Никонианская иконопись обличалась Аввакумом как прельщение миром плотским против царства духовного: «Есть же дело настоящее: пишут Спасов образ Еммануила; лице одутловато, уста червонная, власы кудрявые, руки и мышцы толстые, персты надутые, тако же и у ног бедра толстыя, и весь яко немчин брюхат и толст учинен, лишю сабли той при бедре не писано. А то все писано по плотскому умыслу: понеже сами еретицы возлюбиха толстоту плотскую и опровергоша долу горняя. Христос же Бог наш тонкостны чювства имея все, якоже и богословцы научают нас. Чти в Маргарите слово Златоустаго на Рожество Богородицы; в нем писано подобие Христово и Богородично: ни близко не находило, как ныне еретицы умыслиша. А все то кобель борзой Никон, враг, умыслил, будто живыя писать, устрояет все пофряжьскому, сиречь понеметцкому. Якоже фрязн пишут образ Благовещения Пресвятыя Богородицы, чреватую, брюхо на колени висит, – во мгновении ока Христос совершен во чреве обретесе! Посмотри-тко на рожу-ту, на брюхо-то, никониян окаянный, – толст ведь ты! Как в дверь небесную вместиться хочешь! Узка бо есть и тесен и прискорбен путь, вводяй в живот. Нужно бо есть царство небесное и нужницы восхищают е, а не толстобрюхие. Воззри на святые иконы и виждь угодившия Богу, како добрыя изуграфы подобие их описуют: лице, и руце, и нозе, и всякие им находящия скорби. А вы ныне подобие их переменили, пишете таковых же, якоже вы сами толстобрюхих, толсторожих, и ноги и руки яко стулцы» (5). Таким же образом порицалась античная премудрость: «Виждь, гордоусец и алманашник, твой Платон и Пифагор: тако их же, яко свиней, вши съели, и память их с шумом погиге, гордости их и уподобления ради к Богу» (6). Согласно Аввакуму, и Платон, и Пифагор, и Аристотель, и Диаген, и Гиппократ – все за свои мудростования угодили в ад, что ожидает и их последователей (7).

Теологический спор продолжили историки: одни полагали, что ошибки совершили русские переводчики греческих рукописей, другие – что сами греки модифицировали древние тексты, которые в неизменном виде сохранились в русском православии. По-видимому, каноническими являлись обе формы православного богослужения. На востоке Византии наиболее распространенным был иерусалимский церковный устав, составленный св. Саввой Ос-

вященным, а на западе преобладал Студийский, или Константинопольский, устав, который в процессе христианизации греки экспортировали на Русь. Но в самой Византии со временем был унифицирован Иерусалимский устав, а атрибуты Студийского устава московской патриархии стали трактоваться как русские нововведения (8).

По популярным на Руси пророчествам гибель истинно православного царства должна была произойти в 1666 г. в связи с приходом в мир антихриста, власть которого на земле продлится до 1669 г.

Историософская старообрядческая концепция, построенная на основании профетических мотивов таких произведений, как «Кириллова книга», предполагала поэтапное падение православия в мире. Через 1000 лет по приходу Христа оковы, наложенные на дьявола архангелом Михаилом, пали, и сатанинские силы повели массивированное наступление на христианский мир. В 1000 году от Р.Х. пал православный дотоле Рим, принявший еретический догмат «филиокве». Еще через 600 лет погибло православие в малоросском крае, оказавшемся пораженным ересью униатства. Еще через 66 лет суждено было погибнуть последней православной державе – Московской Руси, что связывалось с приходом «сына погибели» в мире (9).

В ожидании апокалипсических событий люди на три года забросили пахенные работы, покинули избы, каялись друг перед другом в грехах, постились до смерти, одев белые рубахи и саваны, ложились при наступлении каждой ночи в гробы и ждали конца света.

*«Древян гроб сосновый,
Ради меня строен,
В нем буду лежати,
Трубна гласа ждати;
Ангелы вострубят –
Из гроба возбудят и т.д.» (10)*

Именно в 1666 г. в Москве заседал вселенский собор патриархов, который осудил старую русскую веру, что в понимании «ревнителей древлего благочестия» явилось свидетельством духовного прихода антихриста в мир. Иные во избежание антихристового плена предпочитали сожжение на костре: матери сжигали себя с новорожденными младенцами, братья и сестры прыгали в пламя взявшись за руки, сгорая, плакали от радости обретения вечно-го царства. До 90-х гг. XVII в. в горях покончило с собой более 20 тыс. старообрядцев. Звучали призывы «спалить» всю Русь всероссийским пожаром (11).

Апологетика самосожжения представлена в посланиях Аввакума: «И оттоле двадесяте три лета и пол-лета и месяц по се время безпрестани жгут и вешают исповедников Христовых. Оне, миленькие, ради пресветлыя, и честныя, и вседетельныя, пренсисчетныя и страшныя Троица несытно пуще в глаза лезут, слово в слово яко комары или мушицы. Елико их болши подавляют, тогда болши пищат и в глаза лезут: так же и русаки бедные, пускай

глупы, рады мучителя дождались, – полками во огонь дерзают за Христа Сына Божия-света. Мудры блядины дети греки, да с варваром турским с одново блюда патриархи кушают рафленья курки. Русачьки же, миленькия, не так, – во огонь лезет, а благоверия не предает! В Казани никонияня тридесять человек сожгли, в Сибири столко же, в Володимере шестеро, в Боровске четыренадесять человек, а в Нижнем преславно бысть: овых еретики пожигают, а инии, распальшеса любовью и плакав о благоверии, не дождавса еретического осуждения, сами во огонь дерзнувше, да цело и непорочно соблюдут правоверие, и сожегше своя телеса, душа же в руце Божии предавше, ликовствуют со Христом во веки веком, самоволны мученички, Христовы рабы. Вечная им память во веки веком! Беда миру бедному пришла: не пить чаша – в огонь посадят и кости пережгут; а пить чаша скверная сия – в негасимый огонь ввержену быть и в век нескончаемый в плачь. Ну, как же христианам нам быть? Приклони-тко ухо-то ко мне и услыши глаголы моя, – право не солгу. Чево себе ищу, тово ж желаю и тебе. Аще не хошець в стень сию итти Господа ради своего, а в существо пойдешь же. Сиречь: стень – огонь сей онаго огня, иже хошет поясти сопротивныя: сей огонь плоти снедает, души же не коснется; оный же обоя язвит в неистление» (12). Чтобы избежать греха суицида, самосожженцы ставили на засов зажженную свечу и застилали пол соломой таким образом, что при первом же толчке в дверь падающая свеча приводила к пожару.

Лжетроица – змий, зверь и лжепророк – истолковывалась как триумвират, соответственно, дьявола, антихриста («царя лукавого») и патриарха (или папы). Факт прихода антихриста в 1666 г. не вызывал сомнения, но затруднение вызвал вопрос о его персонифицированном воплощении. Иногда в старообрядческой среде под такимым подразумевался Никон (13). Но большинство сошло на мысли, что Никон лишь предтеча антихриста («Хобот антихриста» (14)), соответствующий третьей ипостаси в лице лжепророка. Аввакум приходил к заключению, что «а о последнем антихристе не блазнитесь, – еще он, последней чорт, не бывал: нынешния бояре ево комнатныя, ближний дружья, возьятся, яко беси, путь ему подстилают, и имя Христово выгоняют. Да как вычистят везде, так Илия и Енох, обличители, прежде будут, потом антихрист во свое ему время. А тайна уже давно делается беззакония, да как распухнет, так и треснет. Еще после никониян чаем поправления о Христе Исусе, Господе нашем» (15).

Восторжествовало мнение, что с 1666 г. антихрист царствует духовно. Но, как доказывал дьякон Федор, Писание говорит о его чувственном приходе, которому еще только предстоит осуществиться.

Иные (как инок Авраамий) усмотрели в христианских расчетах старообрядцев ошибку, заключающуюся в ведении отсчета от Рождества Христова. Сатана был скован на тысячу лет в день Христова Воскресенья, следовательно, пришествию антихриста предначертано состояться 33 годами позже, что соответствовало 1699 г. Апокалипсические ожидания оказались не на-

прасны. Накануне наступления 1699 г. из-за границы после трехлетнего отсутствия явился Петр I. Стрельцы безуспешно пытались преградить ему дорогу в первопрестольную и истребить со всей немецкой свитой. По приезду в столицу царь, вопреки древнему обычаю, чудодейственным иконам не поклонялся, к гробам предков не припал (старообрядцы объясняли, что сила Господа не допустила бы окаянного до святого места), а отправился напрямиком в Немецкую слободу, организуя там оргиастические празднества. Таким образом, чувственное пришествие антихриста было вне всякого сомнения. Брадобритие (проклятое в очередной раз незадолго до того патриархом Адрианом и грозившее отлучением от церкви), пропаганда курения табака («безовского зелья»), выдача паспортов («антихристовой печати»), пародия церковной обрядовости («всешутейший, всепьянейший собор»), изменения календаря, системы летоисчисления и т.п. лишь укрепляли народ в уверенности об антихристовой сущности царя.

Ассоциации с антихристовой печатью вызвали рекрутские знаки. В письме к Якову Долгорукому от 1712 г. Петр I изобразил крестообразный знак, который надлежало накалывать солдатам на левой руке и натирать порохом. Об этих знаках, вводимых в целях облегчения поимки беглых рекрутов, упоминалось и в указе Сената 1718 г. Старообрядцев не смущало то обстоятельство, что рекрутский знак в отличие от антихристовой печати накладывался не на правую руку, как сообщается в Откровение Иоанна Богослова, а на левую (16).

Титул императора интерпретировался как сокрытие Петром I своей антихристовой природы за буквой «М», поскольку за ее вычитом цифровая сумма данного слова будет равняться 666 – числу апокалепсического зверя. Керженский проповедник Козьма Андреев, обличая Петра Великого, писал: «В самой плоти его, на лице, и на челе, и на всех удех его, даже до ногу его, образ и начертание мерзости запустения, латынства, якож брадобритие богомерзкое, и чело оголение, и покровение на главе, по обычаю поганых немцев и люторцов, и прочая вся одежда его латынская, паче же бесовская. Еже есть сатана и преисподней бес сиречь дух лукавый, латынский и римский» (17). Царству антихриста предсказано просуществовать три с половиной года (3,5 лет равняется 42 месяцам, т.е. числу, прописное написание которого латинскими шифром при его цифровом выражении равняется 666). По истечении указанного времени в 1703 г. Петром I закладывается императорская столица – Санкт-Петербург. Не случайно в русской литературе Петербург изображается как город демонический, враждебный русскому национальному духу.

Но как мог антихрист явиться из рода православных царей русских, помазанников божьих? Данное затруднение разрешалось посредством апробации легенды о подмене истинного царя ни то при самом рождении сыном Лефорта, ни то во время заграничного путешествия неким немцем (18).

Потребовался авторитет Стефана Яворского, доказывавшего на основании библейских текстов, что антихристовы приметы не соответствуют обра-

зу Петра. Антихрист должен быть выходцем из еврейского рода, и иудеи поклонятся ему, по внешнему облику он напоминает Христа, царствовать будет лишь 3,5 года и т.п. (19). Впрочем, на Руси имело хождение и иное летоисчисление, согласно которому рождество Христово произошло восемью годами прежде и потому эсхатологические ожидания, сопровождаемые гробоположениями и старообрядческими гарями, приходились также и на 1658 г., и на 1691 г. (20).

Один из исследователей русской эсхатологии К.Г. Исупов пишет: «Коль скоро внешние враги нации принимают обличье Антихриста, носители внутренней угрозы также воспринимаются в аспекте чужого. Обыватель думал: Петр наводнил Россию иностранцами; упразднил исконные обычаи, одежду, домашний быт; выстроил иноземный град на опасном краю отечества; говорит не по-нашему; унизил веру и якшается с басурманами; по всей державе снуют шпионы; святая Русь, видевшая в своих землях Андрея Первозванного, край святых подвижников и предстоятелей, из твердыни отчей веры обращена в застенки православия.

Социальная практика Антихриста есть, прежде всего, переименование и торжество чужих имен над традиционной знаковой реальностью. Поэтому царь-Антихрист – лжеименной царь. Феномен самозванства, составивший в отечественной истории самостоятельный сюжет, органично вплетен в ее эсхатологические перспективы. Из какого бы пространства ни приходили самозванцы на царствие, из “латынской” Польши или с Урала, они опознаются по признаку чуждости» (21).

Типичное житие монаха-старообрядца, отражающее эсхатологические умонастроения периода петровского правления, представил С.М. Соловьев в биографическом очерке, посвященном Самуилу (тамбовскому дьячку Осипу Вылкоркову).

Соловьев обратил внимание, что на фигуру Петра были перенесены доводы, приводимые прежде, при обличении как антихриста Римского папы. Историк привел несколько старообрядческих версий о подмене православного царя антихристом.

Согласно одной из них, царевич Петр был подменен при самом рождении сыном Лефорта. Некий тамбовский монах Феларет сообщал, что Алексей Михайлович желал рождения сына, и царица, родившая дочь, боясь гнева супруга, подменила ее отпрыском Лефорта. По другой легенде, царя подменили уже в зрелом возрасте во время пребывания за границей, а в Россию вернулся имевший с ним внешнее сходство немец. Третьи объявляли, что настоящий царь был арестован в Стокгольме, где и пребывает в заточении.

Распространялись слухи, что находящаяся в Суздальском монастыре бывшая царица Авдотья Федоровна не признавала в прибывшем из-за границы государе своего мужа. Иные полагали, что если Петр не антихрист, то, по крайней мере, его предтеча. Среди нижегородских старообрядцев популярностью пользовался взгляд, что антихристом является епископ Питирим, особо прославившийся на ниве преследования приверженцев старой веры.

Соловьев не видел в старообрядческой оппозиции Петру ничего иного, кроме церковного обскурантизма. Согласно его интерпретации, Самуил имел негативное отношение к императору в силу лености к усвоению наук, навязываемых им (22).

П.С. Смирнов обратил внимание на династический вопрос как на важный катализатор обличения православным народом Петра I. Принимая православие, Екатерина Скавронская имела в качестве крестного Алексея Петровича, следовательно, самому Петру в духовном родстве приходилась внучкой. А надо отметить, что духовное родство на Руси почиталось выше кровного. Поэтому брак Петра и Екатерины эпатировал православное население. Последовавшая затем казнь Алексея придавала делу inferнальный характер (23).

Память о царе-антихристе оставила в народном сознании столь глубокий след, что даже четверть века спустя после его смерти Елизавету Петровну называли антихристовой дочкой.

В дальнейшем апокалипсические мотивы в сознании старообрядцев ослабевали, возрождаясь вновь в периоды социальных потрясений, как, к примеру, при нашествии Наполеона (французского императора восприняли в отдельных случаях в качестве антихриста, в других – мессией) или введения всеобщей воинской повинности 1874 г. (многие старообрядческие толки, полагая императорское государство коллективным антихристом, отказывались от службы) (24). Секта еноховцев в конце XIX – начале XX в. идентифицировала с пророком Илией, которому предназначалось выступить одним из трех разоблачителей антихриста наряду с Енохом и Иоанном Богословом, Иоанна Кронштадского. Но были и те, кто полагал живым свидетелем первого пришествия Л.Н. Толстого (25).

Сама дихотомия Армагеддона – сила Христа и сила антихриста (у духов – дети Каина и дети Авеля) была сохранена старообрядческими общинами, от которых заимствована в целом русской историософской мыслью, дуалистической и конспирологической по своим формам.

Вульгаризированным приемом представляется проведение параллелей и обобщений между русским расколом и европейской реформацией, отождествление беспоповского старообрядчества и протестантизма. Если протестантское отрицание таинств и института церкви имело в основе рационалистическую парадигму, старообрядческое – мистификацию апокалиптической экзальтации. По учению Иоахима Флорского, наступающие вслед за эпохами Отца и Сына царство Святого Духа будет земным обретением Эдема.

Напротив, одни из видных противников ритуала в старообрядческой среде немоляки интерпретировали царство Святого Духа через историософию эсхатологического заката. Историческая схема представлялась им в виде цикла четырех времен года: от сотворения мира до Моисея – весна (век праотеческий); от Моисея до Христа – лето (век отеческий); от Рождества Христова до 1666 г. – осень (век сыновий); с 1666 г. – зима (век Св. Духа).

Поскольку в последние времена благодать пресеклась, остается одна надежда на спасение души в подвиге духа, но никак не в обрядовой (вещественной) или молитвенной (словесной) практике (26).

Гонения официальной церкви на старообрядцев в случае победы последних (такая победа была реальностью, к примеру, во время старообрядческого стрелецкого мятежа кн. Хованского в 1682 г.) предполагали бы не меньшие гонения на никониан. Аввакум призывал Алексея Михайловича: «Еретиков никониян токмо любишь, а нас, православных христиан, мучишь, правду о церкви Божий глаголющих ти. Перестань-ко ты нас мучить-тово! Возми еретиков-тех, погубивших душу твою, и пережги их скверных собак, латынников и жидов, а нас распусти, природных своих» (27), а Федору Алексеевичу давал совет: «Перво бы Никона-того собаку, разсекли бы начетверо, а потом бы никониян-тех» (28). Не жаловал Аввакум не только патриарха, но и самого царя: «Я еще, даст Бог, прежде суда тово Христова, взявше Никона разобью ему рыло, блядин сын, собака, смутил нашу землю. Да и глаза ему выколупаю, да и толкну его взащей; ну во тьму пойдя, не подобает тебе явиться Христу моему свету» (29).

На том основании, что чувственного воплощения антихриста не произошло, возникло направление эсхатологических оптимистов – поповцев. Для них «Святая Русь» жива, но она есть «град Китеж», скрытое царство, ушедшее в скиты, раскольничьи поселения.

Поповцев отличала крайняя аскеза, моральный и обрядовый ригоризм, обличенные в консервативные рамки старой веры. Из их среды вышло впоследствии подавляющее большинство русских миллионеров (Морозовы, Рябушинские, Третьяковы, Солдатенковы, Рахмановы, Шелапутины, Гучковы и др.), которые создавали капитал посредством трудолюбия и жертвовали его в благотворительных целях.

Впрочем, зачастую происходило стирание граней между консерватизмом и ретроградством. Секта адамантовых (идентифицирующих себя таким названием как особо твердых последователей старой веры, т.е. традиции Адама) отвергала вообще все нововведения антихристовых времен. Их строгость отрицания модернизационных тенденций доходила до запрета ходить по каменным мостовым как изобретения эпохи царства Зверя.

Адамантовым запрещалось проживание в городах и селениях, дабы не осквернить себя общением с антихристовыми прислужниками. Тем более сатанинскими созданиями трактовали многие из сектантов, такие как пасхальники, железную дорогу, или телеграф, или автомобили. Скрытники считали дьявольскими продуктами картофель, помидоры, кофе. Галстук интерпретировался старообрядцами как «иудина удавка», символ христоотступничества. Неканонические покрои одежды (например, с открытыми руками или плечами) и формы причесок (например, волосы, спадающие ниже мочек ушей) оценивались еретичеством (30).

В понимании беспоповцев с приходом антихриста традиционные институты и обрядовые нормы оказались лишены сакральности и благодати, поскольку на каждый их атрибут возложена «печать дьявола». Православному человеку в апокалипсические времена надлежит действовать нетрадиционно. Радикализм беспоповцев простирался от практики самосожжений до пути «святотатственной святости», т.е. – борьбы с грехом посредством греха.

Русское революционное подполье было генетически связано со старообрядческими братствами. Старообрядцы составляли харизматическое ядро в воинстве Разина, Булавина, Пугачева. К ним как к революционной силе апеллировали лидеры российской оппозиции начиная от А.И. Герцена и заканчивая Лениным. С. Разин был связан с главным центром старообрядчества – Соловецким монастырем, куда совершил паломничество в период, предшествующий восстанию.

Чтобы не оказаться под антихристовой властью, требовалось бежать с Руси. Руководствуясь этим соображением, Разин отправляется в персидские походы, представляющие собой попытку прорваться в старообрядческое Беловодье (мистическую страну, потаенный «Град Китеж»). По прошествии трехлетнего срока антихристового господства, в предверии наступления нового 1669 г., разинцы сочли возможным вернуться в Россию. Военная компания 1670 г. рассматривалась ими как борьба по низвержению антихристового трона. Остатки разгромленного воинства Разина пытались пробиться к Соловецкому монастырю, стен которого удалось достичь некоторым из разинских сподвижников. С. Разин предписывал своим казакам церковью не строить, на церковные службы не ходить, церковное таинство брака заменить венчанием около вербы, что аналогично стереотипу поведения некоторых толков беспоповского направления старообрядчества (31).

С.А. Зеньковский обратил внимание на массовое участие старообрядцев в мятежах конца XVII – начала XVIII вв. Стрелецкие бунты, астраханский мятеж, восстание К. Булавина и др., согласно Зеньковскому, были прежде всего конфликтом старообрядцев с официальной властью. Участниками народного движения всерьез рассматривалась задача реставрации старой веры в качестве идеологической доктрины России. Более всего это имело шансов на успех в период «Хованщины» (32). Г.П. Федотов даже определяет стрелецкие бунты как русскую войну (33).

В старообрядчестве пребывало фактически все казачество. Даже приближенный ко двору атаман Донского войска М.И. Платов являлся активным старообрядческим адептом. По-видимому, через парадигму старой веры следует объяснять дихотомию бунтарского духа и воинского служения отечеству казаков (34).

А.И. Герцен намеревался создать в Лондоне старообрядческий церковный центр и возвести собор, роль старосты в котором отводил себе. Он вынашивал замысел связать старообрядчество с революционным движением интеллигенции, что пытался практически осуществить, установив связи с некра-

совскими общинами. Для революционной агитации старообрядцев А.И. Герцен, Н.П. Огарев и В.Н. Кельсиев учредили издававшийся в Лондоне журнал «Общее вече». Последний из названных лондонских эмигрантов даже был возведен в должность «казак-баши» у некрасовцев.

В своих прокламациях, адресованных к казачеству, он призывал создавать старообрядческое ополчение: «Не сегодня, так завтра и христианское воинство наше пойдет на Москву выборных от народа на земский собор скликать со всей земли, а лиходеев за границу к немцам прогонять. Принимайте же воинство с честью...» (35). Вождь польской эмиграции кн. А. Чарторыйский вербовал диверсионные отряды из казаков-старообрядцев, с помощью которых предполагал поднять восстание в казацких регионах России (36).

Реакцией на манифест 1861 г. явилось оформление идеологии секты «неплательщиков», призывавших не платить податей и не нести повинностей. Ведущей свое происхождение от антихриста гражданской власти, по их учению, нельзя повиноваться ни в чем. Осуществлять платежи или нести воинскую службу означает умножать силы беззакония. Среди доводов против платы за землю была религиозная аксиома, что та принадлежит лишь Господу, а потому никому из людей персонально (37).

В исторической литературе много писалось о социалистском хождении в народ 1874 г., завершившемся фиаско. Но ведь устами Д.С. Мережковского было провозглашено и второе хождение. Причина неудачи первого усматривалось в том, что интеллигенция, обращаясь к народу, игнорировала его религию, каковой является старая вера. В результате этого религиозного хождения многие видные представители российской общественной мысли и культуры оказались посвящены в старообрядческие общины.

Культовое народническое произведение «Кому на Руси жить хорошо» было написано по мотивам раскольничьих сюжетов. Крупнейшим знатоком и апологетом русского сектантства, особенно хлыстовства, являлся В.Д. Бонч-Бруевич (38). Даже В.И. Ленин на II съезде РСДРП указывал на сектантские братства как идеальную форму революционных сообществ. У Н.А. Клюева, серьезно изучавшего старообрядческое движение и принадлежавшего к бегунскому толку, имелись такие строчки:

*«Есть в Ленине керженский дух,
Игуменский окрик в декретах.
Как будто истоки разрух
Он ищет в Поморских ответах».*

Принадлежность к старообрядческой культуре В.И. Сурикова нашло преломление в инфернализации, по принципу инквизиторского цезаризма, императорской власти («Утро стрелецкой казни»), апелляции к старой московской Руси и антиподам «антихристового трона» Романовых из раскольничьей среды – противостоятелям никонианству XVII в. («Боярыня Морозова»), стрельцам, казакам.

Через религиозный фактор объяснение получает динамика трансформация искусства от салонного «академизма», злоупотреблявшего сюжетами языческой мифологии, к реализму, пытавшемуся постичь основы народной ментальности, питаемые традицией старой веры. Становится понятным, почему миллионер-старообрядец П.М. Третьяков субсидировал работы В.И. Сурикова и других передвижников.

По-видимому, русофильский характер изложения истории в трудах Б.А. Рыбакова имел истоки старообрядческого семейного воспитания. Его отец являлся первым директором учрежденного в 1912 г. Московского старообрядческого учительского института. В Старообрядческой народной академии читали лекции Е. Трубецкой, А. Кизеветтер, С. Булгаков. Не вступая непосредственно в общины староверов, они обнаруживали в них более мощный духовный потенциал, чем в РПЦ (39).

По учению одной из наиболее радикальных сект «Спасова согласия», или «нетовщины», в мире царствует антихрист и, принимая законы мира, человек попадает под его влияние. Поэтому следует восстать как против государства, лишившегося сакральности, так и против церкви, потерявшей благодать, и находящихся на антихристовой службе. «Спасовым согласием» был выдвинут принцип «святоотечественной святости» – борьбы с грехом посредством греха. Поэтому нетовцы, как и хлысты, сжигали иконы, устраивали оргии и т.п. По их представлениям, в апокалиптические времена требовалось отказаться от всей религиозной догматики и обрядовости, сохранив лишь веру в Спаса.

По календарю секты перевертанцев, Церковь они посещали в будничные дни – по-праздничному, в праздники – по-будничному, в пост как в мясоед, а в мясоед – как в пост. Они полагали, что в апокалиптические времена следует действовать от противного к традиционным обрядовым нормам (40).

Оргиастические мистерии, как преодоление антихристового плена, практиковались в культах акулиновщины, любушкина согласия, малеванщины, хлыстовства, нетовщины, паниашковщины, подгорновцев, прыгунов, бегунов, телешей и др. Одно перечисление говорит о том, что феномен дионисийского сектанства представлял собой крупномасштабное явление в дореволюционной России. Оргии, чинимые Г. Распутиным, эпатазирующие интеллигенцию, видевшую в них лишь проявление греховности и лицемерие старца, вполне коррелируются с его принадлежностью к хлыстовской секте (практике «радений»).

Судебное разбирательство 1897 г. по делу крестьян Шуйского уезда Владимирской губернии подтвердило многочисленные слухи о практике ритуальных убийств у бегунов. Небезынтересно, что ритуал именовался «красной смертью», жертва – «красносмертником», а палач – «подпольником» (41).

Не потому ли большевики громили православные храмы, совершая это не в силу неверия, а выступая за очищение веры? Не случайно В.С. Соловьев пришел к выводу, что ныне дух Божий находится не с ортодоксами,

а с нигилистами. Н.А. Клюев писал «Убийца красный святей потира!», а А.А. Блок, также интересовавшийся проблемой раскола, поставил в «Двенадцати» впереди отряда красногвардейцев (12 апостолов) Иисуса Христа (знаменательно, что у Блока написание имени Мессии не ортодоксальное «Иисус», а именно старообрядческое «Иус»). Становится понятным, почему С.Т. Морозов, как и другие богатейшие старообрядцы, давали деньги на революцию. Это не являлось капризом, а напрямую проистекало из их религиозного мировоззрения (42).

Теория коммунистического общежития еще до революции апробировалась в различных направлениях русского сектантства. Особенно значительный успех подобные эксперименты имели среди молокан (43). Кстати, архив Департамента полиции свидетельствует о пристальном внимании охраны к старообрядческому следу в революции, хотя этот аспект сыскной деятельности пока также не нашел своего исследователя (44).

Теория «симфонии» духовной и светской власти на Руси была дискредитирована попыткой Никона учреждения теократической государственности по католическому образцу. Победа Алексея Михайловича привела к окончательному торжеству цезарепапистской системы, квазиангликанского суррогата, разрушившего миф о русском «катехоне». На вселенском соборе 1666–1667 гг. духовным представителем Руси выступал сам царь, где он с патриархами из стран, покоренных иноверцами, судил русскую веру. Богословскими авторитетами провозглашались иноземцы, редакционной правкой книг ведали авантюристы типа грека Паисия Легарида, не раз менявшего вероисповедание в зависимости от материальных выгод. Никоновская религиозная русофобия была предвестником тотальной русофобии Петра I. Цезарепапистская модель Романовых XVII в. являлась преамбулой к учреждению синодального строя в императорской России.

«Святая Русь» действительно погибла, утратив цельность бытия. Государство – «царство Кесаря» – стало выступать антитезой общества. Государственная правда («закон») и народная правда («справедливость») оказались субстанционально противоположными понятиями. Космополитическая культурная ориентация правящей элиты вступала в противоречие с национальной традицией народной культуры. Официальная церковь оказалась формальным институтом, лишенным паствы и авторитета. Правящая элита симпатизировала западным учениям, народная Русь тайно или явно рассредоточивалась по раскольничьим общинам. «Русский порядок» – государство и официальная церковь – содержали некоторые внешние аспекты бытия «Святой Руси», составившие консервативную традицию императорской России. «Русский бунт», утратив форму, сохранил отдельные внутренние стороны жизни «Святой Руси» и прежде всего претензию на справедливость, создав преемственность революционной России. С раскола русская идея разделилась на две полуистины.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990. – С. 118.
- (2) Житие Аввакума / Пустозерская проза. – М., 1989. – С. 71.
- (3) *Миллюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. – М., 1994. – Т. 2. – С. 51.
- (4) Житие Аввакума // Пустозерская проза... – С. 18–19, 104.
- (5) Аввакум. Из книги бесед // Пустозерская проза... – С. 102, 105–106.
- (6) Там же. – С. 105.
- (7) Там же.
- (8) *Голубинский Е.* К нашей полемике с старообрядцами // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. – М., 1905. – Кн. 3. – С. 151; *Pascal Pierre.* Avvakum et les debuts du raskol, ed. III / Paris, 1969. – P. 57.
- (9) *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество: духовное движение XVII века. – М., 1995. – С. 97.
- (10) *Миллюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры... – С. 58, 60.
- (11) *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество... – С. 445; *Сапожников Д.И.* Самосожжение в русском расколе со второй половины XVII и до конца XVIII вв. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. – М., 1891. – Кн. 3–4; *Миллюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры... – С. 77.
- (12) Аввакум. Два послания Симеону из книги Толкований // Пустозерская проза... – С. 152–153.
- (13) Материалы для истории раскола за первое время его существования. – М., 1876. – Т. 1. – С. 343, 444, 449; Т. 2. – С. 98, 100.
- (14) Там же. Т. 6. – С. 284.
- (15) *Аввакум.* Два послания Аввакума ко всем исповедующим старую веру // Пустозерская проза... – С. 170.
- (16) *Вургафт С.Г., Ушаков И.А.* Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. – М., 1996. – С. 30.
- (17) *Смирнов П.С.* Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII. – СПб., 1909. – С. 155.
- (18) *Соловьев С.М.* Чтения и рассказы по истории России. – М., 1989. – С. 72.
- (19) *Яворский С.* Знаменья пришествия Антихриста. – М., 1703.
- (20) *Миллюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры... С. 58–60; *Исупов К.Г.* Русский антихрист: сбывающаяся антиутопия // Антихрист. – М., 1995. – С. 6–8; *Семевский М.И.* Самуил Выморков, проповедник явления Антихриста в 1722–1725 гг. // *Семевский М.И.* Слово и дело. 1700–1725. – СПб., 1884. – С. 125–184; *Соловьев С.М.* Монах Самуил (Страницы из истории раскола) // Православное обозрение. Т. 2. – 1860. – № 7; *Арсеньев А.Е.* «Непристойные речи». Гл. 9. Последователи Талицкого // Исторический вестник. – 1897 (август). – С. 390–393.
- (21) *Исупов К.Г.* Русский антихрист: сбывающаяся антиутопия... – С. 8.
- (22) *Соловьев С.М.* Чтения и рассказы по истории России... – С. 616–620.
- (23) *Смирнов П.С.* Внутренние вопросы в расколе XVII в. – СПб., 1898; *Он же.* Споры и разделение в русском расколе в первой четверти XVIII в. – СПб., 1909. – С. 155.
- (24) *Ширков Н.Н.* Судьба России в предсказаниях. – Рязань, 1995. – С. 58; *Пругавин А.С.* Неприемлющие мира. Очерки религиозных исканий. Анархическое течение в русском сектантстве. – М., 1918. – С. 14–20.
- (25) *Булгаков С.В.* Православие. – М., 1994. – С. 332–333.
- (26) Там же. – С. 364.

- (27) *Аввакум*. Из книги Толкований // Пустозерская проза... – С. 122.
- (28) *Аввакум*. Челобитная царю Федору Алексеевичу / Там же... – С. 133.
- (29) *Мальшиев В.И.* Два неизвестных письма протопопа Аввакума // ТОДРОЛ. – Ленинград, 1958. – Т. 14. – С. 420.
- (30) *Булгаков С.В.* Православие. – М., 1994. – С. 238–284, 378; *Вургафт С.Г., Ушаков И.А.* Старообрядчество... – С. 202, 261.
- (31) *Щапов А.Ф.* Сочинения. Т. 1. – СПб., 1906. – С. 466; *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество... – С. 326.
- (32) *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество... – М., 1995.
- (33) *Федотов Г.П.* Новый град. Трагедия интеллигенции... – С. 27.
- (34) *Вургафт С.Г., Ушаков И.А.* Старообрядчество... – С. 225.
- (35) Там же. – С. 138.
- (36) *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество... – С.17–18.
- (37) *Булгаков С.В.* Православие. – М., 1994. – С. 365.
- (38) *Бонч-Бруевич В.* Материалы к изучению русского сектантства и раскола. – СПб., 1908.
- (39) *Вургафт С.Г., Ушаков И.А.* Старообрядчество... – С. 273.
- (40) *Булгаков С.В.* Православие... – С. 381.
- (41) Там же. – С. 410–411.
- (42) *Дугин А.Г.* Тамплиеры Пролетариата (национал-большевизм и инициация). – М., 1997. – С. 52–59, 64.
- (43) *Булгаков С.В.* Православие... – С. 372–375.
- (44) Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Ф. 102. – Оп. 1. – Д. 12.

REFERENCES

- (1) Berdjaev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [Origin of Russian Communism]. Moscow, 1990, p. 118.
- (2) *Pustozerskaja proza* [Pustozersky prose]. Moscow, 1989, p. 71.
- (3) Miljukov P.N. *Očerki po istorii russkoj kul'tury* [Essays on the History of Russian Culture]. Moscow, 1994. vol. 2, ch. 1, p. 51.
- (4) *Pustozerskaja proza*. pp. 18–19, 104.
- (5) *Ibid.*, pp. 102, 105–106.
- (6) *Ibid.*, p. 105.
- (7) *Ibid.*, p. 105.
- (8) Golubinskij E. *Chtenija v Imperatorskom obshhestve istorii i drevnostej rossijskikh* [Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities]. Moscow, 1905, book 3, p. 151; Pascal Pierre. *Avvakum et les debuts du raskol*. Paris, 1969, p. 57.
- (9) Zen'kovskij S.A. *Russkoe staroobryadchestvo: duhovnoe dvizhenie veka* [Russian Old Believers : spiritual movement century]. Moscow, 1995, p. 97.
- (10) Miljukov P.N. *Očerki po istorii russkoj kul'tury*. pp. 58, 60.
- (11) Zen'kovskij S.A. *Russkoe staroobryadchestvo*, p. 445; Sapozhnikov D.I. *Chtenija v Imperatorskom obshhestve istorii i drevnostej rossijskikh* [Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities]. Moscow, 189book 1, 3–4; Miljukov P.N. *Očerki po istorii russkoj kul'tury*, p. 77.
- (12) *Pustozerskaja proza*, pp. 152–153.
- (13) *Materialy dlja istorii raskola za pervoe vremja ego sushhestvovanija* [Materials for the history of the split in the first period of its existence]. Moscow, 1876, vol. 1, pp. 343, 444, 449; vol. 2, pp. 98, 100.

- (14) Ibid., vol. 6, p. 284.
- (15) *Pustozerskaja proza*, p. 170.
- (16) Vurgaft S.G., Ushakov I.A. *Staroobryadchestvo. Lica, predmety, sobytija i simvoly* [Old Believers . Faces, objects , events and characters]. Moscow, 1996. p. 30.
- (17) Smirnov P.S. *Spory i razdelenija v russkom raskole v pervoj chetverti* [Disputes and divisions in the Russian schism in the first quarter]. St. Petersburg, 1909, p. 155.
- (18) Solov'ev S.M. *Chtenija i rasskazy po istorii Rossii*, p. 72.
- (19) Javorskij S. *Znamen'ja prishestvija Antihrista* [Signs of the coming of the Antichrist]. Moscow, 1703.
- (20) Miljukov P.N. *Očerki po istorii russkoj kul'tury*, pp. 58–60; Isupov K.G. *Antihrist* [Antichrist]. Moscow, 1995, pp. 6–8; Semevskij M.I. *Slovo i delo. 1700–1725* [Word and deed]. St. Petersburg, 1884. pp. 125–184; Solov'ev S.M. *Pravoslavnoe obozrenie – Orthodox Observer*, 1860. vol. 2, no. 7; Arsen'ev A.E. *Istoricheskij vestnik – Historical Journal*, 1897. August. pp. 390–393.
- (21) Isupov K.G. *Antihrist (iz istorii otechestvennoj duhovnosti)* [Antichrist (from the history of Russian spirituality)]. M., 1995, p. 8.
- (22) Solov'ev S.M. *Chtenija i rasskazy po istorii Rossii* [Reading and stories on the history of Russia]. Moscow, 1989, pp. 616–620.
- (23) Smirnov P.S. *Vnutrennie voprosy v raskole XVII v.* [Internal issues in split XVII]. St. Petersburg, 1898; Idim. *Spory i razdelenie v russkom raskole v pervoj chetverti XVIII v.* [Disputes and division in Russian schism in the first quarter of XVIII century]. St. Petersburg, 1909, p. 155.
- (24) Shirkov N.N. *Sud'ba Rossii v predskazanijah* [The fate of Russia in the predictions]. Rjazan'. 1995, p. 58; Prugavin A.S. *Nepriemljushhie mira. Očerki religioznych iskanij. Anarhicheskoe techenie v russkom sektantstve* [Does not accepting the World. Essays religious quest . During Anarchist in Russian sectarianism]. Moscow, 1918, pp. 14–20.
- (25) Bulgakov S.V. *Pravoslavie* [Orthodoxy]. Moscow, 1994, pp. 332–333.
- (26) Ibid., p. 364.
- (27) *Pustozerskaja proza*, p. 122.
- (28) Ibid., p. 133.
- (29) Malyshev V.I. *TODROL*. Leningrad, 1958, vol. 14, p. 420.
- (30) Bulgakov S.V. *Pravoslavie*, pp. 238–284, 378; Vurgaft S.G., Ushakov I.A. *Staroobryadchestvo. Lica, predmety, sobytija i simvoly*, pp. 202, 261
- (31) Shhapov A.F. *Sochinenija* [Works]. St. Petersburg, 1906, vol. 1, p. 466; Zen'kovskij S.A. *Russkoe staroobryadchestvo*, p. 326.
- (32) Zen'kovskij S.A. *Russkoe staroobryadchestvo: duhovnoe dvizhenie XVII veka* [Old Believers. Faces, objects , events and characters]. Moscow, 1995.
- (33) Fedotov G.P. *Novyj grad. Tragedija intelligencii*, p. 27
- (34) Vurgaft S.G., Ushakov I.A. *Staroobryadchestvo*, p. 225.
- (35) Ibid., p.138.
- (40) Bulgakov S.V. *Pravoslavie*, p. 381.
- (41) Ibid., pp. 410–411.
- (42) Dugin A.G. *Tampliry Proletariata (nacional-bol'shevizm i iniciacija)* [Templars of the Proletariat (National Bolshevism and initiation)]. Moscow, 1997, pp. 52–59, 64.
- (43) Bulgakov S.V. *Pravoslavie*, pp. 372–375.
- (44) GA RF, f. 102, d. 12, ch. 3.

ESCHATOLOGY OF RUSSIAN RELIGIOUS SCHISM

V.E. Bagdasarian

Department of History, Political Science and Law
Moscow State Regional University
Radio Str., 10-1, Moscow, Russia, 105005

S.I. Resnyansky

Department of Russian History
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay Str., 10-2, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to the eschatological component of the Russian religious schism of the XVIIth century. The authors prove its significance in terms of the social cataclysms of the "buntashny century" and consider the correlation between the identifiable positions in the schism and the genesis of the "Third Rome" doctrine. The authors present historiosophia of the schism theory.

Key words: schism, «Moscow – the Third Rome», Orthodoxy, Old Believers, eschatology, the Antichrist.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ВОЗЗРЕНИЯХ РОССИЙСКИХ ЛИБЕРАЛОВ И РЕФОРМАТОРОВ-ДЕМОКРАТОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.

Р.А. Арсланов

В.В. Блохин

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается отношение крупнейших мыслителей либерального и реформаторско-демократического направлений России эпохи пореформенной модернизации к отечественной интеллигенции. Анализируется саморефлексия видных представителей российской интеллигенции. Особое внимание уделяется их пониманию характера, особенностей и исторической роли интеллигенции. Выявляется специфика подходов во взглядах на интеллигенцию, отражавшая складывание различных оппозиционных течений, разрабатывавших свои модели развития страны.

Ключевые слова: интеллигенция, демократия, либерализм, государство, народ, реформы, революция, просвещение, политический кризис, общественный подъем.

Сегодня, как и более века назад, в российском обществе ведутся споры о характере и роли интеллигенции в жизни страны. Одни видят в ней движущую силу протестного движения, другие говорят о превращении в служанку власти, третьи обосновывают ее исчезновение как особой общественно-политической силы.

Обращение к теме саморефлексии российской интеллигенции эпохи рыночной модернизации конца XIX – начала XX в. дает возможность не только проанализировать ее видение собственной исторической роли и тем самым осмыслить особенности демократического движения России в прошлом, но и лучше понять ее возможности и стоящие перед ней насущные задачи в настоящем. Тем более что интеллигенция продолжает оставаться в центре внимания исследователей, обрастая все увеличивающейся научной литературой (1). Определенный интерес вызывает и проблема саморефлексии интеллигенции (2).

Вместе с тем отдельные аспекты ее истории, и прежде всего сравнение восприятия интеллигенции представителями отдельных течений общественной мысли, не получили должного освещения, что и делает обращение к теме необходимым. В статье предполагается сопоставить взгляды крупнейших представителей либерального и демократического направлений на характер,

особенности, исторические задачи, а также на отношение к народу и власти российской интеллигенции конца XIX – начала XX в.

Следует заметить, что особенно острые дискуссии о сущности и предназначении российской интеллигенции возникали в период общественных потрясений и политических кризисов конца 1870-х – начала 1880-х гг., а затем – на рубеже XIX–XX вв. При этом если радикальные публицисты подчеркивали ее народолюбие, жертвенность и особую историческую миссию, заключающуюся в спасении страны от «ужасов капитализма» с помощью революции, а консерваторы разоблачали ее буржуазность и космополитизм, обвиняли в национальной беспочвенности и отрыве от подлинных нужд народа, то либералы и умеренные демократы предложили свое понимание ее характера и роли в обществе.

Теоретик либерализма, один из основателей «государственной школы» в исторической науке К.Д. Кавелин хотя и не разработал цельную концепцию интеллигенции, сформулировал ряд идей, позволивших судить о его отношении к этой социальной группе. Прежде всего он видел в интеллигенции решающую силу общественного развития страны, считал что «...зачинателями и носителями движения являются... высшие образованные слои», в которых «сосредотачивается и знание, культура, наука, искусство и вся умственная жизнь общества» (3).

Вместе с тем Кавелин противопоставлял интеллигенцию образованному обществу, так называемому «культурному слою». К нему в 1882 г. он относил те высшие группы общества, «...которым по их положению и материальным средствам блага цивилизации, науки искусства более доступны, чем массам, трудящимся над черной работой из-за куска хлеба». При этом в его трактовке «культурность» данного слоя была мнимой, ибо он заботился не о народе, а лишь о своих эгоистических интересах. По словам Кавелина, «где культуры нет в массах, там высшие слои только по названию суть культурные; на самом же деле их цивилизация и образованность есть кажущаяся... обманчивая: ее нет в нравах» (4).

Таким образом, в построениях Кавелина подлинная интеллигенция, в отличие от образованного общества, не ограничивалась лишь интеллектуальной деятельностью в своем узком кругу, а занимала активную жизненную позицию, пытаясь всеми силами помочь народу вырваться из нищеты и невежества. При этом главное, что мешало крестьянству изменить к лучшему свою жизнь, заключалось, по мнению либерала, не столько в его культурной отсталости, сколько в «стертости личного начала», являвшейся обратной стороной его беспорядка, сохранения общинных порядков, произвола власти и пр.

Просвещение народа, формирование в нем личности и выдвигалось Кавелиным на первый план. «У нас народное образование, – писал он, – должно преобразовать людей, и через них и самую жизнь, создать, т.е. привести к сознанию и призвать к жизни то, что бессознательно лежит в глубине народного духа, но не играет еще никакой роли в устройении быта и людских

отношений, пересоздать народные привычки, понятия верования, – все, что в народе выросло на почве безличности, бесправия и невежества» (5).

Таким образом, Кавелин выдвигал перед интеллигенцией огромной важности историческую задачу – просветить народ, без чего невозможно было создать личность и гражданское общество, а в целом – обеспечить прогрессивное развитие страны.

Вместе с тем либеральный мыслитель констатировал существование между народом и интеллигенцией огромной пропасти, того социокультурного раскола, который до крайности обострял противоречия процесса модернизации. «Между логикой интеллигенции и логикой трудящегося мелкого люда, составляющего громадную массу, – писал он, – нет решительно ничего общего, ни переходов, ни связующих звеньев. Одно, кажется, несомненно: мотивы, которые искали и довольно верно в основании народного мирозерцания и предания в учении славянофилов, значительно ослабли и потускнели; но так же мне кажется, несомненно, что они не заменились никакими другими. В этом трагизм и нашего положения» (6). Таким образом, культурная пропасть, по мнению Кавелина, стояла на пути интеллигенции к народу и, лишая какой-либо социальной поддержки устремления ее либеральной части, представляла собой серьезную опасность для будущего страны.

Представляется, что на взгляды Кавелина на интеллигенцию оказало определенное влияние народническое учение о ее долге перед народом. Вместе с тем Кавелин выступил с критикой радикального крыла народнической интеллигенции, тратившей силы и несущей, по его мнению, напрасные жертвы ради воплощения утопических идей. Он призывал интеллигенцию учитывать все стороны жизни и быта крестьян, объективно оценивать его внутренний мир и устремления. «Для одних наши крестьяне чуть-чуть не аркадские пастушки, – писал он. – Другие, из самых лучших побуждений, переносят на крестьян все самые светлые и высокие идеалы человеческого совершенства... призывают учиться у крестьян» (7).

Но главное заблуждение народников заключалось, по его мнению, в том, что в изменившихся пореформенных условиях они не заметили превращение крестьянской общины, долгое время воспринимавшейся ими основой социалистического переустройства страны, в структуру, сохранявшую «запоздалые остатки исчезающего стадного чувства и полнейшей индивидуальной неразвитости». Они не увидели втягивание крестьянского хозяйства в рыночные отношения, которые вели к утверждению «... между крестьянами индивидуализма, грубого, неприглядного и беспощадного, каким он везде и всегда бывает при первом своем появлении и первых попытках вступить в права гражданства» (8).

Таким образом, созданный народнической интеллигенцией общинный идеал крестьянства, как полагал Кавелин, не только не соответствовал постулатам социалистической теории, но и отражал неразвитость, патриархальность крестьянства, к тому же стремившегося не к социальной справед-

ливости, а к развитию индивидуального хозяйства и личному обогащению любыми средствами.

К недостаткам русской народнической интеллигенции Кавелин относил не только ее идеализацию крестьянства, но и поверхностное восприятие европейской мысли, предрасположенность не к творчеству новых форм, а к уравнительной справедливости. Истоки ее слабых сторон либеральный публицист видел в оторванности от реальной жизни, враждебном отношении к государству и полном отрицании положительного значения проводимых реформ. «В образованных слоях нашего общества, – писал он, – внешний формализм, с одной стороны, удаль и разгул – с другой, переносятся в сферу мысли и духовной деятельности. Нравственная пустота, сила без внутреннего центра тяжести – вот элементы нашего умственного казачества» (9), – так достаточно образно характеризовал Кавелин идейные шатания радикальной части интеллигенции, подчеркивая ее духовную близость к анархически настроенному казачеству прошлого.

Вместе с тем, критикуя интеллигенцию, Кавелин, защищал ее от нападок со стороны представителей консервативных сил. Так, он не принял той части знаменитой «пушкинской речи» (1880) Ф.М. Достоевского, в которой великий писатель противопоставлял народу – якобы «хранителю христианской правды» – интеллигенцию – «отщепенца от этой правды» (10). Споря с Достоевским, он писал, «что как бы мы любовно не смотрели на народные массы, нельзя признать их в том виде, в каком они существуют, идеалом совершенства». Кавелин не принял основную идею великого писателя о высоких нравственных качествах русского народа, будто бы пропитанного духом христианства и тем выгодно отличающегося от «беспочвенной интеллигенции». Он подчеркивал неопределенность характера «нашей духовной природы», несовпадение практической жизни с нормами морали и полагал, что «просвещение народных масс в духе христианства еще ожидает своих деятелей» (11).

Кавелин выступал и против официального курса, направленного на изоляцию интеллигенции от народа. Властям он говорил о том, что «пора перестать бояться соприкосновения интеллигенции и нарождающихся молодых сил с крестьянским населением», саму же интеллигенцию убеждал в том, что ее «бескорыстная, самоотверженная, идейная любовь к народу» могла лучше всего проявиться «в служении на пользу грубых и темных народных масс... в должностях народных учителей... станowych, исправников, мировых судей... в звании фельдшеров и т.п.» (12). Таким образом, он призывал интеллигенцию отказаться от утопических устремлений и сосредоточиться на «малых делах», создающих условия для воплощения идей свободы и создание гражданского общества в стране.

При этом мыслитель сравнивал роль интеллигенции в проведении культурных преобразований и развитии внутреннего мира человека с тем, что должно было осуществить государство в административно-политической и

социальной сферах. Таким образом, перспективы развития России Кавелин связывал с соединением усилий интеллигенции, призванной осмыслить и сформулировать «русский национальный интерес» и просвещать народ, и государства, обязанного создавать необходимые экономические и правовые условия для осуществления ее модернизации. В итоге модель будущей России – «мужицкого царства» – представлялась ему «...необозримым морем оседлого, свободного, трудящегося, благоустроенного крестьянства, с сильной центральной властью, обставленной высшей интеллигенцией, постоянно вырабатываемой страной, но не составляющей ни юридически, ни экономически привилегии какого бы то ни было класса, сословий или общественной группы. Преобладание свободного крестьянства, представляемого бессословной интеллигенцией, исключает возможность господства черни и ее последствий – цесарской власти, ограбления богатых в пользу бедных, нетерпимости религиозной или национальной...» (13).

В этом проекте Кавелина интеллигенция выступала в качестве духовной силы, выражающей интересы не какой-либо социальной группы, а всего народа. Обеспечивая связь между народом и государством, она была призвана, с одной стороны, не допустить революции, приводящей к установлению «диктатуры черни» со всеми ее трагическими последствиями, а с другой, – помочь государству обеспечить мирное обновление страны, воплотить в жизнь идеалы либерализма с учетом российских особенностей. Таким образом, с помощью интеллигенции, осваивающей современную науку и осмысливающей российские реалии, Кавелин надеялся соединить в русском обществе традиционное и либеральное, самобытное и европейское, что и должно было обеспечить стране свой собственный, либеральный в основе, путь развития и вхождения в мировую цивилизацию.

Последователь Кавелина, известный правовед и публицист «Вестника Европы», представитель молодого поколения «государственной школы» А.Д. Градовский разработал более цельную, чем его идейный учитель, концепцию русской интеллигенции.

Под интеллигенцией он понимал, прежде всего, «...совокупность таких умов, в которых как в фокусе сосредотачивается разумение всех потребностей целой страны, от верхнего ее слоя до нижнего, всех ее стремлений и задач, которые умеют дать разумную формулу всякому движению, указать исход всякому замешательству и нравственному влиянию которых подчиняются все действующие силы страны» (14).

Таким образом, либеральный мыслитель подчеркивал, прежде всего, бессословный характер интеллигенции, в котором видел не ее слабость, а силу, заключающуюся в возможности осмысливать и формулировать интересы всех слоев общества, в способности оказывать на них не экономическое или политическое, а нравственное влияние.

Само становление российской интеллигенции Градовский связывал с потребностями государства в развитии и просвещении, которые наиболее

полно осознал и стал воплощать в своих реформах Петр I. По словам публициста, «просвещение водворялось в России первоначально вовсе не ради всенародной нужды, а просто потому, что государству нужны были образованные служилые люди» (15).

Таким образом, появление русской интеллигенции, да и ее развитие он определял, с одной стороны, реформаторской деятельностью государства, а с другой, – заимствованием европейского просвещения. Ее же превращение в самостоятельную силу происходило, согласно представлениям Градовского, по мере восприятия идеи свободы, а также перехода в оппозицию к реакционным устремлениям власти и отсталым «общественным учреждениям». Так, по его словам, «впервые самостоятельный голос» интеллигенции «раздался в лице Новикова и Радищева, и до сей поры мы видим, что все ее усилия были направлены к установлению таких условий, при которых возможно правильное развитие человеческой, а следовательно, и народной личности». Градовский в условиях цензуры не мог написать открыто, что основным таким условием была свобода. Вместе с тем он отметил вклад интеллигенции в отмену крепостничества, ограничение телесных наказаний, развитие школы и печати, высоко оценил ее борьбу за «свободу совести», что в комплексе и создавало предпосылки для «правильного развития всех материальных и нравственных сил» народа (16).

Защищая, как и Кавелин, интеллигенцию от прозвучавших в пушкинской речи Достоевского обвинений в беспочвенности («скитальчестве»), гордыне, праздности, «стремлении будоражить народ» вместо того, чтобы служить ему, либеральный публицист в статье «Мечты и действительность» подчеркивал, что интеллигенция как общественная сила складывалась в результате отрицания не «народной правды», а крепостнических порядков и «общественных учреждений» того времени.

Именно стремление помочь народу, «ненависть к рабству», тяготевшему над ним, сделали из интеллигенции «проповедников освобождения» и привели к сотрудничеству с властью, лучше всего понимавшей общественные потребности. И лишь на пути служения народу, заключавшемся, прежде всего, в его приобщении к «просветительскому движению», было возможно преодолеть взаимное отчуждение.

Градовский признавал силу и значение «мощной проповеди личной нравственности» Достоевского, но доказывал, что развитие людей не может происходить без совершенствования «общественных учреждений, воспитывающих в человеке если не христианские, то гражданские доблести» (17).

Вместе с тем Градовский, как и его идейный учитель, выступил против прозвучавшей в речи Достоевского идеализации народа, его нравственных качеств. Полагая, что в народе сохраняется «еще слишком много неправды, остатков векового рабства», либеральный публицист утверждал, что лишь с помощью интеллигенции он сможет «воспринять свободно начала общечеловеческой культуры» и принять осознанное участие в преобразованиях, на-

чатых в 1861 г. (18). При этом Градовский был убежден, что «никакие общественные установления не могут развиваться, ни даже пустить корни, если человеческая личность не обеспечена в своих элементарных правах» (19).

Таким образом, Градовский, как и Кавелин, основную проблему народа, да и высших слоев, видел в их обезличенности, без преодоления которой невозможно было творчество и общественное развитие (20). Решение же задачи становления и развития личности, немыслимое без обеспечения ее прав и свобод, возлагалось им на интеллигенцию и государство.

Либеральный публицист полагал, что внеклассовость отличает не только русскую, но и западноевропейскую интеллигенцию, которая «...составляется из разных элементов, и тем шире ее стремления, тем полнее ее влияние. Она понимает и умеет выразить интересы крестьянина и фабричного рабочего точно также, как интересы других высших классов общества, и притом выразить их в гармонии... в степени, согласной с благом целого... От этого все слои общества считают представителей интеллигенции одинаково своими, верят им, идут за ними» (21).

Тем самым, ведя уже полемику с радикальной частью российской интеллигенции, Градовский призывал ее не только отказаться от представлений о своей исключительной исторической роли, заключающейся в осуществлении революции трудящихся, направленной против верхов общества, но и по примеру европейской интеллигенции взять на себя реформаторскую задачу гармонизации и защиты интересов различных социальных слоев. Он критиковал революционных народников за их стремление поднять крестьянство на борьбу за чуждые ему идеалы, пробуждая в нем самые низменные инстинкты. Их агитация в народе, по мнению либерала, могла произвести «...не “революцию” (кавычки Градовского. – *Р.А.*), а просто русский бунт, “бессмысленный и беспощадный”, как говорил Пушкин» (22).

Поэтому главной задачей интеллигенции Градовский считал не разжигание страстей в народе путем пропаганды, а увеличение своих рядов в целях просвещения и нравственного воспитания народа. По его словам, интеллигенция должна была «не будить зверя, а выгнать его, чтоб дать место человеку, не продолжать деморализацию общества, разжигая и поощряя животные инстинкты, а морализовать его...» (23). Увлеченную социалистическими и революционными идеалами молодежь он призывал «не бросаться в “народный океан”, а увеличивать мыслящую, разумную и нравственную часть русского общества, потому что только здесь может она принести пользу и народу» (24). Иными словами, он убеждал молодую интеллигенцию оставаться интеллигенцией, доказывая, что только на этом «посту» она могла послужить народу.

Таким образом, Градовский, анализируя феномен российской интеллигенции, ее отношения с народом и властью, фактически разработал свою модель преобразований, в основе которой лежала идея создания свободной «народной личности» и гражданского общества в условиях сохранения сильного монархического государства. Представляется, что он, как и Кавелин,

мыслил развитие России на базе синтеза национальных и либеральных ценностей.

Интерес к вопросам роли интеллигенции в общественных преобразованиях резко вырос на рубеже XIX–XX вв., когда со всей очевидностью наметился новый общественный подъем, а само общество находилось в состоянии ожидания революции.

В определенной мере проблема интеллигенции была актуализирована и поиском движущих сил в политическом процессе, поскольку до начала XX в. «раскачать» народные массы и направить их против самодержавия лидерам оппозиционной интеллигенции так и не удалось. Обращение к взглядам публицистов реформаторско-демократического направления общественной мысли диктуется еще и тем обстоятельством, что в либеральном социализме органично сопрягались как либеральные, так и социалистические подходы к общественной реконструкции страны, намечался поиск новой стратегии политической борьбы. Отчасти такой синтез либеральных и социалистических практик и идеологий воплотился в созданной в годы первой революции «Народно-трудоу социалистической партии» (энесов).

Безусловно, идеологическая основа партии была заложена еще Н.К. Михайловским, которого по праву считают идеологом «либерального» (реформаторского) социализма. Дальнейшее развитие его идей было осуществлено в трудах А.В. Пешехонова и В.А. Мякотина, известных публицистов журнала «Русское богатство».

Работая в журнале, Пешехонов и Мякотин неявно разделяли между собой направления публицистической деятельности. Пешехонова интересовали прежде всего экономические вопросы, а Мякотин большее внимание уделял исторической проблематике. Но и тот и другой страстно отстаивали сложившуюся в журнале концепцию интеллигенции. Наиболее полно их взгляды были отражены в статье Мякотина «Профессор 40-х годов» и в цикле статей Пешехонова «К вопросу об интеллигенции».

Ключевая идея реформаторского демократизма, развившего взгляды либералов предшествующей эпохи, состоит в обосновании исторического значения личности, нацеленности на ее освобождение. Пешехонов, характеризуя смысл либерально-народнической программы, писал: «Благо личности как цель, сознательное вмешательство в исторический процесс как средство, общественный идеализм как двигатель – вот основные пункты этой программы...» (25).

Мякотин, обращаясь к истории идей и русской мысли, в определенной мере находил в них подтверждение либерально-народнической программы. Так, осмысливая роль западника Т.Н. Грановского в истории общественного движения России, он находил в его либеральной концепции созвучные реформаторскому народничеству ноты, подчеркивал, что «профессор “сороковых годов” превыше всего ценил человеческую личность, введя в науку понятие о свободной от роковых определений личности» (26).

Средством общественной эмансипации личности и интеллигентны середины XIX в. и либеральные демократы начала XX в. считали просвещение и науку в ее позитивистском, естественно-научном толковании. Безоговорочную веру в силу научного знания Мякотин находил у Грановского, который в данном контексте выступает как предтеча демократов. По словам публициста, Грановский «уже намечал возможность разрешения загадок истории путем естественно-научного объяснения» (27). Убежденным позитивистом выступал и Пешехонов. Отвергнув метафизическое мировоззрение, он формулировал свое кредо: «Я научился преклоняться перед научным знанием и его методами, перед критической мыслью и ее результатами» (28).

В статье «Проблемы совести и чести в учении новейших метафизиков» (1903), написанной в ответ на вышедший из печати идеалистический манифест «Проблемы идеализма», Пешехонов заочно полемизирует с Б.А. Кистяковским, который подверг тщательному анализу субъективную социологию Михайловского (29). С точки зрения идеалистов, социальное зло – неизбежно, а добро является не столько социологической закономерностью, сколь нравственным императивом.

Проблему социального добра идеалисты переносили в сферу «нравственной гармонии», в трансцендентную область. Конечно, Пешехонов хорошо понимал характер теоретических обвинений со стороны идеалистов и решительно встал на защиту социологических принципов Михайловского, правда, дополнив и обогатив их новыми аргументами.

Как и Михайловский, Пешехонов полагал, что интеллигенция составляет особую внеклассовую группу, служащую идеалам всестороннего развития личности. Такие факторы ее самосознания, как «ум» и «чувство», являются основой для сближения с народом, исполнения ее долга перед ним. Долг, по убеждению Пешехонова, является не субъективным произволом интеллигенции, а объективной реальностью, отражает направленность закона причинности в неживой природе.

И в этом вопросе Пешехонов принципиально расходится с идеалистами, подчеркивая тесную связь двух реальностей – «мира сущего» и «мира должного». Он писал, что «даже в нашем сознании мы допускаем элементы “долга”... Мы говорим не только, что то или иное из этих явлений совершится, но и то, что земля “должна” двигаться, камень “должен” упасть, свеча “должна” погаснуть. В этом “должен”, “должна”, конечно, нет ничего метафизического. В данном случае для нас совершенно ясно, каким образом категория *сущего* (подчеркнуто автором – В.Б.) сменяется категорией должного. Ретроспективная работа сознания вскрывает причины сущего, в проспекте же работы сознания мысль предвидит результаты должного. Причинность и целесообразность в этом случае лежат на одной линии, только в разных направлениях» (30). Так, Пешехонов связал категорию этики с сущим, с законом причинности.

Объективную основу категорий «должного», «возможного», «желательного» Пешехонов видел в потребностях личности, которые по своему проис-

хождению не заключают в себе «ничего метафизического». Базовыми потребностями он считал «потребность самосохранения» и «сохранения рода или вида», «пропитывающие весь организм» и являющиеся источником как инстинктивной, так и сознательной жизни. Вступая в противоречие друг с другом, эти потребности могут как способствовать жизни, так и привести к губительным последствиям. «Сделать выбор между этими возможностями, устранить противоречия между потребностями, достигнуть гармонического их сочетания, – и составляет основную задачу нравственно-разумной жизни» (31).

Если в биологическом мире эта цель достигается «путем гибели индивидов», то на высшей ступени органической жизни, в человеке привлекаются новые факторы: «на страже целостности личности и общества здесь стоят уже честь и совесть» (32). Если чувства остаются всегда неизменными, то идея чести изменчива. Известны идеи национальной, сословной и всякой групповой чести. Только сейчас является, – писал Пешехонов, – идея общечеловеческой чести (33). Осмысливала же и воплощала ее интеллигенция. Так во взглядах публициста «Русского богатства» получила развитие теория Михайловского об интеллигенции.

Постулируя рационалистическую концепцию преобразования мира, демократы-реформаторы особое внимание уделяли истолкованию истории, стремясь уяснить возможности влияния личности на исторический процесс. Так, анализируя роль Грановского в формировании интеллигенции, Мякотин обратил внимание на современную ему историческую мысль, в особенности на гегельянство, которое, как известно, в его консервативной версии оправдывало существующий порядок вещей, отдавая будущее человечества в руки безличных законов истории. Такой подход изначально лишал личность роли активного фактора общественного прогресса, порождая фатализм и сервилизм. Для Мякотина Грановский был настоящим интеллигентом, «отказавшимся от фатализма». Грановский, по его словам, видел задачу историка не в том, чтобы «оправдать историю, а лишь объяснить ее». Отсюда высокая оценка Мякотиным критики Грановским «немецкой профессуры», замкнувшейся в схоластическом восприятии жизни. Характеризуя историзм последователей Гегеля, публицист отмечал, что «они хорошо понимали прошедшее, но не понимали настоящего и будущего» (34).

Восприятие исторической науки как знания о будущем, а не прошлом было характерно для либерально-демократической мысли. Еще в 1866 г. Михайловский заявлял, что «действительное знание истории, как науки практической, имеющей своей конечной целью предсказывать будущее...» не имеет ничего общего с традиционным пониманием исторических фактов. Руководящей мыслью для историка, по его мнению, должны стать «неисторические цели», определяющие перспективу исторического развития (35).

Актуальной проблемой для народнических публицистов оставался вопрос о взаимоотношениях личности как творца истории и народной массы, в которой эта личность действовала. Проблема взаимоотношений интеллигенции и народа, героя и толпы становилась первоочередной в революцион-

ном процессе. По мнению Мякотина, одним из первых в общественной мысли России на нее обратил внимание Грановский, который «в борьбе личности с массой» увидел олицетворение «борьбы мысли с преданием...» (36).

Концепция интеллигенции нашла свое отражение в трактовке Пешехоновым природы революции 1905–1907 гг., ставшей, по его мнению, результатом столкновения бюрократии и общественности. Осмысливая причины революции, он утверждал, что «в жизни... все время происходила упорная... борьба двух радикально противоположных начал – властного усмотрения и свободного самоопределения» (37).

По убеждению публициста, расцвет бюрократического начала всегда сопровождался «неуклонным расцветом общественности». Однако развитие общественности происходило неравномерно. Быстрее всего процесс шел в «верхних этажах», т.е. среди интеллигенции, где «никогда не угасала идейная жизнь». В народной же среде, где процветал каторжный труд и «редко вспыхивал факел сознательного протеста», отсутствовала критическая мысль. Однако и в низах растет чувство протеста, объединяющее народ. Пешехонов считал, что революция 1905 г. являлась результатом не только осознания народом своей беды и одновременно своих сил, но и «кануном рождения русской демократии» (38).

Среди факторов, тормозивших формирование общественности, Пешехонов называл «полицейский социализм», стремление бюрократии поставить под контроль свободную личность. При этом народ становится «бессвязной толпой», которой легко можно управлять и которой требуется указка, дабы не ошибиться, «кто внутренний враг и где внешний». По убеждению публициста, такие «бессвязные толпы» опасны не только для общественности, но и для государства. Вышедшая из-под контроля деструктивная народная стихия способна на разрушительные действия. Характеризуя погромы в Баку и Курске, Пешехонов в статье «Народ и интеллигенция» (апрель 1905) писал, что погромщики – «это старый враг, лишь спрятавшийся за спину хулигана» (39).

Пешехонов подобно Михайловскому видит в разнуздании толпы не меньшую опасность, чем самый грубый произвол власти. В апреле 1905 г. он пишет о нарастающем движении народа. «С каждым днем движение приобретает все более стихийный характер. И нет ничего мудреного в том, что этот огонь выжжет, в конце концов, не только сорные, но и целебные травы. Может быть, будет выжжена... и русская интеллигенция. Не за Белинского и Михайловского она ответит, не за мучеников своих и героев, не за идеи свои и идеалы. Она ответит за имущие классы, среди которых выросла» (40). Публицист предупреждает о грядущей катастрофе: «Массы могут не рассмотреть, что на слом подлежат лишь перегородки и своды; под ее стихийным напором могут ведь рухнуть и стены самого здания».

Как предотвратить такой исход? Для Пешехонова ответ лежит в плоскости социальных реформ, в эволюционной модели развития общества, в утверждении политической свободы, становлении сознательной, просвещен-

ной общественности. «При свете сознательной мысли, какую интеллигенция внесет в народную среду, и в результате организующей работы, какая ею будет выполнена, она в народе найдет ту силу, которая воплотит, наконец, ее идеалы в действительность» (41).

Анализ концепции интеллигенции, сформулированной Пешехоновым и Мякотинным, показывает, что публицисты «Русского богатства» развили и применили в практическом плане в условиях начавшейся революции идеи Михайловского. Они убедительно, хотя и небесспорно, отстаивали свою позицию в полемике с идеалистами начала XX в.

Таким образом, анализ взглядов либералов и демократов двух эпох показал, что их объединяло восприятие интеллигенции как внесловной нравственной силы общества. Однако либералы акцентировали внимание на ее практической сфере деятельности, апеллировали к разуму как основному побудительному мотиву ее активности, демократы же большее внимание уделяли ее субъективному внутреннему миру как главному фактору оппозиционности.

Общим для них было и понимание роли свободы личности в развитии страны. Вместе с тем для либералов актуальнейшей являлась задача формирования самой личности, решение которой они связывали с деятельностью интеллигенции. Для демократов, воочию увидевших революционные события начала XX в., более актуальной и требующей всестороннего осмысления стала проблема отношения народа и интеллигенции. При этом они сохраняли веру в созидательные силы народа, ведомого интеллигенцией к свободе и демократии. Либеральные же мыслители, в отличие от реформаторов-демократов, считали, что эту роль она может выполнить лишь в союзе, а не в противостоянии с государством.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Подробнее см.: Самарцева Е.И. Российская интеллигенция до октября 1917 года. Историографический очерк. – Тула, 1998; Интеллигенция и либерализм в России / Межвузовский научный сборник. – Саратов, 1995; Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: История и типология / Материалы международной научной конференции. Неаполь, май 1997. Составил Б.А. Успенский. – М., 1999; Соколов А.В. Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории. – СПб., 2007 и др.
- (2) См., например, Березовая Л.Г. Самосознание русской интеллигенции. – Дис. ... докт. ист. наук. – М., 1994; Мокшин Г.Н. Идеологи легального народничества о русской интеллигенции. – Воронеж, 2007 и др.
- (3) Кавелин К.Д. Общинное владение / Собр. соч.: В 4 т. – СПб., 1897–1900. – Т. 2. – Стлб. 212.
- (4) Кавелин К.Д. Разговор / Там же. – Т. 2. – Стлб. 1109–1110.
- (5) Кавелин К.Д. Крестьянский вопрос / Там же. – Стлб. 545–546.
- (6) Письма Кавелина к П.В. Анненкову / РО ИРЛИ. – Ф. 7. – № 43. – Л. 37 (об).
- (7) Кавелин К.Д. Крестьянский вопрос / Соч. – Т. 2. – Стлб. 398–399.

- (8) *Кавелин К.Д.* Злоба дня / Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. – М., 1989. – С. 504.
- (9) *Кавелин К.Д.* Мысли и заметки о русской истории / Наш умственный строй. – С. 203.
- (10) *Кавелин К.Д.* Письмо Ф.Д. Достоевскому / Там же. – С. 474.
- (11) Там же. – С. 456, 462, 463.
- (12) *Кавелин К.Д.* Крестьянский вопрос / Соч. – Т. 2. – Стлб. 527, 528.
- (13) Там же. – Стлб. 596.
- (14) *Градовский А.Д.* Задача русской молодежи / Трудные годы (1876–1880). Составитель, автор вступительной статьи и комментариев С.С. Секиринский. – М., 2010. – С. 296. Впервые опубликовано: *Голос*, 1879, 1 августа.
- (15) *Градовский А.Д.* Тревожный вопрос / Собрание сочинений. Т. 1–9. – СПб., 1899–1904. – Т. 6. – 1901. – С. 388.
- (16) Там же. – С. 391, 392.
- (17) См.: *Градовский А.Д.* Мечты и действительность / Соч. – Т. 6. – С. 377, 378, 379, 380.
- (18) См.: там же. – С. 381, 382
- (19) *Градовский А.Д.* Надежды и разочарования / Там же. – С. 336.
- (20) *Градовский А.Д.* Либерализм и западничество / Там же. – С. 398
- (21) *Градовский А.Д.* Задача русской молодежи / Трудные годы (1876–1880). – С. 297.
- (22) Там же. – С. 295.
- (23) Там же. – С. 298.
- (24) Там же. – С.294.
- (25) *Пешехонов А.В.* К вопросу об интеллигенции. – СПб., 1906. – С. 66.
- (26) *Мякотин В.А.* Профессор сороковых годов / Из истории русского общества. Этюды и очерки. – СПб., 1902. – С. 344.
- (27) Там же. – С. 347.
- (28) *Пешехонов А.В.* К вопросу об интеллигенции... – С. 76.
- (29) См.: *Кистьяковский Б.* Русская социологическая школа и категория возможности при решении социально-этических проблем / Проблемы идеализма. – М., 2002. – С. 575–684.
- (30) *Пешехонов А.В.* К вопросу об интеллигенции... – С. 92.
- (31) Там же. – С. 99.
- (32) Там же. – С. 100.
- (33) Там же. – С. 101.
- (34) *Мякотин В.А.* Профессор сороковых годов... – С. 348
- (35) *Михайловский Н.К.* Полное собрание сочинений. Т. 1–8, 10. – СПб., 1906–1913. – Т. 10. – С. 656.
- (36) *Мякотин В.А.* Профессор сороковых годов... – С. 349.
- (37) *Пешехонов А.В.* На очередные темы. 1904–1909. – СПб., 1909. – С. 22.
- (38) Там же. – С. 25.
- (39) Там же. – С. 54
- (40) Там же. – С. 56.
- (41) Там же. – С. 57.

REFERENCE

- (1) Samartseva E.I. Rossiyskaya intelligentsiya do oktyabrya 1917 goda. Istoriograficheskiy ocherk [Russian intelligentsia till october 1917. Historiographic essay]. Tula, 1998; Intelligentsiya i liberalizm v Rossii. Mezhvuzovskiy nauchnyy sbornik [Intelligentsia and

- liberalism in Russia. University collection]. Saratov, 1995; Russkaya intelligentsiya i zapadnyy intellektualizm: Istoriya i tipologiya. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Neapol', may 1997. Sostavil B.A. Uspenskiy [Russian intelligentsia anfwestern intellectualism: history and tipology. Internetonial science conference materials. Napoli, may 1997.]. Ed. V.A. Uspenskiy. Moscow, 1999; Sokolov A.V. Intelligenty i intellektualy v rossiyskoy istorii [Intelligentsia and intellectuals in Russian history]. St.-Petersburg, 2007, etc.
- (2) Berezovaya L.G. Samosoznanie russkoy intelligentsii. Dis. ... dokt. ist. nauk [Self-consciousness of russian intelligentsia]. Moscow, 1994; Mokshin G.N. Ideologi legal'nogo narodnichestva o russkoy intelligentsii [Ideologists of legal narodnik movement]. Voronezh, 2007, etc.
 - (3) Kavelin K.D. Obshchinnoe vladenie. Sobr. soch... [Community ownership. Collected works in 4 v.]. St.-Petersburg, 1897–1900, vol. 2, p. 212.
 - (4) Ibid., p. 1109–1110.
 - (5) Ibid., p. 545–546.
 - (6) Handwritten department nstituta Russian literature (RO IRLI), f. 7, no. 43, l.37 (rev.).
 - (7) Kavelin K.D. Obshchinnoe vladenie. Sobr. soch [Community ownership. Collected works], vol. 2, p. 398–399.
 - (8) Kavelin K.D. Nash umstvennyy stroy. Stat'i po filosofii russkoy istorii i kul'tury [Our mental system. Topic of the day. Russian history and culture philosophy articles]. Moscow, 1989, p. 504.
 - (9) Ibid., p. 203.
 - (10) Ibid., p. 474.
 - (11) Ibid., pp. 456, 462, 463.
 - (12) Idem., Sobr. soch [Collected works], vol. 2, pp. 527, 528.
 - (13) Ibid., p. 596.
 - (14) Gradovskiy A.D. Trudnye gody (1876–1880) [Hard times (1876–1880)]. Moscow, 2010, p. 296.
 - (15) Ibid., Sobranie sochineniy [Collected works]. St.-Petersburg, 1899–1904, vol. 6, 1901, p. 388.
 - (16) Ibid., pp. 391, 392.
 - (17) Ibid., pp. 377, 378, 379, 380.
 - (18) Ibid., p. 381, 382
 - (19) Ibid., p. 336.
 - (20) Ibid., p. 398
 - (21) Ibid., p. 297.
 - (22) Ibid., p. 295.
 - (23) Ibid., p. 298.
 - (24) Ibid., p. 294.
 - (25) Peshekhonov A.V. K voprosu ob intelligentsii [To the question of intelligentsia]. St.-Petersburg, 1906, p. 66
 - (26) Myakotin V.A. Iz istorii russkogo obshchestva. Etyudy i ocherki [From russian society history. Sketches and essays]. St.-Petersburg, 1902, p. 344.
 - (27) Ibid., p. 347.
 - (28) Peshekhonov A.V. K voprosu ob intelligentsii [To the question of intelligentsia], p. 76.
 - (29) Kistyakovskiy B. Problemy idealizma [Problems of idealism]. Moscow, 2002, p. 575–684
 - (30) Peshekhonov A.V. K voprosu ob intelligentsii [To the question of intelligentsia], p. 92.
 - (31) Ibid., p. 99.

- (32) Ibid., p. 100.
- (33) Ibid., p. 101.
- (34) Myakotin V.A. Iz istorii russkogo obshchestva [From russian society history], p. 348
- (35) Mikhaylovskiy N.K. Polnoe sobranie sochineniy [Collected works]. St.-Petersburg, 1906–1913, vol. 10, p. 656.
- (36) Myakotin V.A. Iz istorii russkogo obshchestva [From russian society history], p. 349
- (37) Peshekhonov A.V. Na ocherednye temy [On immediate themes. 1904–1909]. St.-Petersburg, 1909, p. 22.
- (38) Ibid., p. 25.
- (39) Ibid., p. 54.
- (40) Ibid., p. 56.
- (41) Ibid., p. 57.

INTELLIGENTSIA IN VIEWS OF RUSSIAN LIBERALS AND REFORMERS-DEMOCRATS OF LATE XIXth – EARLY XXth CENTURIES

R.A. Arslanov

V.V. Blokhin

Department of Russian History
Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklay st., 10–2, Moscow, Russia, 117198

The article considers the attitude of the greatest Russian thinkers of the liberal and reformatory democratic schools of the post-reform modernization time of the early XIXth – late XXth centuries to domestic intelligentsia. The authors analyze the self-reflectiveness of eminent representatives of the Russian intellectuals (intelligentsia) and compare the views of the most important representatives of the liberal (K. Kavelin, A. Gradovsky) and democratic (A. Peshekhonov, V. Myakotin) trends.

The analysis of liberals' and democrats' views of the two epochs enables to conclude that they were united by their perception of the intelligentsia as a moral force of the society. They are also similar in their understanding of the role of individual freedom in the country's development. However, for the liberals the most urgent was the task of personality formation, the solution to which they associated with the intelligentsia activities. For democrats, who saw the revolutionary events of the early XXth century, the problem of interaction of people and intellectuals became more urgent. But they still maintained their belief in the creative power of people, led by intellectuals for freedom and democracy.

Key words: intelligentsia, democracy, liberalism, state, people, reforms, revolution, education, political crisis, public enthusiasm.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ М.Д. СКОБЕЛЕВА

А.Б. Шолохов

Газета «Вузовский вестник»

Ленинский проспект, 6–3, оф. 269, Россия, Москва, 119991

В статье анализируются общественно-политические взгляды М.Д. Скобелева – выдающегося военачальника, героя русско-турецкой и балканской войн, много сделавшего для присоединения к Российской империи территории Средней Азии (Туркестана) и других регионов.

Автор приходит к выводу о близости взглядов М.Д. Скобелева с идеями славянофилов при сохранении принципиальных расхождений по ряду ключевых вопросов. Объединяющим для них являлась мысль о необходимости возрождения национального самосознания и укрепления православия, отказ от увлечения европейскими ценностями в ущерб национальным и необходимость поиска собственного пути развития вместо западного, являющегося для России тупиковым и разрушительным.

Ключевые слова: М.Д. Скобелев, народ, либерализм, интеллигенция, русское самосознание, Средняя Азия, Кокандское ханство, Туркестан, Российская империя, русский нигилизм, славянофильская концепция.

Введение

Обоснование темы. Во все времена развития российского общества особое внимание уделялось исследованию биографии героических личностей, с которым связаны те или иные неординарные события по защите Российского государства, российского народа от порабощения их иностранными захватчиками. К таким легендарным личностям, безусловно, относится генерал Михаил Дмитриевич Скобелев. Обращение к героическому пути этого русского офицера дает возможность проанализировать не только вехи боевой биографии, но и выявить его общественно-политические взгляды в эпоху царствования российского императора Александра III. И тем самым лучше понять предпосылки взаимоотношений русского генералитета, власти и интеллигенции во второй половине XIX в.

Обзор литературы. В настоящее время интерес к личности генерала М.Д. Скобелева не ослабевает, несмотря на имеющуюся историографию (1). Однако в ней практически не анализируются общественно-политические взгляды военачальника, особенно в последние годы его жизненного пути, что требует настоящего обращения к этой важной проблеме.

Цель и задачи. В статье проводится анализ общественно-политических идей генерала М.Д. Скобелева с целью выяснения особенностей его взглядов, связанных с проблемами укрепления российской государственности.

Исследование проблемы

Слава генерала М.Д. Скобелева связана как с русско-турецкой войной 1877–1878 гг., освободившей балканских славян от почти пятивекового османского ига, так и с присоединением Туркестана (Средней Азии) к России – процессом хотя и прогрессивным, но не лишенным трагических событий. В характере этого человека тесно переплелись отвага и честолюбие, доходившие до авантюризма, либеральные убеждения и консерватизм, вера в объединение славян и бонапартизм. Обстоятельства смерти генерала, его таинственные связи с масонами и по сей день таят в себе загадку.

Михаил Дмитриевич Скобелев родился 17(29) сентября 1843 г. в семье генерала российской армии. Он получил отличное домашнее образование и в 1866 г. поступил в Военную академию, после окончания которой был назначен офицером Генерального штаба. Вскоре его перевели на службу в Туркестанский военный округ, где молодой капитан принимал участие в боевых действиях в составе отряда генерала Абрамова на Бухарской границе. В 1870 г. М.Д. Скобелев был переведен для продолжения службы на Кавказ.

После Кавказа боевой путь молодого генерала был связан со Средней Азией, где в Хивинском походе проявились лучшие его качества – героизм, любовь к Родине, патриотизм, смелость и отвага.

После убийства 1 марта 1881 г. императора Александра II на престол вступил Александр III, который весьма последовательно боролся за чистоту «веры отцов», незыблемость принципов самодержавия и развитие русской народности. В манифесте от 29 апреля (10 мая) 1881 г. он предложил программу дальнейшего развития внешней и внутренней политики Российской империи. В этот период М.Д. Скобелев пользовался славой народного героя, однако по прибытии его в Санкт-Петербург новый император Александр III встретил прославленного генерала крайне сухо, высказал неудовольствие тем, что М. Скобелев не сберег жизнь молодого графа Орлова, убитого во время штурма Геок-Тепе. Этим воспользовалась оппозиция, которая видела в лице М. Скобелева не только недовольного режимом человека, но и популярного военачальника, народного героя, человека волевого, готового на самые смелые действия.

Личная позиция М.Д. Скобелева во внутренней политике еще была не совсем ясна, но она уже проявлялась в его общественно-политических взглядах. В частности, он считал, что революционное движение в большой мере связано с депрессией, охватившей русское общество после Берлинского конгресса – конференции великих держав, проходившей в июне 1878 г. в Бер-

лине под председательством Бисмарка и в значительной степени лишившей Россию плодов ее победы над турками.

В этой связи обер-прокурор Священного Синода К. П. Победоносцев был чрезвычайно обеспокоен обострением взаимоотношений М.Д. Скобелева с императором, которому он настойчиво советовал постараться привлечь на свою сторону «белого генерала» [прозванного так за свое пристрастие к белым кителям и лошадям – *А.Ш.*]. В письме Александру III он пишет: «Я считаю этот предмет настолько важным, что рискую навлечь на себя неудовольствие вашего величества, возвращаясь к нему. Смею повторить слова, что вашему величеству необходимо привлечь к себе Скобелева сердечно. Время таково, что требует крайней осторожности в приемах. Бог знает, каких событий мы можем еще быть свидетелями и когда мы дождемся спокойствия и уверенности... Скобелев, опять скажу, стал великой силой и приобрел на массу громадное нравственное влияние, т.е. люди ему верят и за ним следуют. Это ужасно важно, и теперь важнее, чем когда-нибудь...» (2).

Однако М.Д. Скобелев на сближение с императором Александром III не шел. В подавленном состоянии он выезжает в Париж, где в компании барона Врангеля – отца белого адмирала, генерала А. Дохтурова, Воронцова-Дашкова, Черевина, Драгомирова, Щербакова и других отзывался об императоре Александре III не совсем лестно.

В этот период он пишет: «За последнее время я увлекался изучением, частью по документам истории, реакции в двадцатых годах нашего столетия. Как страшно обидно, что человечество часто вращается лишь в белкином колесе. Что только не изобретал Меттерних, чтобы бесповоротно продвинуть Германию и Италию за грань неизгладимых впечатлений, порожденных французской революцией. Тридцать лет подобного управления привели в Италии – к полному торжеству тайных революционных обществ, в Германии – к мятежу 1848 года, к финансовому банкротству и, что всего важнее, к умалению в обществе нравственных и умственных начал, создав бессильное, полусонное поколение... В наш век, более чем прежде, обстоятельства, а не принципы управляют политикой» (3).

По некоторым свидетельствам, М.Д. Скобелев вынашивал определенные планы принуждения Александра III пойти на демократические реформы и ограничение самодержавной власти. В этом отношении М.Д. Скобелев имел собственную программу перестройки некоторых сторон жизни в России, над которой он много работал, оттачивая ее в мельчайших деталях. В одном из своих писем И.С. Аксакову он писал: «Для вас, конечно, не осталось незамеченным, что я оставил все, более, чем когда-либо, проникнутый сознанием необходимости служить активно нашему общему святому делу, которое для меня, как и для вас, тесно связано с возрождением пришибленного ныне русского самосознания. Более, чем прежде, знакомясь с нашей эмиграцией, я убедился, что основанием общественного недуга в значительной мере является отсутствие всякого доверия положению наших дел. Доверие это мыс-

лимо будет лишь тогда, когда правительство даст серьезные гарантии, что оно бесповоротно ступило на путь народный, как внешней, так и внутренней политики, в чем пока и друзья и недруги имеют полное основание болезненно сомневаться» (4).

М.Д. Скобелев считал, что только подъем национального самосознания и укрепление православия сможет укрепить русское государство и дать ему новые силы. «История нас учит, – подчеркивал генерал, – что самосознанием, проявлением народной инициативы, поклонением народному прошлому, народной славе, в особенности же усиленным уважением, воскрешением в массе народа веры отцов во всей ее чистоте и неприкосновенности можно воспламенить угасшее народное чувство, вновь создать силу в распадающемся государстве» (5).

Как и многие мыслящие люди своего времени, М. Скобелев искал пути выхода из политического кризиса, в котором оказалась Россия в период царствования Александра III. Он все более сближался с И.А. Аксаковым, который также резко осуждал итоги Берлинского конгресса, выступал за освобождение и объединение славян, за самобытный путь развития России и с большой опаской относился к активности германских милитаристских кругов. Позор России И.А. Аксаков видел в добровольном отказе на Берлинском конгрессе от успехов, достигнутых кровью русских солдат. В замыслах и притязаниях Англии и Австрии, руководимых пресловутой маклерской честностью германского канцлера, Скобелев М.Д. видел доказательства того, что «кривде и наглости Запада по отношению к России и вообще Европе Восточной нет ни предела, ни меры» (6).

В этой связи М.Д. Скобелев прислушивался к мнению И.А. Аксакова, М.Н. Каткова, призывавшего со страниц своей газеты «Московские ведомости» быть «прежде всего русскими, верными духу нашего отечества». Однако при этом не все их взгляды он разделял. М.Д. Скобелев, например, отвергал крайности славянофильской концепции – в частности, критику петровских реформ, не принимал позицию М.Н. Каткова и по Польше и т.д.

12 января 1882 г. на банкете по случаю годовщины взятия туркменской крепости Геок-Тепе (Денгиль-Тепе) М.Д. Скобелев в беседе с И.С. Аксаковым сказал: «Великие патриотические обязанности наше железное время налагает на нынешнее поколение. Скажу кстати, господа: тем больнее видеть в среде нашей молодежи так много болезненных утопистов, забывающих, что в такое время, как наше, первенствующий долг каждого жертвовать всем, в том числе и своим духовным я, на развитие сил отечества...»

Я не договариваю, господа... Сердце болезненно щемит. Но великим утешением для нас – вера и сила исторического призвания России.

Провозглашаю, господа, от полноты сердца тост за здоровье государя императора!» (7)

Речь вызвала широкую огласку.

В начале февраля произошла встреча Скобелева с жившими в Париже сербскими студентами, которые преподнесли ему благодарственный адрес. Приветствуя их, М.Д. Скобелев, в частности, заявил: «Мне незачем говорить вам, друзья мои, как я взволнован, как я глубоко тронут вашим горячим приветствием. Клянусь вам, я подлинно счастлив, находясь среди юных представителей сербского народа, который первый развернул на славянском востоке знамя славянской вольности. Я должен откровенно высказаться перед вами, – я это сделаю.

Я вам скажу, я открою вам, почему Россия не всегда на высоте своих патриотических обязанностей вообще и своей славянской миссии в частности. Это происходит потому, что как во внутренних, так и во внешних делах она в зависимости от иностранного влияния. У себя мы не у себя. Да! Чужеземец проник всюду! Во всем его рука! Он одурачивает нас своей политикой, мы жертва его интриг, рабы его могущества. Мы настолько подчинены и парализованы его бесконечным, гибельным влиянием, что, если когда-нибудь, рано или поздно, мы освободимся от него, – на что я надеюсь, – мы сможем это сделать не иначе, как с оружием в руках!» (8).

Общественно-политическая деятельность М.Д. Скобелева в Париже не ограничивалась только речами, интервью или переговорами с французскими республиканцами. Он предпринял вполне определенную попытку установить связь с руководителями русской революционной эмиграции. Русский генерал, конечно, не был революционером и, безусловно, ни в коей мере не сочувствовал идеалам «Народной воли», хотя в его замыслах преобразований в России «нигилизму» отводилась определенная роль.

По возвращении в Россию, встретившись с императором Александром III 7 (19) марта 1882 г., М.Д. Скобелеву удалось отвести от себя его гнев. В частности, В.И. Немирович-Данченко писал следующее об этой аудиенции у царя: «В высшей степени интересен рассказ его (Скобелева. – А. Ш.) о приеме в Петербурге. К сожалению, его нельзя еще передать печати. Можно сказать только одно – что он выехал отсюда полный надежд и ожидания на лучшее для России будущее» (9). Однако внешнее благополучие в Петербурге не сняли у Скобелева внутреннего напряжения. Он понимал, что идет по ниточке, которая в любую минуту может порваться. Его не покидали плохие предчувствия.

Как показали дальнейшие события, тревога М.Д. Скобелева была обоснованной. 25 июня (7 июля) 1882 г. не болевший раньше М.Д. Скобелев скоропостижно скончался от сердечного приступа в московской гостинице «Англия».

Однако многие современники склонялись к версии, что М.Д. Скобелев был убит, и поводом послужили его общественно-политические взгляды, особенно проявившиеся в петербургских и парижских речах генерала. Определенные силы считали М.Д. Скобелева слишком русским, и сами за глаза презрительно называли его внуком мужика. Барон Гинцбург как-то проговорился: «Я боюсь за Скобелева. По-моему, он кончен». Но, обвиняя в смерти М.Д. Ско-

белева «священную дружину», даже В.И. Немирович-Данченко оговаривался, что ее руководители были только орудиями чьей-то могучей воли. На что намекал писатель – остается только догадываться. Однако нельзя забывать, что он был масоном и мог намеренно, как говорится, наводить «тень на плетень», ища исполнителей преступной акции среди приближенных царя. Ведь масоны стремились расшатать устои самодержавия.

М.Д. Скобелев, по нашему мнению, понимал, что в поисках путей развития России нельзя было отрываться от народной почвы и увлекаться общеевропейскими ценностями в ущерб национальным. 4 марта 1882 г. он сообщал И.С. Аксакову: «...Наше общее святое дело для меня, как полагаю, и для вас тесно связано с возрождением пришибленного ныне русского самосознания... Я убедился, что основанием общественного недуга есть в значительной мере отсутствие всякого доверия к установленной власти, доверия, мыслимого лишь тогда, когда правительство дает серьезные гарантии, что оно бесповоротно ступило на путь народной как внешней, так и внутренней политики, в чем пока и друзья и недруги имеют основание сомневаться.

Боже меня сохрани относить последнее до государя; напротив того, он все больше и больше становится единственной путеводною звездой на темном небе петербургского бюрократического небосклона...

Я имел основание убедиться, что даже крамольная партия в своем большинстве услышит голос отечества и правительства, когда Россия заговорит по-русски, чего так давно, давно уже не было» (10).

М.Д. Скобелева после его смерти оплакивали как народного героя не только в России, по нему скорбели и в других странах. Он, почти по единодушному мнению, опубликованному в некрологах в печати, верил в лучшее будущее своего Отечества, и для русских патриотов это была невосполнимая утрата в сложный для страны период.

После смерти М.Д. Скобелева в «Отечественных записках», издаваемых М.Е. Салтыковым-Щедриным, отмечалось, что «белый генерал» как политик выступал «не сам собою, а как будто кто-то толкал его сзади: фатум, обстоятельства или чья-то невидимая рука, смотревшая на него, может быть, просто как на прекрасное историческое мясо, могущее послужить для временного воплощения народного духа и национальной идеи» (11).

Выводы

Вместе со всей мыслящей Россией «белый генерал» мучительно искал выход из того тупика, в которое зашло русское общество на переломе двух царствований. Он искал естественный для огромной евразийской страны путь развития, отчетливо понимая, что увлечение чужими путями и чужими идеями не что иное, как предательство своего народа и средство его закабаления чужеземцами. М.Д. Скобелев не принадлежал к тем общественным деятелям, которые беспристрастно оглядываются и прислушиваются к тому,

что скажет Европа, признает ли их действия достойными просвещенного европейца. Он мечтал о многонациональном централизованном государстве, достаточно сильном и благоустроенном, гарантирующем своим подданным четкий набор прав и одновременно требующем от них выполнения определенных обязанностей.

Общественно-политические взгляды М.Д. Скобелева характеризовались большим патриотическим накалом, борьбой за подъем национального самосознания, выявлением противоречий между интересами народа и либеральной интеллигенции.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См.: Костин Б.А. Скобелев. – М., 1990; Шолохов А.Б. Генерал Скобелев. Исторический портрет. – М., 2002; Масальский В.Н. Скобелев. Исторический портрет. Очерки научно-популярных изданий. – М., 1998; Гусаров В.И. Генерал Скобелев. Легендарная слава несбывшиеся надежды. – М., 2005 и др.
- (2) К.П. Победоносцев и его корреспонденты: Письма и записки. – М.-Пг., 1923. – С. 233.
- (3) Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). – Ф. 221. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 22.
- (4) Там же. – Л. 1–2.
- (5) Там же. – Л. 22.
- (6) Там же.
- (7) Там же. – Л. 1–2.
- (8) Русь. – 1882. – № 5.
- (9) Речь Скобелева в Париже. 1882 г. // Красный архив. – 1927. – Т. 27. – С. 219–220.
- (10) Витмер А. Что видел, слышал, кого знал Скобелев // Русская старина. – 1908. – № 12. – С. 696.
- (11) РГВИА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 81. Л. 5.

REFERENCE

- (1) Kostin B.A. *Skobelev* [Skobelev]. Moscow, 1990; Sholohov A.B. *General Skobelev. Istoricheskij portret* [General Skobelev. Historical Portrait]. Moscow, 2002; Masal'skij V.N. *Skobelev. Istoricheskij portret. Ocherki nauchno-populjarnyh izdanij*. [Skobelev. Historical Portrait. Essays in popular science publications]. Moscow, 1998; Gusarov V.I. *General Skobelev. Legendarnaja slava nesbyvshiesja nadezhdy* [General Skobelev. Legendary fame of unfulfilled hopes]. Moscow, 2005, etc.
- (2) *K.P. Pobedonoscev i ego korrespondenty: Pis'ma i zapiski* [K.P. Pobedonoscev and his correspondents: Letters and Notes]. Moscow, Petrograd, 1923, p. 233.
- (3) Russian State Military Historical Archive (RGVIA), f. 221, op. 1, d. 8, l. 22.
- (4) RGVIA, f. 221, op. 1, d. 8, l. 1–2.
- (5) RGVIA, f. 221, op. 1, d. 8, l. 22.
- (6) Ibid.
- (7) RGVIA, f. 221, op. 1, d. 8, l. 1–2.
- (8) *Rus'*. 1882. № 5.
- (9) *Krasnyj arhiv – Red Archives*, 1927, vol. 27, pp. 219–220.
- (10) Vitmer A. *Russkaja starina – Russian antiquity*, 1908, no. 12, p. 696.
- (11) RGVIA, f. 221, op. 1, d. 81, l. 5.

SOME SOCIAL AND POLITICAL VIEWS M.D. SKOBELEVS

A.B. Sholokhov

Newspaper «University Gazette»
Leninsky Prospekt, 6–3, of. 269, Moscow, Russia, 119991

The article analyzes social and political views of M.D. Skobelev, an outstanding military commander, a hero of the Russian-Turkish and Balkan wars, who contributed greatly to the entry of Central Asia (Turkestan) and other regions into the Russian Empire. The author concludes that M.D. Skobelev's views were close to those of the Slavophiles, though they differed greatly on a number of key issues. They both considered that it was necessary to restore national identity, to consolidate Orthodoxy, to give up European values to the detriment of national ones, to search for the own development way instead of the western one, which was deadlock and destructive.

Key words: M.D. Skobelev, people, liberalism, intellectuals, Russian identity, Central Asia, Kokand khanate, Turkestan, Russian Empire, Russian nihilism, Slavophile concept.

ИСТОРИЯ РОССИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

ТЕОРИЯ РУССКОГО АНАРХИЗМА В ЗАПАДНОГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ КОНЦА 1960–1980-Х ГГ.

Н.А. Жукова

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются работы немецких ученых конца 1960–1980-х гг., посвященные теории анархизма М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина. Устанавливаются причины возрастания интереса специалистов ФРГ к данной теме, показываются общие тенденции развития немецких исследований, выявляются основные направления западногерманской историографии. В завершении делается вывод о преобладании в немецкой историографии работ либерального характера. Большинство немецких ученых уделяли внимание идеям гуманизма и антитоталитаризма в трудах отечественных анархистов и не отождествляли анархизм с насильственными действиями.

Ключевые слова: анархизм, социализм, народничество, теория, немецкая историография, М.А. Бакунин, П.А. Кропоткин.

В конце 1960-х гг. в Западной Европе происходит всплеск, казалось бы, полностью утраченных антиавторитарных и эгалитарных настроений. Именно в эту эпоху, во многом под влиянием «студенческой революции», свой ренессанс в ФРГ переживал анархизм, что нашло отражение в возрастании научного интереса к его прошлому.

Одним из тех, кто вернул анархизм и идеи М.А. Бакунина не только в сферу теоретической мысли, но и в широкое общественное движение, был Р. Дучке. В 1966 г. появилась его работа «Избранная библиография революционного социализма от Маркса до современности с комментариями». В бакунинской теории лидеру Социалистического союза немецких студентов больше

всего импонировала идея о «безбюрократической» форме организации общества (1). И хотя не следует утрировать положение о том, что именно анархизм, и в особенности в лице его русских представителей, сыграл определяющую роль в формировании идеологии студенчества тех лет, тем не менее, с конца 1960-х гг. работы российских теоретиков стали пользоваться особым вниманием молодежи. Российские классики анархизма даже превращались в определенный символ протеста: заседание XXIII конференции ССНС в сентябре 1969 г. происходило на фоне флага с портретом Бакунина, в соответствующих книжных магазинах лежали работы анархиста, а от берлинских демонстрантов можно было услышать: «Виват Бакунин!» (2). Один из виднейших лидеров студенческого движения Д. Кон-Бендит утверждал, что «интерес к анархизму снова проснулся» (3).

Исследования конца 1960–1980-х гг. о русских анархистах представляются весьма разнородными. Тем не менее, в немецкой историографии можно выделить три основных направления: 1) публикации, расширяющие знания об отечественных мыслителях; 2) работы, в которых концепции русских теоретиков анархизма рассматриваются в соотношении с другими социалистическими идеями; 3) традиционные исследования, посвященные теоретическим воззрениям М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина.

Начиная с 1960-х гг. в ФРГ стали выходить многочисленные сборники произведений М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина, библиографии их трудов, которые составляли представители первого направления немецкой историографии 1960–1980-х гг. (4).

В начале 1970-х гг. в ФРГ происходило увеличение числа анархических издательств. Небольшие печатные предприятия смогли предоставить исследователям новый материал и дали импульс для научного изучения мирового анархического наследия. По замечанию немецкого специалиста П. Лёше, многие издательства ФРГ плыли на волне студенческого протестного движения и в большом количестве «выбрасывали» анархическую литературу на рынок (5).

Помимо репринтных изданий отечественных классиков движения, в ФРГ выходили хрестоматии, составленные из отрывков работ ведущих теоретиков анархизма. Первым сборником является антология В. Дрессена. Целью этой небольшой по объему работы являлось просвещение участников внепарламентской оппозиции. Особое внимание в трудах Бакунина автор уделял проблеме науки. Он справедливо утверждал, что анархист считал науку ограниченной по сравнению с настоящей жизнью, которая гораздо богаче абстрактных построений. Однако с такой точкой зрения В. Дрессен был не согласен: автор публикации верил в то, что научные изыскания, помогающие в определении поиска дальнейшего пути развития, показывают, к каким последствиям может привести та или иная теория (6).

Особое место в историографии анархизма занимает антология А. фон Борриса и И. Брандиеса (7). Газета «Цайт» характеризовала ее как «запутанный дайджест анархизма» (8). Тем не менее, именно эта работа стояла на полках

почти всех анархистов того времени. Для многих она стала не только средством знакомства с оригинальным анархическим текстом, но и своего рода «политической инициацией» (9). В настоящий момент данная книга считается в немецкой историографии классикой «классики» (10).

В трудах Бакунина авторы сборника особое внимание уделяют понятию «свобода», а в теории Кропоткина – принципу солидарности, социальной справедливости, взаимопомощи, что неразрывно связано с политическим контекстом конца 1960-х гг. В целом, несмотря на то, что работа А. Борриеса и И. Брандиеса представляет собой просто подбор цитат из произведений Бакунина и Кропоткина, она сыграла важную роль в расширении знаний о русских анархистах, что признают современные немецкие исследователи.

В 1972 г. вышел сборник документов о теории анархизма, составленный профессором Э. Оберлендером. По мнению автора, «история и настоящее анархизма свидетельствуют о том, что он нечто большее, чем «этика динамита» (11). Анархизм ограничивает стремление государства к повсеместному распространению своей опеки и бюрократизации, и в этом для автора заключается его не революционная, а реформаторская направленность.

Важнейший вклад Бакунина, по мнению Оберлендера, состоял в том, что он связал общественно-политические идеи Прудона и экономические воззрения Маркса со стремлением к революционной самореализации, и даже обосновал имеющий большие последствия альянс анархизма и терроризма. Заслуга Кропоткина – наведение порядка в «хаосе» анархической мысли, что способствовало «выживанию» данной идеологии. Добавим, что в подборке фрагментов из произведений Бакунина и Кропоткина Оберлендер выбрал «оптимистические» части работ отечественных мыслителей, что еще раз свидетельствует о цели автора – показать другую сторону анархизма, и в этом смысле рассмотренный сборник близок к антологии А. Борриеса и И. Брандиеса.

Как указывалось выше, анархические издания, появившиеся с середины 1970-х гг., дали импульс для дальнейшего исследования анархизма. Среди научных достижений того времени необходимо отметить публикацию библиографий трудов П.А. Кропоткина и М.А. Бакунина.

Составители и издатели библиографии Кропоткина Х. Хуг и Х. Грау (12) проделали колоссальную работу по сбору информации о существующих изданиях русского анархиста в разных странах, по первым переводам его трудов на иностранные языки. Несмотря на очень краткий обзор трудов российских авторов, книга представляет собой огромную ценность для исследователей во всем мире, являясь прекрасным справочником, помогающим в научном поиске.

В библиографии работ М.А. Бакунина, составленной В. Экхардтом (13), подробнейшим образом была представлена и немецкоязычная литература о нем, изданная в Германии начиная с конца XIX в. Данное издание, как и аналогичное о Кропоткине, незаменимо при изучении разных периодов не-

мецкой историографии отечественного анархизма, поскольку авторами были составлены прекрасные указатели сочинений отечественных анархистов, аналогов которых нет в российской литературе.

Общей чертой первого направления немецкой историографии является интерес к «созидательной» части анархического учения. Так, его представители (В. Дрессен, А. фон Борис, И. Брандиес, Э. Оберлендер, Х. Хуг, Х. Грау, В. Экхардт) пытались провести определенную демаркацию между чисто теоретическим наследием отечественных авторов и устоявшимся клише об анархизме как об идеологии насилия. В целом такой подход создавал предпосылки для научной разработки темы анархизма.

Во второе направление входят исследования, в которых идеи Бакунина и Кропоткина сопоставляются с другими социалистическими теориями, прежде всего марксизмом. Методологическими и содержательными особенностями этих работ стало использование междисциплинарного подхода, обращение к методам психологии и социологии.

Первый опыт сравнительного исследования анархизма и других социалистических концепций был предпринят в диссертации 1968 г. Э. Везело «Анархизм. Состояние сознания». На первый план Э. Везело выдвигает психологический подход, автор хочет понять «анархический образ мыслей», «анархическое сознание и мышление» (14). Для этого она сопоставляет идеи Бакунина и Маркса, пытаясь выяснить, насколько они близки и может ли социалистический образ мыслей привести к анархизму. Автор анализирует конфликт между мыслителями и приходит к выводу, что они представляли различные течения социализма: Маркс был приверженцем авторитарных идей, а Бакунин олицетворял либертарный социализм. Решающим во вражде между мыслителями было то, что противники не вполне понимали друг друга. Следовательно, главная причина различий – в психологии защитников различных направлений социализма.

В завершении работы Везело приходит к выводу, что анархисты – это высокоморальные люди с чрезвычайно сильным пониманием человеческой свободы. Они пытаются вернуть человека в его изначальное состояние, к исходной точке, когда его сознание не было ничем детерминировано. Анархизм – своеобразный источник молодости для общества. При распаде системы культуры, религии, метафизики анархическое сознание выступает как возможный промежуточный элемент для построения нового общественного строя. В этом и заключается «радость разрушения» Бакунина. Это культурное действие, путь к свободе, абсолютно чистому сознанию. Таким образом, для немецкой исследовательницы анархизм и связанное с ним падение общественного строя есть возможный путь оздоровления государственной системы.

Сравнение марксизма и анархизма нашло свое отражение и в работе известного политолога и специалиста по истории консервативного движения Германии К. Ленка, который решил провести «генетико-критическую» ре-

конструкцию такой многогранной темы, как представление о революции в различных теориях (15). Из анархистов автор обратился к Бакунину, проводя сравнительный анализ его представлений о революции с идеями К. Маркса.

Коренное различие в понимании революции у Маркса и Бакунина состоит, по Ленку, в том, что для русского мыслителя она является «начальным действием практического автономного духа», а для марксизма – отрицанием капиталистического классового общества. Революционная позиция для анархизма должна проистекать из понимания индивидом собственной не-свободы и общественной несправедливости. Отсюда любой бунт в анархической концепции – это мятеж против государственных органов. Конечная цель анархизма – установление солидарного общества, которое должно определяться принципами автономии, федерализма и братства (16).

В рецензии газеты «Цайт» работа Ленка характеризуется как «изящный обзор различных представлений о революции», но вместе с тем «бледный и музейный» (17). П. Лешё в специальном исследовании о различных подходах к изучению анархизма видит заслугу рассматриваемой монографии в сравнительном анализе понятия «революция» в анархизме (18).

В целом данная работа представляет собой поверхностный обзор идей Бакунина. Тем не менее, Ленк справедливо указывал на особую ценность категории «свобода» в теоретических построениях российского мыслителя и выдвиганием им человека в центр философских воззрений.

Немецкие исследователи в своих работах затрагивали теоретическую сторону спора Бакунина с Марксом. Так, в работе Г. Коха проанализированы их взгляды на историю Парижской коммуны. Коммуна для Бакунина, по мнению Г. Коха, была доказательством возможности социальной революции. Ученый также обоснованно отмечает федерализм как основополагающий для Бакунина принцип построения общества будущего (19).

Отдельно Г. Кох рассматривал экономические воззрения Маркса и Бакунина. При этом в анализе эволюции капитализма он ставил Маркса выше российского мыслителя, полагая, что Маркс, критикуя капитализм, выводит из него новое общество; Бакунин же противопоставляет капитализму воспоминания о братских и общинных формах организации (20).

Такие немецкие исследователи, как У. Эссбах-Кройцер и В. Эссбах, обращаясь к сравнению концепции П.А. Кропоткина и марксизма, характеризовали марксизм как дискредитировавшую себя теорию (21). Симпатии авторов «новым левым», их близость Франкфуртской школе, а также общие тенденции в историографии 1970-х гг. определили методологические особенности их работы. Отметим также свойственную авторам приверженность к гуманизму, к идее освобождения человека от всех форм эксплуатации. Им важно понять, что такое анархическая солидарность, в которой сочетаются идиллические и радикально-коммунистические черты. Актуальность анархической теории заключается для авторов в ее ориентации на практическое действие.

Теория Кропоткина рассматривается У. Эссбах-Кройцер и В. Эссбахом с точки зрения выбранного авторами «принципа солидарности», который для отечественного мыслителя является «решающим мотором» исторического развития» (22). Немецкие авторы в его трудах увидели прежде всего не критический анализ существующей действительности, а концепцию лучшего будущего, в котором этика превращается в своеобразную религию. Вместе с тем авторы считают, что осуществление солидарности по Кропоткину проблематично, поскольку он ориентируется на доиндустриальные общества, утопические образцы социальной организации.

В 1970-е гг. немецкий профессор П. Лёше обозначил круг недостатков в существующих исследованиях анархизма. По его мнению, «...до сих пор не разработана проблема связи между анархизмом и ранним социализмом, точно так же как и предмет исследования <анархизм> нуждается в социально-экономическом анализе» (23). Работой, решающей отмеченный круг задач, стала диссертация Петры Вебер (1987) и написанная на ее основе монография (24). Эти исследования являются итогом историографии 1960–1980-х гг. и одновременно переходом к новому этапу, начавшемуся с конца 1980-х гг.

В отличие от предыдущих работ фундаментальный труд П. Вебер основан на обширнейшей источниковой базе и характеризуется привлечением не только основных опубликованных теоретических работ русских анархистов, но и использованием архивных материалов. Методологической особенностью данной работы является социокультурный подход, которому, однако, автор не следует строго, часто отступая в сторону истории идей.

В исследовании П. Вебер удалось реализовать задуманное – показать неразрывность раннего социализма и анархизма, представить анархизм и марксизм как движения, имеющие одинаковые корни и ставшие «враждующими братьями». Новаторство работы заключается в рассмотрении идей Бакунина в контексте социализма-утопизма. В отличие от устоявшегося мнения о том, что анархист перешел от гегельянства к «практицизму», автор считает, что этого не произошло. Наоборот, его романтические устремления, этика, гуманизм были вызваны как раз влиянием гегельянцев и социалистов-утопистов. Заслугу и Бакунина, и Кропоткина Вебер видит в той обоснованной критике, которой они подвергли марксизм. Неожиданна и небесспорна ее точка зрения о закате популярности анархических идей, связанном с эволюцией сознания промышленных рабочих. Потеря связи с крестьянскими и ремесленными структурами обострили экономические противоречия между наемными рабочими и предпринимателями, что выдвинуло на первое место марксистскую теорию. В определенной степени Вебер права, когда указывает на то, что после смерти Кропоткина анархизм становится теорией интеллектуалов, поскольку даже его возрождение в 1960-х гг. произошло как раз в интеллектуальной богемной среде западноевропейской молодежи.

Книга Вебер вызвала резонанс в научном мире. В рецензиях ее оценивают как «...многообещающий важный вклад в редко и тихо идущие дис-

куссии о роли анархизма и вольного социализма по отношению к марксизму» (25), как «...лучшее цельное изображение европейского утопического социализма...» (26).

Третье направление исследований составляют традиционные работы, в которых помимо общей истории анархических теорий проведен анализ концепций Бакунина и Кропоткина. Внутри данной группы историографии довольно четко вырисовываются два направления: либеральное и консервативное.

К работам либерального характера можно отнести труды Я. Каттепоэля и Ф.Ю. Витткопа. Я. Каттепоэль рассматривает анархизм с позиции теории государства и права с применением методов юридической науки. Главное для автора в трудах анархистов – это правоведческий аспект. Однако если в теории Кропоткина немецкий автор в полной мере рассмотрел понятия «государство» и «право», то часть о Бакунине посвящена, скорее, его общеправовой философской системе.

Каттепоэль выделяет два периода в формировании идеологии Бакунина: первый, до 1849, и второй, с 1849 по 1872 г. Систему взглядов раннего Бакунина специалист характеризует как «идеалистический анархизм», который является некой особой верой, совмещенной со страстью отстаивать необходимость революционных действий (27). По мнению немецкого автора, ранний период творчества анархиста характеризуется не анализом современной ситуации, а скорее, созданием образца идеального будущего.

Этап 1849–1872 г. немецкий автор определяет как «радикально-антиметафизический». Здесь Бакунин окончательно заявляет о себе как о стороннике анархизма, он решительно выступает против государства, а единственным методом осуществления перехода к идеальному состоянию общества считает революцию. При этом, по мнению Каттепоэля, у Бакунина отсутствует окончательный план построения будущего общества. После революции оно должно развиваться само собой.

Для исследователя время Кропоткина и сам русский анархист – поворотный момент в развитии всего движения. Именно ему удалось довести анархистскую теорию до логического завершения. Интересно также замечание автора о том, что Кропоткин был в конце XIX – начале XX в. «анархическим святым» (28), а в целом его труды олицетворяли гуманистическую сторону анархического учения. В завершении Каттепоэль высказывает надежду, что в будущем анархическое движение пойдет по гуманному пути развития, предложенному Кропоткиным. Несмотря на то, что немецкий специалист рассматривал анархизм как утопическую теорию, систему самоуправляющихся маленьких групп в учении Кропоткина он считал приемлемой моделью развития современного общества.

Ф.Ю. Витткопу, философу и писателю, принадлежит подробная биография Бакунина, составленная на основе мемуарных источников и публицистических работ самого анархиста, его сподвижников, а также его обширнейшего эпистолярного наследия, публицистических материалов (29).

В своей работе «Под черным флагом. Действия и формы анархизма» Витткоп утверждал, что цель жизни Бакунина – гуманизация существующего положения всех индивидуумов (30). Главным же во взглядах «анархического святого» Кропоткина автор увидел его оптимистическую веру в солидарность человека с окружающим миром и людьми (31). В завершении своего очерка немецкий исследователь призывал к отказу от отождествления анархизма с насилием.

Несмотря на то, что в работе Витткопа отсутствует анализ взглядов русских анархистов, очевидно, что его, как и Каттепоэля, можно причислить к оптимистам, пытающимся предостеречь от радикализации в общественном сознании такого явления, как анархизм. Кроме того, автор стремится показать его конструктивную сторону, связанную с самосовершенствованием каждой отдельной личности, призывом к человеколюбию.

Исследователи, принадлежащие к консервативному направлению, Р. Бадони-Кремер и М. Рок, акцентировали внимание на проблеме насилия в анархической теории, разрабатывали тему влияния анархизма на терроризм.

Бадони-Кремер, отличающийся антикоммунистическими взглядами и выступающий против любых левых устремлений в литературе, в 1970 г. представил свое видение проблемы анархизма и терроризма. Бакунина и Кропоткина немецкий автор называет «менеджерами» революционного анархизма, который «в бакунинско-кропоткинской интерпретации стал внушающим страх идеологией, всегда приводящим к террористическим действиям» (32). В отношении насильственных действий немецкий автор писал, что Бакунин и «Катехизис революционера» стали «путеводной нитью» позднейших радикалистов (33).

Добавим, что книга Бадони-Кремера была раскритикована в еженедельнике «Цайт» в связи с отсутствием в работе полноценного анализа анархических концепций и ее общей конъюнктурной направленности против либертарного движения (34).

Критический настрой присутствует и в работе М. Рока 1977 г. Автор придерживается однозначной позиции, что история идей анархизма обнаруживает неопровержимую тенденцию к террористическим действиям. Анархо-терроризм, по мнению Рока, угрожает фундаментальным основам человеческого общества (35).

Российских мыслителей автор причисляет к «коллективистски ориентированному анархизму». Систему взглядов Бакунина Рок называет «филопаксией». Такое название он связывает с тем, что ядро системы взглядов анархиста вращается вокруг чисто практических интересов, причем их реализация возможна только с помощью революции. Главное же в концепции Кропоткина М. Рок увидел в осуществлении принципа самоуправления в обществе. Принципиальной разницы между концепциями отечественных мыслителей немецкий автор не видел. Единственное, что, по его мнению, их отличало – большая утопичность взглядов Кропоткина. Оба анархиста способст-

вовали, по Року, формированию дальнейших движений, цинично пропагандирующих и применяющих насилие (36).

Таким образом, если либеральные авторы отбрасывали затушевывали негативные призывы анархистов к экстремистским действиям, полагая, что данная позиция себя исчерпала по причине изменившейся исторической эпохи, то консервативные исследователи отстаивали иную точку зрения. По их мнению, радикальная линия анархизма не исчерпала себя, наоборот, она получила свое дальнейшее развитие как в террористических действиях рубежа XIX–XX вв., так и в немецком обществе 1970-х гг., поэтому необходимо просвещать молодежь, чтобы не допустить всплеска экстремизма.

Характеризуя западногерманскую историографию 1960–1980-х гг. теории русского анархизма, еще раз подчеркнем, что возрождение антиавторитарных идей было теснейшим образом связано с ростом протестного движения в Германии. Молодежные демонстрации 1967–1968 гг., личное обращение к идеям анархизма одного из идеологов протестного движения Р. Дучке, террористические действия «Фракции красной армии» 1972 и 1977 г. вызвали как общественный, так и научный интерес к анархизму, который становился для широкой публики синонимом насильственных действий. Бакунин и Кропоткин были теми, кто олицетворял его классическую теорию, а их имена мелькали на страницах периодических изданий и монографий.

По причине разрыва с историографией довоенных лет специалисты 1970-х гг. вынуждены были заново открывать для себя анархизм, что сказалось на качестве самих работ, страдавших описательностью. Сами авторы указывали на недоступность и недостаточность материалов для полноценного исследования. На помощь пришли «анархические издательства», сыгравшие положительную роль в обеспечении специалистов необходимыми источниками.

Несмотря на попытки ряда авторов использовать современные теории (например, идеи Марбургской и Франкфуртской школ) и междисциплинарные методы, в немецкой историографии теории русского анархизма преобладал описательный подход.

В статье удалось установить, что немецким исследователям, сопоставляющим теории русского анархизма и марксизма, больше импонировал индивидуальный характер антиавторитарных идей Бакунина и Кропоткина, нежели сведение марксизмом всех общественных процессов к экономике. Хотелось бы отметить и то, что традиционные исследования об анархизме отличаются большим вниманием к биографиям отечественных мыслителей, поиском истоков мировоззрения в особенностях их характеров и личной жизни.

В немецкой историографии отечественного анархизма можно выделить два течения: консервативное и либеральное. Работы консервативного направления в целом немногочисленны. Такие публикации, тесно связанные с экстремистскими действиями сначала молодых демонстрантов, а затем РАФ, создавали негативный стереотип анархизма, отождествляя его со стратегией насилия.

Но в целом в историографии ФРГ преобладают работы либерального характера, подчеркивающие противодействие анархизма все усиливающейся бюрократии, затмевающей личность отдельного человека. Их отличительной чертой является положительная оценка анархизма, прежде всего за его веру в способности масс к самоорганизации, его гуманистическую интенцию.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Dutschke R.* Ausgewählte und kommentierte Bibliographie des revolutionären Sozialismus von Karl Marx bis in die Gegenwart. – Heidelberg, Frankfurt, Hannover, Berlin, 1969. – S. 20–21.
- (2) *Der Spiegel.* – 1968. – № 48.
- (3) *Der Spiegel.* – 1969. – № 47.
- (4) См., например: *Bakunin M.* Philosophie der Tat. Auswahl aus seinem Werk. Eingeleitet und herausgegeben von Rainer Beer. – Köln, 1968; *Michail Bakunin: Gott und der Staat und andere Schriften.* Herausgegeben von Susanne Hillman. – Reinbek bei Hamburg, 1969; *Bakunin M.* Freiheitlicher Sozialismus oder Marxismus. 3 Aufsätze. Herausgeber: Projektgruppe autonomes Jugendzentrum. – Osnabrück, 1971/72; *Bakunin M.* Staatlichkeit und Anarchie und andere Schriften. Herausgegeben und eingeleitet von Horst Stuke. – Frankfurt am Main, 1972.; *Michail Bakunins sozialpolitischer Briefwechsel mit Alexander Iw. Herzen und Ogarjow.* Einleitung Arthur Lehning. – Berlin, 1977; *Bakunin M.* Gewalt für den Körper. Verrat für die Seele? Ein Brief von Michael Bakunin an Sergej Netschaev. Eine Debatte über Ethik und Moral der Revolutionäre und den «Revolutionären Katechismus». Mit einer Einleitung und Anmerkungen von Arthur Lehning. – Berlin, 1980; *Kropotkin P.* Memoiren eines Revolutionärs. Autorisierte Übersetzung von Max Pannwitz. Nachwort von George Woodcock. – Frankfurt am Main, 1969.; Briefe nach der Schweiz (Gustav Landauer, Erich Mühsam, Max Hölz, Peter Kropotkin). Herausgegeben von T. Pinkus. – Zürich, 1972; *Kropotkin P.* Die Eroberung des Brotes und andere Schriften. Herausgegeben von Hans G. Helmes. – München, 1973; *Kropotkin P.* Gegenseitige Hilfe in der Tier- und Menschenwelt. Vorwort von Roel van Duyn. – Berlin, 1975.
- (5) *Lösche P.* Probleme der Anarchismusforschung. Kritische Anmerkungen zu einigen Neuerscheinungen // Internationale wissenschaftliche Korrespondenz zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. – Berlin, 1973. – № 19–20. – S. 125.
- (6) *Dressen W.* Antiautoritäres Lager und Anarchismus: Mit einem Lesebuch: Texte von Michail Bakunin, Friedrich Engels, Wladimir I. Lenin, Georg Lukacs und Karl Marx. – Berlin (West), 1968 – S. 6.
- (7) *Borries A. v., Brandies I.* Anarchismus. Theorie, Kritik, Utopie. – Frankfurt am Main, 1970.
- (8) *Die Zeit.* – 09.04.1971. – № 15.
- (9) *Stowasser H.* Ausgewogenes Kraftfutterpaket für lesefreudige Libertäre [Rezension] // Graswurzelrevolution. – Münster. – Oktober 2007. – № 322.
- (10) *Schmück J.* Anarchismus – Theorie, Kritik, Utopie. Hrsg. von Achim von Borries und Ingeborg Weber-Brandies. Nettersheim, Verlag Graswurzelrevolution, 2007. [Rezension] // Archiv für die Geschichte des Widerstandes und der Arbeit. – Fernwald, 2007. – № 12. – S. 191–193.
- (11) *Oberländer E.* Vorwort / Dokumente der Weltrevolution. Der Anarchismus. – Olten-Freiburg, 1972. – S. 7–8.

- (12) См.: Hug H., Grau H. Peter Kropotkin. 1842–1921. Bibliographie. – Bern, 1994.
- (13) Eckhardt W. Zur Editions-geschichte der Primärliteratur im deutschen Sprachgebiet / Michail A. Bakunin (1814–1876). Bibliographie der Primär- und Sekundärliteratur in deutscher Sprache. – Berlin–Köln, 1994. – S. 8.
- (14) Weseloh E. Anarchismus. Eine Bewusstseins-haltung. Inaugural-Dissertation zur Erlan-gung des Doktorgrades der Philosophischen Fakultät der Westfälischen Wilhelm-Universität zu Münster. – Münster, 1968. – S. 11–12.
- (15) Lenk K. Theorien der Revolution. – München, 1973. – S. 8.
- (16) Ibid. – S. 69–75, 90–91.
- (17) Die Zeit. – 01.02.1974. – № 6.
- (18) Lösche P. Anarchismus. Darmstadt, 1977. – S. 27.
- (19) Koch G. Marx und Bakunin zur Pariser Kommune. Zerstört den Staat! – Hamburg, 1974. – S. 30, 37–39.
- (20) Ibid. – S. 86.
- (21) Eßbach–Kreuzer U., Eßbach W. Solidarität und soziale Revolution: Antiautoritäre Theo-rien zur politischen Moral und kollektiven Emanzipation. – Frankfurt–am–Main – Köln, 1974. – S. 11.
- (22) Ibid. – S. 56–57.
- (23) Lösche P. Anarchismus. – S. 110.
- (24) См. Weber P. Sozialismus als Kulturbewegung. Frühsozialistische Arbeiterbewegung und das Entstehen zweier feindlicher Brüder Marxismus und Anarchismus. – Düssel-dorf, 1989.
- (25) Braun B. Frühsozialismus [Rezension] // Neue politische Literatur. – Jg. 36. – H. 1. – Wiesbaden, 1991. – S. 172–173.
- (26) Langewiesche D. Weber P. Sozialismus als Kulturbewegung. Frühsozialistische Arbei-terbewegung und das Entstehen zweier feindlicher Brüder Marxismus und Anarchismus [Rezension] // Historische Zeitschrift. – Bd. 252. – H. 2. München, 1991. – S. 410.
- (27) Cattepoel J. Anarchismus: Rechts- und staatsphilosophische Prinzipien. – München, 1979. – S. 58.
- (28) Ibid. – S. 106, 169–170.
- (29) См.: Wittkop J.F. Michail A. Bakunin in Selbstzeugnissen und Bilddokumenten. – Reinbek bei Hamburg, 1974. – 146 S.
- (30) Wittkop J.F. Unter der schwarzen Fahne: Aktionen und Gestalten des Anarchismus. – Frankfurt am Main, 1989. – S. 100.
- (31) Ibid. – S. 136.
- (32) Krämer-Badoni R. Anarchismus, Geschichte und Gegenwart einer Utopie. – Wien-München-Zürich, 1970. – S. 72.
- (33) Ibid. – S. 190.
- (34) Die Zeit. – 19.02.1971. – № 8.
- (35) Rock M. Anarchismus und Terror. Ursprünge und Strategien. – Trier, 1977. – S. 7–8.
- (36) Ibid. – S. 18–19, 24.

REFERENCES

- (1) Dutschke R. *Selected and annotated bibliography of revolutionary socialism from Karl Marx to the present*. Heidelberg, Frankfurt, Hannover, Berlin, 1969, pp. 20–21 (in Ger-man).
- (2) *Der Spiegel* [The Mirror], 1968, № 48 (in German).
- (3) *Der Spiegel* [The Mirror], 1969, № 47 (in German).
- (4) See e.g. Bakunin M. *Philosophy of action. Selection of his work*. Introduced and edited by Rainer Beer. Köln, 1968, 382 p. (in German); *Mikhail Bakunin: God and the State*

- and other writings*. Edited by Susanne Hillman. Reinbek bei Hamburg, 1969, 245 p. (in German); Bakunin M. *Libertarian Socialism or Marxism. 3 essays*. Edited by Projektgruppe autonomes Jugendzentrum. Osnabrück, 1971/72, 21 p. (in German); Bakunin M. *Law and anarchy and other writings*. Edited and introduced by Horst Stuke. Frankfurt am Main, 1972, 885 p. (in German); *Mikhail Bakunins socio-political correspondence with Alexander Herzen and Ogarjov*. Introduced and edited by Arthur Lehning. Berlin, 1977, 489 p. (in German); Bakunin M. *Violence to the body. Treason of the soul? A letter from Mikhail Bakunin to Sergei Netschaev. A debate on ethics and morality of the revolutionaries and «Revolutionary Catechism»*. Introduction and notes by Arthur Lehning. Berlin, 1980, 126 p. (in German); Kropotkin P. *Memoirs of a revolutionist*. Authorized translation by Max Pannwitz. Afterword by George Woodcock. Frankfurt am Main, 1969, 614 p. (in German); *Letters to Switzerland (Gustav Landauer, Erich Mühsam, Max Hölz, Peter Kropotkin)*. Edited by T. Pinkus. Zürich, 1972, 80 p. (in German); Kropotkin P. *The conquest of bread and other writings*. Edited by Hans G. Helmes. München, 1973, 338 p. (in German); Kropotkin P. *Mutual aid among animals*. Foreword by Roel van Duyn. Berlin, 1975, 294 p. (in German).
- (5) Lösche P. *Internationale wissenschaftliche Korrespondenz zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung* [International Scientific Correspondence of the history of the German workers' movement], Berlin, 1973, № 19–20, p. 125 (in German).
 - (6) Dressen W. *Antiauthoritarian camp and anarchism: with reading book: texts of Mikhail Bakunin, Friedrich Engels, Vladimir I. Lenin, Georg Lukacs and Karl Marx*, Berlin (West), 1968, p. 6 (in German).
 - (7) Borries A. v., Brandies I. *Anarchism. Theory, critique, utopia*. Frankfurt am Main, 1970.
 - (8) *Die Zeit* [The Time], 09.04.1971, № 15 (in German).
 - (9) Stowasser H. *Grassroots Revolution*, Münster, October 2007, № 322 (in German).
 - (10) Schmück J. *Archive of the history of resistance and work*, Fernwald, 2007, № 12, pp. 191–193 (in German).
 - (11) Oberländer E. *Documents of the World revolution. Anarchism*. Olten–Freiburg, 1972, pp. 7–8 (in German).
 - (12) See e.g. Hug H., Grau H. *Peter Kropotkin. 1842–1921. Bibliography*. Bern, 1994, 237 p. (in German).
 - (13) Eckhardt W. *Mikhail A. Bakunin (1814–1876). Bibliography of primary and secondary literature in German*. Berlin–Köln, 1994, p. 8 (in German).
 - (14) Weseloh E. *Anarchism. Condition of consciousness. Inaugural Dissertation for the Doctoral Degree of Philosophy Faculty of Westphalian Wilhelm's University of Münster*. Münster, 1968, pp.11–12 (in German).
 - (15) Lenk K. *Theories of revolution*. München, 1973, p. 8 (in German).
 - (16) *Ibid*, pp. 69–75, 90–91.
 - (17) *Die Zeit* [The Time], 01.02.1974, № 6 (in German).
 - (18) Lösche P. *Anarchism*. Darmstadt, 1977, p. 27 (in German).
 - (19) Koch G. *Marx and Bakunin about the Paris Commune. Destroy the state!* Hamburg, 1974, pp. 30, 37–39 (in German).
 - (20) *Ibid*, p. 86.
 - (21) Eßbach-Kreuzer U., Eßbach W. *Solidarity and social revolution: anti-authoritarian theories about political morals and collective emancipation*. Frankfurt-am-Main – Köln, 1974, p. 11 (in German).
 - (22) *Ibid*, pp. 56–57.
 - (23) Lösche P. *Anarchismus*, p. 110 (in German).

- (24) See e.g. Weber P. *Socialism as a cultural movement. Early socialist labour movement and the rise of the two hostile brothers Marxism and anarchism*. Düsseldorf, 1989, 545 p. (in German).
- (25) Braun B. *Neue politische Literatur* [New political literature], Wiesbaden, 1991, № 1, pp. 172–173 (in German).
- (26) Langewiesche D. *Historische Zeitschrift* [Historical journal], München, 1991, v. 252, № 2, p. 410 (in German).
- (27) Cattepoel J. *Anarchism: legal and political philosophy principles*. München, 1979, p. 58.
- (28) *Ibid*, pp. 106, 169–170.
- (29) See e.g. Wittkop J.F. *Mikhail A. Bakunin in autobiographies and images*. Reinbek bei Hamburg, 1974, 146 p. (in German).
- (30) Wittkop J.F. *Under the Black Flag: actions and forms of anarchism*. Frankfurt-am-Main, 1989, p. 100 (in German).
- (31) *Ibid*, p. 136.
- (32) Krämer-Badoni R. *Anarchism, history and the presence of utopia*. Wien, München, Zürich, 1970, p. 72 (in German).
- (33) *Ibid*, p. 190.
- (34) *Die Zeit* [The Time], 19.02.1971, № 8 (in German).
- (35) Rock M. *Anarchism and terror. Origins and strategies*. Trier, 1977, p. 7–8 (in German).
- (36) *Ibid*, p. 18-19, 24.

THEORY OF RUSSIAN ANARCHISM IN WEST GERMAN HISTORIOGRAPHY IN THE LATE 1960S–1980S

N.A. Zhukova

Department of Russian History
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay Str., 10–2, Moscow, Russia, 117198

The object of research of the article is the German studies of the late 1960s–1980s regarding the anarchic theories of Mikhail Bakunin and Peter Kropotkin. The purposes of this article are to determine the causes of surge of interest in this subject among the specialists from West Germany, to show general trends of German studies and to define schools of West German historiography of Russian theoretical anarchism. The author of the article concludes that the most of German specialists are the authors of liberal type. Only few conservative researchers created a negative image of anarchism and identified it with violent acts and crime. Most of West German authors appreciated positively theories of Russian anarchism and paid special attention to the searching of humanistic and anti-totalitarian ideas in the works of anarchists. Besides they held the view point that the anarchistic ideas help society to organize itself and to oppose the bureaucracy.

Key words: anarchism, socialism, Narodniks, theory, German historiography, Mikhail Bakunin, Peter Kropotkin.

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ПРОБЛЕМУ ДЖАДИДИЗМА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 30–60-Х ГГ. XX В.

А.А. Гафаров

Кафедра политической истории и мировой политики
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Мартина Межлаука, 3/45–321, Казань, Россия, 420111

Статья посвящена изучению эволюции научно-исторических взглядов на джадидизм как культурно-реформаторское движение тюрко-мусульманских народов России второй половины XIX – начала XX в. На основе историографического анализа научной литературы автор пришел к выводу о существенной политизации исследований в данной области, связанной с борьбой за искоренение национальных движений и усилением партийно-государственного контроля, апогей которого приходится на конце 1940-х – начало 1950-х гг. Как показано в статье, несмотря на определенные деформации в научных исследованиях отечественные историки сумели в целом сохранить научные традиции и продолжить исследование проблем джадидизма.

Ключевые слова: джадидизм, модернизация, тюрко-мусульманские народы России, советская историография, эволюция научных взглядов.

Проблема модернизации традиционного уклада мусульман России (джадидизм) на протяжении более ста лет привлекает внимание отечественных и зарубежных исследователей. Однако на разных этапах в фокусе научного интереса оказывались различные социокультурные срезы, проявились различные подходы и оценки. Подобная тенденция характерна и для советской историографии. Представляет большой интерес проследить эволюцию научных взглядов на джадидизм в советской историографии 1930–1960-х гг., когда на характер исторических исследований наиболее жесткое влияние оказывала политическая конъюнктура.

Политические процессы, которые происходили в СССР во второй половине 1920-х–1930-е гг., привели к усилению идеологической нетерпимости, преследованию инакомыслия и искоренению «национал-уклонизма» в советских республиках. С начала 1930-х гг. начинает складываться официальная концепция модернизации жизни мусульманских народов, которая постепенно обретает все более жесткие формы. Перед официальной историографией была поставлена задача развенчать джадидизм, показать интернациональную социально-классовую сущность общероссийских исторических процессов.

Однако первоначально в советской исторической литературе преобладали умеренные оценки. Эпоха джадидизма, по признанию Касымова Г., сопро-

вождалась «глубокими религиозными реформами», укреплением национальной печати, появлением буржуазных писателей, поэтов, историков; хотя при этом татарская буржуазия и занималась «разработкой форм и путей установления организованного господства над трудящимися» (1). В разоблачительном духе были написаны работы Г.А. Ибрагимова. Однако он также считал джадидов «прогрессистами», «старавшимися приспособить ислам к условиям развития капитализма в России» (2). По мнению А. Аршаруни, Х. Габидуллина, джадидизм – это «синоним нового, это знамя политической борьбы передовой татарской буржуазии и ее сторонников против консерватизма, наконец, это первоначальный организующий лозунг не только для татарской, но и всей тюркской буржуазии, лозунг, положивший начало пантюркистскому движению в России» (3).

Значимым явлением стала работа Л.И. Климовича «Ислам в царской России» (1936), которая была последней попыткой осмыслить «реформистские течения в исламе» в контексте общей модернизации мусульманских народов. Автор оценивал джадидизм как буржуазно-либеральное движение, направленное на расширение капиталистических отношений в мусульманской среде и одновременно на утверждение «господства татарского капитала как над татарскими, так над другими “мусульманскими” трудящимися» (4).

Разоблачительный акцент в отношении татарского джадизма вполне понятен. Борьба с «султангалеевщиной» оставалась главным направлением по искоренению «национал-уклонизма». Однако, сделав вывод о том, что бухарский джадидизм был «экспортирован из самодержавной России», Климович не ставит его «в один ряд с джадидами царской России». Признавая, что бухарские джадиды не были лишены намерения освободить «свою страну из-под сапога царской России», он достаточно осторожно критикует их деятельность, подразделяя на «левых» и «правых».

С этих же позиций выступает П.Г. Галузо («Туркестан-колония», 1929 и 1935). Исходя из положения о том, что в Средней Азии был обеспечен «некапиталистический путь развития», он последовательно придерживается теории «единого потока», т.е. «движения “всех” (мусульман) против “всех” (неверных русских)» (5), «без различий сословий и классов» (6). Джадиды в восприятии Галузо – это идеологи буржуазной демократии, левое крыло панисламизма, наиболее революционная часть которых влилась в коммунистическую партию. Для руководителей Туркестана джадидизм оставался органичной социокультурной оболочкой мировоззрения. Вплоть до середины 1930-х гг. джадиды М. Бехбуди и А. Фитрат официально оставались борцами за просвещение, «против тирании эмира ... за освобождение родины» (7).

Наиболее полно процессы модернизации мусульман Поволжья освещены в монографии В.М. Горохова «Реакционная школьная политика царизма в отношении татар Поволжья» (1941). Тематика исследования позволила автору несколько дистанцироваться от идеологических аспектов и в большей степени сосредоточиться на религиозно-реформаторских и культурно-про-

светительских сторонах проблемы. Горохов попытался несколько сгладить насаждавшуюся схему и «спасти» хотя бы ранний джадидизм. Анализируя программу Марджани, он приходит к выводу, что он «был одним из лиц, подготовивших джадидизм». Только с 1890-х гг. идеологом этого движения становится Гаспринский, а джадидизм оформляется «как пантюркистское движение» (8).

Налицо сужение трактовки мусульманского модернизма до уровня социально-политической канвы.

Очевидно, что работы 1930-х – начала 1940-х гг. несут на себе определенный «либеральный» отпечаток историографии 1920-х гг. Джадидизм представлен в целом как прогрессивное явление, с учетом многообразия его этапов и направлений и в контексте общих процессов в среде тюрко-мусульманских народов. Последующие годы характеризуются наиболее грубым вмешательством в научный процесс, когда тематические, оценочные установки «спускались сверху» в виде обязательных партийных постановлений.

В частности, в постановлении ЦК ВКП (б) от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской парторганизации» осуждались «серьезные недостатки и ошибки националистического характера в освещении истории Татарии». После него были сделаны оргвыводы в отношении руководства Института языка, литературы и истории, пересмотрены научные планы и направления. Исследования процессов модернизации татарского народа в этот период трансформируются в сторону «поисков» революционно-демократических составляющих. Первой попыткой «адаптировать» тему джадидизма к требованиям времени стала диссертация Г.М. Халитова «Дооктябрьская творческая эволюция Маджита Гафури» (1947). Автор выделил правое и левое крыло движения, оценивая джадидизм как движение просветительское. Однако такая постановка проблемы была признана недостаточной и ошибочной.

«Работа над ошибками» выявила сохранявшиеся проявления «буржуазного объективизма». Однако отсутствие официальных оценок создавало определенный «зазор» для «саботажа» партийных постановлений. Еще некоторое время вся прогрессивная татарская общественная мысль второй половины XIX в. рассматривалась под общим названием «джадидизм». В этом духе выразился Р.М. Раимов: «Татарская интеллигенция во главе с К. Насыровым положила начало новому общественному течению среди татар, известному в исторической литературе как джадидизм» (9). Острота вопроса во многом усугублялась утверждением прежде всего представителей Института истории АН СССР, что именно татарское национальное движение было главным проводником джадидизма, панисламизма и пантюркизма (10). В идеологических координатах того времени это, как минимум, блокировало объективное исследование вопроса.

В итоге с конца 1940-х гг. начинается целенаправленное разоблачение сущности джадидизма как общественного явления. Джадидизм рассматривается как контрреволюционное буржуазно-националистическое течение. «Пра-

вильные» акценты были расставлены в диссертации (1953) Х.Г. Мухаметова, в которой отмечалось, что «джадидисты выражали интересы националистической буржуазии», а «выразителями интересов татарского народа... были просветители», деятельность которых «была направлена не только против кадимистов (традиционалистов – А.Г.), но против джадидистов» (11).

Новое издание сборника статей «Революция 1905–1907 гг. в национальных районах...» (1955) также отразило общую тенденцию. В статье Р.М. Раимова теперь утверждалось, что «просветительские взгляды Каюма Насырова и его сторонников формировались в жестокой борьбе не только с царскими русификаторами, но и в борьбе со сторонниками... буржуазного либерализма (джадидисты)» (12).

Из статьи А.Ф. Якунина исчезла попытка разделить казахское националистическое движение на исламистское и западническое направления, а из азербайджанского раздела – какие-либо упоминания о джадидизме и его просветительских истоках (Бакиханове, Ахундове, Касимбеке, Зардаби) (13) и т.д.

В духе времени была написана также книга М.Х. Гайнуллина «Каюм Насыров и просветительское движение среди татар» (1955). С лихвой воздав должное идеологической риторике, автор противопоставляет джадидизм просветительству, характеризуя джадидизм как сугубо реакционное общественно-политическое течение (14). Однако при этом Гайнуллина все же удалось несколько расширить позитивный материал темы, обратившись к анализу творческого наследия таких писателей-модернистов, как З. Бигиев, Г. Ильяси, Ф. Халиди, З. Хади.

В итоге монографию по проблематике татарской общественной мысли разрешили опубликовать только К.Ф. Фасееву (зав. отд. науки, школы и культуры Татарского Областного комитета КПСС). Его работа «Из истории татарской передовой общественной мысли» (1955) стала олицетворением взятого курса, где предельная осторожность сочеталась с особой жесткостью и категоричностью формулировок. Джадидизм в ней определялся как реакционное буржуазно-националистическое течение, направленное «на то, чтобы оторвать татарский и иные мусульманские народы от России и подчинить их прогнившей империи турецких султанов» (15). В противопоставлении деятелей татарской культуры (Насыри, Фаизханова и Марджани, Тукая и Рамеева и т.д.) со всей очевидностью проявился тенденциозный подбор материала, целиком сориентированный на сочинения, изданные в советский период (в последующем автор несколько смягчит свои первоначальные оценки) (16).

Во второй половине 1950-х гг. происходит относительная либерализация идеологического режима. Своеобразным сигналом для историков стала статья члена ЦК КПСС, директора Института востоковедения Б.Г. Гафурова (1958), в которой автор, отражая дух перемен, отметил, что «до революции 1905 г. ... джадидисты среди татар Поволжья и в Азербайджане выступали с лозунгами культурной борьбы против религиозного мракобесия» и «в этом было немало прогрессивного» (17).

Безусловным ориентиром для ученых стал доклад секретаря ЦК КПСС, академика Б.Н. Пономарева (1962), в котором были определены рамки дозволенного, т.е. основные параметры и направления научно-исторического поиска (18). В результате круг научно-исследовательских сюжетов был существенно расширен. Однако в области рассматриваемой проблематики произошла определенная подмена предмета исследования. Проблемы джадидизма директивным путем были заменены в значительной степени изучением российской аккультурации. В негласный «список закрытых тем» попали сюжеты, связанные с религиозной тематикой, а также целиком направление, связанное с изучением развития и становления национальной идеологии.

В Татарстане началось осторожное движение местных историков за «реабилитацию» национальных общественных деятелей. В частности, большое значение имела борьба за Ш. Марджани (ключевую фигуру мусульманского модернизма в России), который выдвигался деятелем сугубо просветительского направления. Показателем достигнутого стал сборник, выпущенный к 150-летию татарского мыслителя (1968).

Важным вкладом в исследование проблем мусульманского модернизма в эти годы стала монография М.Х. Гайнуллина «Татарская литература и публицистика начала XX века» (1966). Не педалируя напрямую «болезненную» тему джадидизма, автор дал позитивную характеристику татарской периодической печати («Вақыт», «Шура», «Йолдыз»), творчеству татарских публицистов (Фахретдин, Карими, Максуди) и др. Однако просветительство он по-прежнему противопоставляет религиозному реформаторству. Впрочем, еще вплоть до начала 1990-х гг. мусульманские реформаторы на страницах научных изданий будут выступать преимущественно в роли ученых и просветителей.

Подобные подвижки происходили и в других «тюрко-мусульманских» республиках. Пытаясь как-то адаптировать тему джадидизма к сложившейся идеологической ситуации, М.Г. Вахабов (директор Института истории Компартии Узбекистана) поднял вопрос о социальной природе джадидизма (1957) (19). Формально оставаясь на официальной позиции, он представил нейтрально-позитивную картину джадидского движения в Узбекистане до 1905 г.: «Не все люди, названные до революции джадидами, были представителями и идеологами национальной буржуазии. Среди них было немало лиц, которые... отражали интересы трудового народа и являлись носителями идей просветительства» (20). Пытаясь выделить джадидов-новаторов, автор называет «ранних» («левых») джадидов просветителями, движение которых «с самого начала приняло революционно-демократический оттенок» (21).

Безусловным прорывом в изучение данной проблемы стала работа Р.И. Нафигова «Формирование и развитие передовой татарской общественно-политической мысли» (1964). Новые условия позволили автору существенно расширить спектр и контекст исследования. Нафигов обратил внимание на внутреннюю социальную неоднородность и социально-политическую противо-

речивость джадидизма. Он вслед за Халитовым и Вахабовым предложил разделить джадидизм на демократическое и буржуазно-националистическое направления. На I этапе (середина XIX в. – 1880-е гг.) джадидское движение (в котором преобладало просветительство) носит в целом прогрессивный характер: требования были направлены против абсолютизма и способствовали пробуждению национального самосознания. На II этапе (с начала 1880-х гг.), по мнению автора, нарастают узкоклассовые интересы национальной буржуазии, вставшей во главе движения (22).

Аналогичная трактовка башкирского джадидизма присутствует в работах Г.И. Исмагилова и Б.Х. Юлдашбаева. При этом последний, подразделяя джадидов на левых и правых, стремился оценить джадидизм положительно в целом (прежде всего в плане его борьбы с мусульманским консерватизмом). «Возникнув в области школьного образования, – пишет Б.Х. Юлдашбаев, – джадидизм перерастает в широкое течение»: «речь шла о стремлении приобщить эти (мусульманские – А.Г.) народы к современной культуре и цивилизации» (23).

Очевидно, что тема джадидизма, ставшая предметом ожесточенных споров, представляла историкам не просто «полигон» для изучения общественно-политических течений меньшевистского толка, но и сохраняла в поле научного контента концепты национальной идеологии. Специфика темы позволяла под прикрытием «просветительства» относительно безболезненно затрагивать аспекты национального тюрко-татарского движения второй половины XIX – начала XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Касымов Г.* Очерки по религиозному и антирелигиозному движению среди татар до и после революции. – Казань, 1932. – С. 4, 11–12.
- (2) *Ибрагимов Г.А.* Ислам, его происхождение и классовая сущность. – М., 1940. – С. 74, 76.
- (3) *Аршаруни А., Габидуллин Х.* Очерки панисламизма и пантюркизма в России. – М., 1931. – С. 11.
- (4) *Климович Л.* Ислам в царской России. Очерки. – М., 1936. – С. 178, 188.
- (5) *Галузо П.Г.* Туркестан-колония. – М., 1929. – С. 41, 45, 46.
- (6) *Галузо П.Г.* Туркестан-колония. – Ташкент, 1935. – С. 83, 88, 94, 95.
- (7) *Икрамов А.* Отчет ЦК курултая КП(б) Узбекистана // Правда Востока. – 1934. – № 14. – 16 января. – С. 5.
- (8) *Горохов В.М.* Реакционная школьная политика царизма в отношении татар Поволжья. – Казань, 1941. – С. 169.
- (9) Революция 1905–1907 гг. в национальных районах России. – М., 1949. – С. 670.
- (10) Там же. – С. 537–538, 607, 616, 630.
- (11) *Мухаметов Х.Г.* Просветительские идеи в татарской литературе последней четверти XIX века: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. – Казань, 1953. – С. 4–5.
- (12) Революция 1905–1907 гг. ... – С. 726.
- (13) Там же. – С. 629, 488.

- (14) *Гайнуллин М.* Каюм Насыров и просветительское движение среди татар. – Казань, 1955. – С. 15–16.
- (15) *Фасеев К.Ф.* Из истории татарской передовой общественной мысли (вторая половина XIX – начала XX века). – Казань, 1955. – С. 14–15.
- (16) *Фасеев К.Ф.* Туганлык һәм дуслык кәче (Сила братства и дружбы). – Казан, 1966. – С. 205.
- (17) *Гафуров Б.Г.* Успехи национальной политики КПСС и некоторые вопросы интернационального воспитания // *Коммунист*. – 1958. – № 11. – С. 19.
- (18) *Пономарев Б.Н.* Задачи исторической науки и подготовка научно-педагогических кадров в области истории // *Вопросы истории*. – 1963. – № 1. – С. 16.
- (19) *Вахабов М.Г.* Ташкент в период трех революций. – Ташкент, 1957. – С. 26–27, 92–100.
- (20) *Вахабов М.Г.* Формирование узбекской социалистической нации. – Ташкент, 1961. – С. 205.
- (21) *Вахабов М.Г.* О социальной природе среднеазиатского джадидизма и его эволюции в период Великой Октябрьской революции // *История СССР*. – 1963. – № 2. – С. 35–36, 39.
- (22) *Нафизов Р.И.* Формирование и развитие передовой татарской общественно-политической мысли. – Казань, 1964. – С. 88, 92, 93, 95, 98.
- (23) *Юлдашбаев Б.Х.* История формирования башкирской нации. Дооктябрьский период. – Уфа, 1972. – С. 261–265.

REFERENCES

- (1) Kasyimov G. *Ocherki po religioznomu i antireligioznomu dvizheniyu sredi tatar do i posle revolyutsii* [Sketches on religious and antireligious movement among Tatars before and after revolution]. Kazan, 1932, pp. 4, 11–12.
- (2) Ibragimov G.A. *Islam, ego proishozhdenie i klassovaya suschnost* [Islam, its origin and class essence]. Moscow, 1940, pp. 74, 76.
- (3) Arsharuni A., Gabidullin H. *Ocherki panislamizma i pantyurkizma v Rossii* [Pan-Islamism and pantyurkizm sketches in Russia]. Moscow., 1931, pp. 11.
- (4) Klimovich L. *Islam v tsarskoy Rossii. Ocherki* [Islam in tsarist Russia. Sketches]. Moscow, 1936, pp. 178, 188.
- (5) Galuzo P.G. *Turkestan-koloniya* [Turkestan-colony]. Moscow, 1929, pp. 41, 45, 46.
- (6) Ibid, Tashkent, 1935, pp. 83, 88, 94, 95.
- (7) Ikramov A. Report of the Central Committee to Congress of the CP(b) of Uzbekistan. *Pravda Vostoka – Truth of East*, 1934, January 16, p. 5.
- (8) Gorohov V.M. *Reaktionnaya shkolnaya politika tsarizma v otnoshenii tatar Povolzhya* [Reactionary school policy of tsarism concerning Tatars of the Volga region]. Kazan, 1941, pp. 169.
- (9) *Revolyutsiya 1905–1907 gg. v natsionalnykh rayonakh Rossii* [Revolution of 1905–1907 in the national regions of Russia]. Moscow, 1949, p. 670.
- (10) Ibid, pp. 537–538, 607, 616, 630.
- (11) Muhametov H.G. *Prosvetitel'skie idei v tatarskoy literature posledney chetverti XIX veka. Avtoref. diss. ... kand. filolog. nauk* [Educational ideas in the Tatar literature of the last quarter of the XIX century. Author's abst. of diss. ... cand. of philol. Sciences]. Kazan, 1953, pp. 4–5.
- (12) *Revolyutsiya 1905–1907 gg...* [Revolution of 1905–1907...]. Moscow, 1955, p. 726.
- (13) Ibid, 1949, pp. 629, 488.

- (14) Gaynullin M. *Kayum Nasyirov i prosvetitel'skoe dvizhenie sredi tatar* [Kayum Nasyrov and educational movement among Tatars]. Kazan, 1955, pp. 15–16.
- (15) Faseev K.F. *Iz istorii tatarskoy peredovoy obschestvennoy myisli (vtoraya polovina XIX – nachala XX veka)* [From history of the Tatar advanced public thought (the second half of XIX – beginning of XX century)]. Kazan, 1955, pp. 14–15.
- (16) Idem, *Sila bratstva i druzhbyi* [Brotherhood and friendship force]. Kazan, 1966, pp. 205.
- (17) Gafurov B.G. *Kommunist – Communist*, 1958, no. 11, p. 19.
- (18) Ponomaryov B.N. *Voprosy istorii – History questions*, 1963, no. 1, p. 16.
- (19) Vahabov M.G. *Tashkent v period tryoh revolyutsiy* [Tashkent during three revolutions]. Tashkent, 1957, pp. 26–27, 92–100.
- (20) Idem, *Formirovanie uzbekskoy sotsialisticheskoy natsii* [Formation of the Uzbek socialist nation]. Tashkent, 1961, p. 205.
- (21) Idem, *Istoriya SSSR – History of USSR*, 1963, no. 2, pp. 35–36, 39.
- (22) Nafigov R.I. *Formirovanie i razvitie peredovoy tatarskoy obschestvenno-politicheskoy myisli* [Formation and development of the advanced Tatar social and political thought]. Kazan, 1964, pp. 88, 92, 93, 95, 98.
- (23) Yuldashbaev B.H. *Istoriya formirovaniya bashkirskoy natsii. Dooktyabrskiy period* [History of formation of the Bashkir nation. Pre-October period]. Ufa, 1972, pp. 261–265.

EVOLUTION OF VIEWS ON THE PROBLEM OF JADIDISM IN SOVIET HISTORIOGRAPHY OF 30–60S OF 20TH CENTURY

A.A. Gafarov

Department of political history and world politics
Kazan (Volga Region) Federal University
Martyn Mezhlauk Str., 3/45–321, Kazan, Russia, 420111

The article is devoted to the study of the evolution of scientific historical views on jadidism – modernization of the Turkic-Muslim peoples of Russian empire on second half of 19th – beginning of 20th century. On the basis of the historiographic analysis of soviet scientific literature of 30-60's of 20th century the author came to a conclusion about essential politicization of historical researches in the field (connected with fight for the eradication of national movements of Muslim peoples) and strengthening of the party and state control, that has reached its apogee in the late 40's – early 50's of 20th century. Prior to the official historiography was tasked to debunk jadidism (asserted the theory of «single-stream»), show the international social class nature of the all-Russian historical processes. Despite the deformation of scientific researches, national historians have succeeded in preserving the scientific traditions and continue to research the problems of jadidism.

Key words: jadidism, modernization, Muslim Turkic peoples of Russia, Soviet historiography, the evolution of scientific views.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В БАКУ В 1917–1918 ГГ. В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1920-Х ГГ.

В.Ш. Абышов

Институт истории им. А.А. Бакиханова
Национальная академия наук Азербайджана
пр. Г. Джавида, 31, Баку, Азербайджан, 1143

В статье проанализированы труды советских историков, впервые обратившихся к изучению послереволюционной политической ситуации в Баку в 1920-е гг. В их числе – С.Е. Сеф, С.С. Шаумян, Г. Штейн и др. Делается заключение о том, что целью авторов рассматриваемых произведений было оправдание прихода к власти большевиков, оставив при этом в тени участие в борьбе других политических сил. Сложившаяся в тот период историографическая ситуация делает необходимым выявление различных трактовок событий, связанных с политической ситуацией в Баку в 1917–1918 гг., для восстановления объективной картины прошлого в истории Азербайджана.

Ключевые слова: советская историография, Северный Азербайджан, Бакинский Совет, Бакинский Совет Народных Комиссаров.

Февральская революция и октябрьский переворот 1917 г. стали причиной острых политических процессов на территории бывшей Российской империи. После этих эпохальных событий в Северном Азербайджане также началась серьезная борьба за политическую власть и произошли весьма значительные события. Советские историки 1920-х гг. старались доказать закономерность победы большевиков в ходе борьбы за власть в Баку в 1917–1918 гг. Исследовательские работы, которые были написаны в этот период, несмотря на их односторонний характер, в будущем сыграли роль историографической основы для авторов при написании истории Гражданской войны и установления советской власти в Северном Азербайджане.

Несмотря на то, что источниковая база рассматриваемой проблемы еще не успела окончательно сформироваться, тем не менее уже в 1920-е гг. впервые к ней обратились такие историки, как С.Е. Сеф (1), Сур. Шаумян (2), Г. Штейн (3), Ю. Ратгаузер (4), С. Иткин (5) и некоторые другие, которые предприняли первые шаги по исследованию истории установления советской власти в Баку в 1917–1918 гг.

Первым советским исследователем, подробно осветившим политическую ситуацию на Южном Кавказе и борьбу большевиков за власть в Бакинском районе в 1917–1918 гг., по праву можно считать С.Е. Сефа. Именно его про-

изведения явились для последующих поколений советских историков как источниковой, так и историографической базой исследований.

В 1920-х гг. Сеф написал две работы, связанные с рассматриваемой проблемой. 16 февраля 1927 г. на собрании Бакинского Комитета Азербайджанской коммунистической партии (большевиков) он выступил с докладом, который был впоследствии издан в качестве книги под заголовком «Как большевики пришли к власти в 1917–1918 гг. в Бакинском районе» (6). Данный доклад фактически лег в основу его первой работы как исследователя. В ней отмечались те трудности, с которыми столкнулись историки-марксисты при изучении исторических процессов в Закавказье после Февральской революции, и указывались причины, их породившие и связанные прежде всего с напряженностью в сфере национальных и классовых отношений в регионе.

При этом С.Е. Сеф указывал на невозможность найти однозначное объяснение прихода к власти большевиков в Бакинском районе. В связи с этим автор пишет о том, что если в Петрограде или Москве классовые отношения находились на переднем плане и классовая борьба не отягощалась никаким посторонним влиянием, то в Бакинском районе ситуация развивалась совершенно иначе. По его мнению, в период, когда большевизм был в авангарде «Бакинского Октября», ему приходилось сосуществовать с тремя национальными группами, а именно: тюркской (партия Мусават) (7), армянской (партия Дашнакцутюн) и русской. Интересы последней пыталась выражать партия правых эсеров (8).

Во многих случаях С.Е. Сеф старался объективно представлять исторические события. Например, он считал, что к критике Мусаватом большевизма, характеристике им мартовских событий как национальной резни, указание на капитуляцию большевиков перед Дашнакцун и др., следует отнестись с пониманием (9). Наряду с этим, являясь советским историком, он защищал «революционную» борьбу, которую вели большевики. Анализируя деятельность левых эсеров в Баку и в Москве, автор отмечал, что «бакинские левые эсеры до конца действовали совместно с большевиками» (10), так как последние, не имея достаточного количества голосов в Бакинском Совете, постоянно нуждались в их поддержке.

Таким образом, в связи с поставленной проблемой, анализируя труд Сефа «Как большевики пришли к власти в 1917–1918 гг. в Бакинском районе», мы пришли к следующим выводам: во-первых, если большевики 31 октября и 2 ноября 1917 г. и захватили руководство Бакинским Советом, где эсеры, меньшевики и дашнаки составляли большинство, это еще не означало полного захвата ими власти; во-вторых, большевики сумели временно укрепить свои политические позиции лишь после «мартовского переворота» в Баку 1918 г. Эти события были связаны с межэтническими столкновениями, которые привели к многотысячным жертвам, в основном среди мусульман в Баку.

В своей второй книге «Революция 1917 года в Закавказье», написанной в 1927 г., С.Е. Сеф, в отличие от первой работы, постарался подойти к изложению событий, опираясь на источники (11). Характеризуя политическую ситуацию, сложившуюся на Южном Кавказе после Февральской революции в России, он отмечал, что в первые ее дни в Баку стали появляться новые органы власти. Но в этот период конфликта между юридической властью – Южно-Кавказским Особым Комитетом (ОЗАКОМ) и фактической властью (Советами) не было, и единственной реальной силой, которая выступила против политики блока ОЗАКОМ и Советской организации, являлись социал-демократы Закавказья (12). Далее автор писал: «В ходе революции сформировалась и получила развитие во главе с Комитетом Страны организация большевиков Закавказья. Их основной базой являлся промышленный пролетариат Закавказья (в основном, в Бакинском промышленном районе). Однако, несмотря на непрерывный рост большевизма, его базы пока еще было не достаточно для решительной борьбы за власть» (13).

В вышеуказанном произведении, широко используя материалы издававшейся на русском языке газеты «Баку», Сеф сообщает информацию о Совете солдатских и рабочих депутатов, созданном 6 марта 1917 г. в Баку, который демонстрировал решимость защитить и сохранить границы единой Российской империи.

Совет рабочих депутатов в своем обращении заявил о том, что выступает от имени всех рабочих и что он приветствует созыв Учредительного собрания в России и еще непровозглашенную демократическую республику, а также интернациональное братство и освобождение всех народов от любых видов эксплуатации (14). Далее, затрагивая расстановку политических сил в Закавказье, Сеф пишет, что, если в Западном Закавказье после октябрьского переворота меньшевистско-эсеровский блок победил и изолировал большевизм, то ситуация в Восточном Закавказье была совершенно иной. Здесь большевики сумели достаточно прочно обосноваться в самом центре нефтяной промышленности (15).

Стремительное развитие политических событий в Баку историк объяснял тем, что здесь заметно обострились социальные противоречия и что революционные и контрреволюционные силы готовились к вооруженной борьбе за захват власти. Одновременно росли противоречия на национальной почве. В свою очередь, отношение определенной части рабочих к большевикам было положительным. Рабочие организации пока не были настолько сильны, чтобы суметь защитить их.

После Февральской революции большевики начали серьезную борьбу за усиление своего влияния в Советах, пользовавшихся большим авторитетом у рабочих и солдат. В частности, уставшие от Первой мировой войны солдаты и матросы начали верить в пропагандируемые большевиками обещания остановить войну. Низкая заработная плата, тяжелый изнурительный труд, отсутствие жилья и проч. – все это использовалось большевиками в их анти-

правительственной пропаганде. В итоге они сумели превратить рабочих, в основном из немусульман, в свою социальную опору.

Хотя лозунг большевиков о том, что вся земля должна быть отдана крестьянам, на первый взгляд и был привлекательным, но он не являлся ничем иным, кроме уловки, направленной на привлечение крестьянских масс на свою сторону. После того, как 31 октября и 2 ноября 1917 г. руководство Бакинским Советом перешло в руки большевиков, они начали укреплять свои позиции.

Сеф был одним из первых советских историков, признавших низкий уровень авторитета большевиков среди народа. Правда, обосновывая причины этого, он не видел в том вины самих большевиков. В главе «Октябрьский переворот и Восточное Закавказье» из книги «Революция 1917 года в Закавказье» Сеф писал: «...Заявление Бакинского Совета о важности полного перехода власти на местах и в центре в руки Советов еще не означало полного завершения проблемы перехода власти в городе Баку и в его районах в руки Советов» (16). Эсеры и меньшевики резко критиковали большевиков, раздававших народу различного рода обещания. Так, в обращении, опубликованном в «Новостях революционного Комитета по общественной безопасности» (от 7 ноября 1917 г., № 2) отмечалось, что «...раскрылся истинный облик анархистов (под анархистами здесь подразумевались большевики – *А.В.*), скрывающихся под маской марксизма». Далее в обращении говорилось: «Мы знаем Шаумяна... с прапорщиком Авакяном мы познакомимся... Если вы в скором времени не предоставите мир, хлеб и землю, то «ваши» штыки завтра обратятся вспять» (17).

В действительности высказанные автором мысли стали реальностью уже в июле 1918 г., и в самый трудный момент рабочие, солдаты и крестьяне не поддержали Шаумяна и возглавляемый им Бакинский совет народных комиссаров.

Большевики любой ценой хотели создать собственное единовластие в Советах. Но, несмотря на различные способы оказания давления, угрозы и пропаганду, они не сумели добиться этого вплоть до мартовских событий 1918 г. Этот факт в дальнейшем были вынуждены признать многие советские историки, исследовавшие политическую деятельность большевиков в рассматриваемый период (18).

Приход к власти большевиков в России повлиял и на политическую ситуацию на Южном Кавказе. Так, существовавший Особый Комитет по Южному Кавказу (ОЗАКОМ) после октябрьских событий создал не зависящий от Центра самостоятельный комиссариат по Южному Кавказу – Закавказский Комиссариат, который негативно относился к большевикам. Те, в свою очередь, не воспринимали Комиссариат, взявший на себя управление Южным Кавказом.

Особое внимание большевики после прихода к власти уделяли армии. По той причине, что «единственной реальной силой, способной выступить

против Закавказского правительства, была большевизированная армия», то, как отмечал Сеф, «большевистская организация пыталась опираться именно на нее» (19). Таким образом, мы видим, что Сеф в своей работе пытался более объективно представить политическую борьбу, которая развернулась в Баку в 1917–1918 гг., и показать в ней роль большевиков.

Если первой причиной, по которой большевики придавали особое значение городу Баку, было сосредоточение здесь рабочих масс, то другой причиной являлся нефтяной фактор. В этот период Советская Россия для сохранения своего существования желала добыть как можно больше нефти и нефтяной продукции. Как и в предыдущей книге, Сеф указывал, что большевики, взявшие власть в октябре–ноябре 1917 г. в Бакинском Совете, реальную власть получили лишь после «мартовского переворота».

Среди произведений, написанных в 1920-е гг. и посвященных рассматриваемой проблеме, важное место занимает произведение Сурена Шаумяна «Бакинская Коммуна» (20). Шаумян был непосредственным участником событий 1917–1918 гг. и использовал документы из личного архива своего отца Степана Шаумяна.

Во введении автор отмечал, что его книга является лишь сырьевым материалом, которым в будущем смогут воспользоваться историки Октябрьской революции. Он, как и другие исследователи – его современники, выделил несколько форм власти, возникших в Баку после Февральской революции. Одной из них стал Исполнительный Комитет Общественных Организаций под председательством Степана Шаумяна. Автор объяснял этот выбор, несмотря на малочисленность в Совете большевистской фракции, «личным признанием всеми Шаумяна, а также отсутствием пока еще, серьезных разногласий между социалистическими партиями (в число социалистических партий входили и большевики) в первые дни февральской революции». Сурен Шаумян указывал при этом на наличие в Баку двоевластия в лице «...Исполнительного Комитета Общественных Организаций и ...Совета Рабочих Депутатов» (21).

Как и С.Е. Сеф, Сурен Шаумян, отмечая своеобразие ситуации в Баку, писал, что события как будто устремились в нужное для большевиков русло, то есть они теперь в действительности являлись руководителями Совета, а мелкобуржуазные партии отказались от руководящей роли.

Автор, указывая на причины перехода после 2 ноября 1917 г. всех функций осуществления руководства Советом в руки большевиков, связывал это с наличием в Баку «сильного пролетариата» (22).

Однако обозначенный автором «сильный пролетариат» почему-то в июле 1918 г. освистал на организованном большевиками митинге Шаумяна, Джапаридзе и других большевистских лидеров, не дав им возможности высказаться. Автор писал по этому поводу: «Большая часть рабочих и солдат не поддержала большевиков... Если бы большевики были поддержаны этими силами, то они насильственными способами защитили бы свою власть. Од-

нако ни сухопутная армия, ни морской флот, ни рабочие не защитили большевиков. После событий 25 июля 1918 года большевики возлагали надежды на митинги рабочих нефтепромысловых заводов. Однако партия большевиков потерпела неудачу на митинге, где участвовали десятки тысяч рабочих» (23). Сурен Шаумян после декабря 1917 г. так описывал политическую жизнь города в период переезда Военно-Революционного Комитета из Тифлиса в Баку: «Власть формально находилась в руках Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских депутатов, однако существующие два Национальных Совета (мусульманский и армянский Национальные Советы – *А.В.*) имели высокий авторитет» (24).

С одной стороны, автор связывает переход власти в Баку к большевикам с присутствием здесь сильного пролетариата, а с другой – он пишет о формальном нахождении власти в руках Исполнительного Комитета Совета рабочих и солдатских депутатов. Сур. Шаумян также объяснял трудности процесса окончательного укрепления власти большевиками сложным характером национальных взаимоотношений между тюркским и армянским населением, указывая на весьма «глубокие корни армяно-тюркских противоречий» (25).

Многие советские историки отмечали особую роль мартовских 1918 г. событий в Баку в деле упрочения советской власти, а С.Е. Сеф характеризовал их как «Бакинский Октябрь». Шаумян писал, в свою очередь, что контрреволюционная пропаганда нарочно пыталась убедить крестьян в том, что в Баку нет советской власти, а есть армянская диктатура, нет гражданской войны, а есть армяно-татарская резня и т. д. (26) Но в действительности все именно так и обстояло. Сурен Шаумян прокомментировал в своей книге падение Бакинской Коммуны, и в частности события на Каспийском море, связанные с поездкой комиссаров в Астрахань. Он включил в свое произведение материалы различных газет, издававшихся в Баку.

Другой советский историк 1920-х гг. – Г. Штейн – в написанной им в 1928 г. книге «Бакинская Коммуна» также пытался отобразить реальную картину процесса политической борьбы, которая шла на Южном Кавказе, и в особенности в Азербайджане (27). Автор создал масштабное произведение объемом в 811 страниц, повествующее о событиях того периода с анализом политической ситуации 1917 г. и форм власти, установившейся в Баку после Февральской революции.

В отличие от Сурена Шаумяна, Штейн указывал на «организацию в Баку Совета рабочих депутатов» как на первую форму власти и на то, что «...определенная часть Совета состояла из эсеров и меньшевиков, а большевики были в нем представлены в составе лишь нескольких человек». Второй формой власти, существовавшей в Баку, автор называет «Исполнительный Комитет Общественных Организаций» и входивших в него «Совет рабочих депутатов, представителей буржуазной городской думы, кооперативов, профсоюзов». В качестве третьей формы власти автор называет «Думу, состоящую из нефтепромышленников, купцов и крупных собственников» (28).

Разделяя точку зрения своих предшественников – Сефа и Шаумяна, Штейн отмечал, что советская власть установилась в городе Баку 2 ноября 1917 г., но большевики в составе Совета на тот момент ещё не были сильны. Он также подчеркивал, что им пришлось долго бороться, чтобы устранить внутренние и внешние помехи на пути укрепления своей власти в Баку.

Штейн считал 2 ноября исторической датой и указывал, что с этого дня начался новый этап в развитии революционного движения в городе. Но вместе с тем он подчеркивал, что большевистская организация г. Баку имела еще недостаточно сильные позиции в тот период (29).

Выражая свое отношение к мартовским событиям, Г. Штейн отмечал, что причиной их было то, что после октябрьского переворота главной задачей большевиков было успешно довести дело до конца. Однако усиление мусаватистов в таком промышленном центре, как Баку, и поддержка их националистическими силами в Гяндже значительно затрудняли решение этой задачи. В результате большевики, вначале желавшие прихода к власти мирным путем, теперь были вынуждены обдумывать способы ее вооруженного захвата. В частности, они оказались в безвыходном положении во время октябрьских выборов 1917 г., когда шестьдесят процентов голосов собрали представители партии Мусават и дашнаки (30).

Также Штейн, как и многие другие историки 1920–1930-х гг., характеризовал мартовские события 1918 г. не как гражданскую войну, а как «национальную резню». В связи с этим автор писал, что нельзя было не заметить, что в период мартовских событий большевики располагали незначительными силами, а получить помощь от Советской России в тот период было невозможно. Поэтому они оказались перед дилеммой: либо уступить власть мусаватистам либо защищать ее до конца. В сложившейся ситуации Советы временно воспользовались дашнакскими силами. В ином случае пролетарской революции был бы нанесен мощный удар, и советская власть в Баку потерпела бы крах, соответственно и победа советской власти в Закавказье стала бы невозможной. В свою очередь, это создало бы чрезвычайно сложную ситуацию для советского правительства, которое вело в тот период Гражданскую войну. Историк заключал, что, если бы большевики не достигли своих целей в Баку в марте 1918 г., то и создать Бакинскую Коммуну в дальнейшем было бы невозможно (31).

Поэтому Штейн также признавал, что Бакинская Коммуна зародилась в огне боев мартовских событий, в период, когда бакинский пролетариат проживал свой «Октябрь». Одна из задач, которая стояла в тот период – это снабжение пролетариата продовольствием, и от ее решения зависело существование советской власти в Баку. Штейн в своей работе значительное внимание уделяет этой проблеме. Причины падения Бакинской Коммуны он объяснял бесчестной и продажной политикой соглашательских и националистических партий (32).

Однако автор не говорит при этом об ошибках самих большевиков в период их нахождения у власти, тогда как в воспоминаниях ряда большевистских деятелей тех лет политика Бакинского Совета народных комиссаров подвергалась резкой критике и называлась как одна из основных причин падения советской власти.

Таким образом, подводя итог, следует отметить, что в качестве первого этапа взятия власти большевиками в Бакинском Совете в советской литературе 1920-х гг. была указана дата 31 октября – 2 ноября 1917 г. На этом этапе захват руководства Советом большевиками, несмотря на незначительное представительство в нем, связывается с их активной политической пропагандой. Укрепление же реальной власти в Бакинском районе, по мнению историков, происходит в результате «мартовской победы» 1918 г., ставшей фактически пирровой.

В рамках данной статьи, проанализировав труды ряда советских историков 1920-х гг., приходим к выводу о том, что основной их целью было оправдание борьбы за власть, которую вели большевики, оставив при этом в тени участие в этой борьбе других политических сил. Вместе с тем указанные произведения, несмотря на идеологический контекст, имеют определенное научное значение для объективного исследования проблемы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Сеф С.Е.* Как большевики пришли к власти в 1917–1918 гг. в Бакинском Районе. – Баку, 1927. Сеф С. Е. Революция в 1917 года в Закавказье (документы и материалы). – Тбилиси, 1927.
- (2) *Шаумян С.С.* Бакинская коммуна. – Баку, 1927.
- (3) *Штейн Г.* Бакинская Коммуна. – Баку, 1928.
- (4) *Ратгаузер Я.* Революция и гражданская война в Баку. Часть первая. 1917–1918 гг. – Баку, 1927.
- (5) *Иткин С.* Очерки по истории профдвижения в г. Баку и его районах. 1917–1920 г. – Баку, 1927.
- (6) *Сеф С.Е.* Как большевики пришли к власти в 1917–1918 гг. в Бакинском Районе. – Баку, 1927.
- (7) Там же. – С. 4.
- (8) Там же. – С. 5.
- (9) Там же. – С. 28.
- (10) Там же. – С. 31.
- (11) *Сеф С.Е.* Революция 1917 года в Закавказье...
- (12) Там же. – С. 14.
- (13) Там же. – С. 15.
- (14) Там же. – С. 73.
- (15) Там же.
- (16) Там же. – С. 303.
- (17) Там же. – С. 314.
- (18) Там же. – С. 317.
- (19) Там же. – С. 31.

- (20) Шаумян С.С. Бакинская коммуна...
- (21) Там же. – С. 2–3.
- (22) Там же. – С. 8.
- (23) Там же. – С. 11.
- (24) Там же.
- (25) Там же. – С. 14.
- (26) Там же. – С. 28.
- (27) Штейн Г. Бакинская Коммуна...
- (28) Там же. – С. 13–14.
- (29) Там же. – С. 34.
- (30) Там же. – С. 122.
- (31) Там же. – С. 124–125.
- (32) Там же. – С. 70.

REFERENCES

- (1) Sef S.E. *Kak bolsheviki prishli k vlasti v 1917–1918 gg. v Bakinskom Rayone* [How the Bolsheviks came to power in 1917–1918 years within Baku Area]. Baku, 1927; Sef S.E. *Revolyusiya v 1917 goda v Zaqafqaziye (document I materialy)* [Revolution in 1917 in the Caucasus (documents and materials)]. Tbilisi, 1927.
- (2) Shaumyan S.S. *Bakinskaya kommuna* [Baku Commune]. Baku, 1927.
- (3) Shteyn Q. *Bakinskaya kommuna* [Baku Commune]. Baku, 1928.
- (4) Ratqauzer Ya. *Revolyusiya I qrajdanskaya vojna v Baku. Chast pervaya. 1917–1918 gg.* [Revolution and civil war in Baku. Part One. 1917–1918]. Baku, 1927.
- (5) Itkin S. *Ocherki po istorii profdvijeniya v g. Baku I ego payonax. 1917–1920 g.* [Essays on the trade union movement' history in the city of Baku and its districts. 1917–1920]. Baku, 1927.
- (6) Sef S.E. *Kak bolsheviki prishli k vlasti* [How the Bolsheviks came to power].
- (7) Ibid., p. 4.
- (8) Ibid., p. 5.
- (9) Ibid., p. 28.
- (10) Ibid., p. 31.
- (11) Sef S.E. *Revolyusiya v 1917 goda v Zaqafqaziye* [Revolution in 1917 in the Caucasus].
- (12) Ibid., p. 14.
- (13) Ibid., p. 15.
- (14) Ibid., p. 73.
- (15) Ibid.
- (16) Ibid., p. 303.
- (17) Ibid., p. 314.
- (18) Ibid., p. 317.
- (19) Ibid., p. 31.
- (20) Shaumyan S.S. *Bakinskaya kommuna* [Baku Commune].
- (21) Ibid., pp. 2–3.
- (22) Ibid., p. 8.
- (23) Ibid., p. 11.
- (24) Ibid.
- (25) Ibid., p. 14.
- (26) Ibid., p. 28.

- (27) Shteyn Q. *Bakinskaya kommuna* [Baku Commune].
- (28) *Ibid.*, pp. 13–14.
- (29) *Ibid.*, p. 34.
- (30) *Ibid.*, p. 122.
- (31) *Ibid.*, pp. 124–125.
- (32) *Ibid.*, p. 70.

STUDYING OF 1917–1918 POLITICAL SITUATION IN BAKU IN SOVIET HISTORIOGRAPHY OF 1920S

V.Sh. Abishov

The Institute of History named after A. Bakikhanov
Javid str., 31, Baku, Azerbaijan, 1143

The article analyzes the works of Soviet historians, who first turned to the study of the post-revolutionary political situation in Baku in the 1920s. Among them are S.E Sef, S.S. Shaumyan, G. Stein, etc. It is concluded that the aim of this authors was justification of Bolsheviks' coming to power while neglecting the role of other political forces. This historiographical situation makes it necessary to identify different interpretations of the events related to the political situation in Baku in 1917–1918 in order to restore the objective picture of the past history of Azerbaijan.

Key words: Soviet historiography, S.E. Sef, S.S. Shaumyan, G. Shtein, Baku Soviet, Baku Council of People's Commissars.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ

ОСОБЕННОСТИ КНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ В ЧЕРНИГОВСКОЙ ЗЕМЛЕ

Н.В. Логачёва

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198

В статье исследуются особенности формирования в XI–XV вв. Черниговского княжества, которое, несмотря на раздробленность, становится сильным, самостоятельным государством. Проведенный анализ дал возможность выявить, что по своему экономическому, политическому и культурному развитию Черниговское княжество стало центром древнерусских княжеств. Вместе с тем, несмотря на стабильность государственного устройства, в Черниговском княжестве сохранилась слабо развитая, неустойчивая система уделов, которая подрывала управление княжеством, вела к междоусобицам, что негативно сказывалось на единстве черниговских земель.

Ключевые слова: Юго-Восточная Русь, князья, княжества, княжеская власть, династии, междоусобицы, распри, летописи, Черниговское княжество, Верховские княжества.

Введение

Обоснование темы. История Черниговского государства всегда была актуальной и востребованной для исследователей российского государства. Одни видят в этом необходимость научного поиска происхождения Древнерусского государства, другие – как можно больше почерпнуть исторического знания о древних княжествах, третьи – более подробно узнать о формах правления на их землях в XI–XV вв. и т.д. Особый интерес вызывает история Черниговского княжества, так как в его состав входила практически половина земель бывшей Киевской Руси. А следовательно, она пережила многие ис-

торические события – это ее расцвет и раздробленность, переходящая в кровавые междоусобные войны. Некоторые проблемы становления княжеской власти Юго-Восточной Руси XI–XV вв. имеют исключительно актуальное значение, которое связано как с научной, так и с практической точками зрения. Оно позволяет глубже понять истоки зарождения Древнерусского государства, особенности его становления и развития, сопоставить некоторые детали прошлого со становлением властных структур современного российского государства.

Обзор литературы. В настоящее время анализ формирования, становления и во многом противоречивой деятельности древнерусских княжеств находится в числе приоритетных научных проблем (1). Среди многих научных трудов, относящихся к этой проблематике, особый интерес вызывает самое крупное и влиятельное Черниговское княжество (2), история которого, несмотря на его значимость в составе Древнерусского государства, еще не получила достаточного освещения, что делает актуальным обращение к данной проблеме.

Цель и задачи. В данной статье предполагается проанализировать особенности формирования княжеской власти Юго-Восточной Руси в XI–XV вв., в том числе и Великого Черниговского княжества. В этой связи в статье освещена его богатая история, проанализированы летописные данные конца XII в., свидетельствующие о крепости княжеской власти, действенной системе управления и нейтрализации внутренних усобиц с целью формирования цельного, во многих отношениях достаточно крепкого, самостоятельно-го Древнерусского государства XI–XV вв.

Исследование проблемы

Исследуя проблему формирования княжеской власти в Юго-Восточной Руси, надо отметить, что становление Черниговского княжества происходило еще в рамках Древнерусского государства, в эпоху же раздробленности оно стало мощным самостоятельным государством. По своему экономическому, политическому и культурному развитию черниговские земли опережали ряд других, претендуя до определенного момента на роль нового центра объединения Руси. Об этом свидетельствует сохранившаяся до наших дней уникальная архитектура городов черниговщины, величие ее соборов и монастырей. Общерусскими памятниками «столичного уровня» являются Спасо-Преображенский монастырь и Спасский собор, а также величайшее древнерусское поэтическое произведение «Слово о полку Игореве», в котором с полным основанием черниговские князья названы храбрым Ольгиным гнездом, потомками Олега Святославича. Из Черниговской земли вышел Даниил Паломник, ходивший в Палестину после первого крестового похода. И в настоящее время память о древнем богатом Чернигове прочно удерживается в дошедшем до наших дней народном эпосе.

Первое политическое обособление Чернигова от Киева произошло еще в 1024 г., когда по соглашению между сыновьями Владимира все левобережье Днепра перешло под власть Мстислава. Правда, после его смерти в 1036 г. черниговские земли вернулись в состав Киевского государства и вновь стали управляться князем Ярославом. Но уже после смерти Ярослава Мудрого в 1054 г. Черниговское княжество было передано по его завещанию второму сыну Святославу. В конце XI в. оно окончательно закрепляется за Святославичами и обретает полную самостоятельность. После Любечского съезда князей 1097 г. Чернигов достался Давиду, которого затем поочередно сменили Олег и Ярослав Святославичи (3).

Западной границей Черниговского княжества был Днепр; на Юго-Востоке его земли простирались до Северного Кавказа, а на Северо-Востоке достигали берегов Оки и Москвы. Таким образом, в Черниговское княжество входила практически половина земель бывшей Киевской Руси. Это обеспечивало черниговских князей экономическими условиями, необходимыми для укрепления их власти. В частности, у черниговских князей были тысячи дружинников, принимавших участие в военных походах на Византию и обороне Руси от кочевников.

В то же время летописи свидетельствуют о том, что в период раздробленности Черниговские земли испытали череду княжеских междоусобиц, перераставших в кровавые войны. Во многом они вызывались стремлением отдельных удельных князей взять под свой контроль Черниговский престол, а, следовательно, и экономические богатства земли.

Ситуация, связанная с междоусобицами, усугублялась тем, что занятие головного стола новым князем означало перераспределение столов между младшими членами династии и изменение их продвижения в порядке старшинства. До 1164 г. распри велись не только между Ярославичами, Давыдовичами и Ольговичами, но также между старшей и младшей линиями Ольговичей. С начала XIII в. главные столы закрепляются за старшей линией династии, а представители младшей получают наследуемые уделы (4).

В последующие годы переход власти от одного князя к другому осуществлялся вследствие разделения Черниговского княжества на ряд земель — Брянскую, Новосильскую, Карачево-Козельскую, Тарусскую. При этом перераспределение власти сопровождалось, как правило, кровопролитными столкновениями и переворотами. Все это препятствовало укреплению княжеской власти в Юго-Восточной Руси.

Вместе с тем исследователи отмечают сохранение в Юго-Восточной Руси сильной вечевой традиции и слаборазветвленную, неустойчивую систему уделов. С другой стороны, в Черниговском княжестве при занятии престола соблюдалось право старшинства, которое являлось фактором относительной стабилизации политической структуры. Как свидетельствуют летописные данные, до конца XII в. политическая ситуация в регионе отличалась относительной крепостью княжеской власти, действенностью системы управле-

ния, что вело к нейтрализации внутренних усобиц. Одним из важных элементов системы управления являлись княжеские съезды, игравшие в черниговской земле ту же роль, что и «снемы» внуков Ярослава Мудрого.

Однако с конца XII в. некоторые волости попытались укрепить свое положение в системе Черниговского княжения. В результате зависимость удельных князей от черниговского владетеля становилась номинальной, а система управления Черниговским княжеством стала давать сбои, что подрывало и его относительное единство.

Исследуя основные усобицы конца XII – начала XIII вв., необходимо, прежде всего, остановиться на их предпосылках. В частности, несмотря на утрату Киевом общерусского значения борьба за обладание им продолжалась вплоть до нашествия монголов. В результате кровопролитных войн Киев переходил из рук в руки в зависимости от соотношения сил борющихся княжеских кланов и в немалой степени от отношения к ним влиятельного киевского боярства.

В условиях общерусской борьбы за Киев местные бояре стремились к прекращению распрей и усобиц, к политической стабилизации в своем княжестве. Так, например, приглашение в Киев в 1113 г. Владимира Мономаха в обход принятой тогда очередности наследования явилось прецедентом, использованным в дальнейшем для обоснования права выбора боярами «сильного и угодного им князя» и заключения с ним «ряда», выражавшего их территориально-корпоративные интересы. Нарушившего этот ряд князя бояре устраняли переходом на сторону его соперника или даже путем заговора. По мере втягивания в борьбу за Киев все большего числа князей киевские бояре прибегали к своеобразной системе княжеского дуумвирата, приглашая в Киев соправителями представителей от двух или нескольких соперничающих княжеских кланов, чем на какое-то время приостанавливали распри и усобицы между отдельными князьями.

Усобицы в Юго-Восточной Руси характеризовались чередой постоянных боевых действий, в ходе которых разорялись города и села, а население угонялось в плен. Жестоким погромам в различные годы подверглись Чернигов, Смоленск, Рязань и другие города. В результате, в начале XIII в. произошел их упадок и отход населения в другие земли Юго-Восточной Руси, которые меньше пострадали от княжеских распрей и усобиц и фактически были недоступны для половцев. В этой связи можно сделать вывод, что княжеские распри и усобицы конца XII – начала XIII в. негативно отразились на социально-экономическом развитии Черниговского и других княжеств Юго-Восточной Руси, ослабляли их боевые дружины накануне монгольского нашествия.

Анализируя состояние Юго-Восточных земель во второй половине XIII–XV вв., прежде всего следует остановиться на Верховских княжествах. В летописных материалах отмечается, что первое упоминание Верховских княжеств относится к 1146–1147 гг. Они были отмечены в летописях кур-

ских земель, которые находились в это время во владении князя Святослава Ольговича.

Можно предположить, что само появление Карачево-Козельского княжества произошло только во второй половине XIII в. При этом второй сын погибшего в Золотой Орде князя Черниговского Михаила Всеволодовича Мстислав Михайлович унаследовал Карачев, а Иван Мстиславович получил в управление Козельск. Этот факт был зафиксирован в летописных сводах, относящихся к началу XIV в. Первое упоминание в летописи Карачевского князя Святослава Мстиславовича датируется 1310 г. Симеоновская летопись сообщает, что брянский князь Василий Александрович, возвратившись из Золотой Орды, совершил вместе с татарами поход на Карачев и убил правившего в это время князя Святослава Мстиславовича.

Источники раскрывают перипетии дальнейшей судьбы Козельского князя Андрея Мстиславовича, брата Святослава, который также погибает от руки уже своего племянника Василия в 1339 г. в борьбе за Козельск. В результате на княжение в Козельском уделе был посажен Тит-Федор – родной брат Василия Александровича. Его деятельность на княжеском престоле имела позитивные и негативные стороны. В частности, именно этот князь захватил Тарусское княжество, в результате чего, а также в связи со смертью князя Юрия в первой половине XIV в. оно распалось на уделы, часть из которых подпала под зависимость от московских князей, а часть перешла к Козельскому княжеству.

В целом, история Верховских княжеств второй половины XIV в. тесно взаимосвязана с борьбой за власть между промосковской и пролитовской группировками. С одной стороны, Святослав Карачевский, породнившийся с Ольгердом Литовским, занял пролитовскую позицию, а с другой – Козельский князь Тит-Федор выступил на стороне прорязанской позиции, став верным союзником князя Олега Рязанского. Анализ этого противостояния позволяет сделать вывод о том, что родство Карачевского князя с Ольгердом Литовским не только способствовало Литве в ее притязаниях на русские земли, но придавало ее политике антиордынскую направленность.

В этой связи большое значение имели подготовка и участие в московском походе 1385 г. на Рязанское княжество тарусских князей. Хотя это был общерусский поход князей московского блока, в нем не приняли участие верховские князья, что свидетельствует о самостоятельности Верховских княжеств по отношению к Москве.

В целом, судя по содержанию источников, внешняя политика Верховских княжеств во второй половине XIII – начале XV в. по мере развития их отношений с Литвой приобретала все более антиордынскую направленность, что имело позитивное значение для их политического укрепления, а также для защиты границ Черниговского и Московского княжеств.

С другой стороны, можно сделать вывод, что политика лавирования Верховских княжеств между Вильнюсом и Москвой позволяла им до опреде-

ленного времени сохранять самостоятельность в условиях формирования централизованных государств в Восточной Европе.

Исследуя проблему становления княжеской власти в Юго-Восточной Руси в XI в., следует особо остановиться на роли церкви в этом процессе.

Прежде всего, анализ источников показывает, что первые святые, канонизированные на Руси, князья Борис и Глеб (в крещении Роман и Давид), являлись не христианскими мучениками, а жертвами политического заговора своего старшего брата Великого князя Киевского Святополка, который стремился к единоличному правлению на Руси. Некоторые исследователи утверждают, что князья Борис и Глеб об этом желании брата хорошо знали. Кроме того, в житийных памятниках сохранились суждения князя Бориса об этом факте (5).

В целом необходимо отметить, что православная церковь объединяла в этот период широкий круг образованных, политически сильных личностей, с помощью которых стремилась к участию в управлении государством. Тем более, что само молодое государство нуждалось в поддержке церкви. Начиная с князя Владимира правители Киева призывали митрополитов и епископов к участию в государственных делах. Этот факт подтверждается и тем, что на княжеских советах и съездах первую роль после князей играло духовенство, которое в итоге укрепляло княжескую власть, советовало ей вершить все свои дела не просто так, а по Божией воле.

Активному участию церкви в управлении Юго-Восточных земель способствовало ее епархиальное деление. Приоритетные города – Киев, Новгород, Чернигов, Ростов, Белгород и др. – имели свои епархии. Кроме того, во второстепенных городах, таких как Туров, Тмутаракань и другие, большой ролью в управлении землями были наделены местные епископы.

Особое значение в этой связи имело появление во времена удельной раздробленности в православных пантеонах большого числа «благовыхных» князей. Каждое обособившееся княжество стремилось к тому, чтобы иметь святого из своего княжеского рода. Однако с прекращением раздробленности прекращается и почитание святых удельных князей, что сказалось на светской и духовной властях, влиянии последней на управленческие функции уделов.

С середины XV в. Золотая Орда, Великие княжества Московское и Литовское начали борьбу за лидерство в Восточной Европе. Внешняя политика Черниговского и Верховских княжеств в этот период представляла поиск такого сюзерена, который мог бы обеспечить их освобождение от ордынской власти. Однако этому мешали междоусобные войны между самими Верховскими княжествами, а также эгоистическая и непоследовательная политика Москвы и Литвы. В результате назрел конфликт, перешедший в войну за влияние на Верховские княжества, между Великим князем Литовским Витовтом и его зятем Великим князем Московским Василием I. Боевые дейст-

вия продолжались около двух лет – с 1406 по 1408 г. – и имели серьезные последствия.

Никоновская летопись повествует о создании коалиции ряда княжеств – Рязанского, Пронского, Новосильского, Воротынского, Одоевского, Тверского и др. против Золотой Орды. В этом факте мы видим усиление политического влияния Верховских княжеств в их противостоянии с Ордой. Одновременно происходит усиление Литовского княжества, под влияние которого попал ряд русских земель. Особо тесные отношения с Литвой сложились в середине XV в. у владельца Воротынского удела Новосильско-Одоевского княжества Льва Романовича – родоначальника князей Воротынских.

В результате обострившегося в первой половине XV в. противостояния с княжествами Руси, а также воздействия целого комплекса внутренних факторов Золотая Орда перестала существовать как единое государство. Однако в это же время начались войны между Литовским и Московским княжествами, между польско-литовским государством и Тевтонским орденом. Именно это противостояние способствовало началу политической стабилизации в московско-литовских отношениях. Так, например, в последней трети XV в. ряд Верховских княжеств вошли в состав Московского государства. Таким образом, процесс консолидации княжеской власти, протекавший в Верховских землях, их материальный, личностный и духовный потенциал сыграли позитивную роль в деле складывания централизованного государства.

Говоря о предпосылках распада княжеств Юго-Восточной Руси, прежде всего необходимо подчеркнуть, что объединение русских земель во главе с Московским княжеством в XV в. происходило в условиях дальнейшего развития на Руси боярского землевладения. Но в процессе интеграции были заинтересованы не только светские и духовные феодалы, но и другие слои общества, которые нуждались в укреплении государственной власти, в защите от внешней опасности и внутривнутриполитических конфликтов.

С 1487 по 1494 г. между Московским и Литовским княжествами начались разногласия, перешедшие в так называемую «пограничную войну». Именно в условиях этой войны появились предпосылки распада Юго-Восточных княжеств.

В результате «второй литовщины» после подписания в 1503 г. «Договора о перемирии» вся территория верхней Оки вошла в состав русского государства. Но некоторые князья Юго-Восточных земель в этот период перешли на службу Литве.

В целом, история Верховских княжеств конца XV – начала XVI в. – это история их распада. Многие удельные князья в результате военных столкновений потеряли суверенные права на свои княжения, что свидетельствует о распаде Юго-Восточной Руси и создании нового русского государства с центром в Москве.

Выводы

Анализ особенностей становления княжеской власти Юго-Восточной Руси XI–XV вв. показал, что ее эволюция претерпела за этот период времени значительные изменения. Одни княжества, такие как Черниговское, в процессе укрепления властных структур стали мощным самостоятельным государством, несмотря на периоды раздробленности и упадка, другие, например, Смоленское и Рязанское княжества, постоянно находились в состоянии боевых действий с половцами, которые сопровождались разорением городов и сел, пленением населения и т.д.

Но общим для всех княжеств Юго-Восточной Руси было стремление к свободе, к самостоятельности своих земель, к единению против нашествия всевозможных врагов. Решения этой проблемы они связывали с деятельностью Верховских княжеств, хотя у последних также была нелегкая судьба. Вся их история, особенно второй половины XIV в., была тесно связана с борьбой за власть между промосковской и пролитовской группировками. При этом практически все княжества Юго-Восточной Руси сохраняли веру, несмотря ни на что, в свою независимость, сплоченность, свободу.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Александров Д.Н. Южнорусские земли (Киевское и Черниговское княжества) во второй половине XIII – начале XIV вв. // Проблемы политической истории и историографии. – М., 1994; Греков Б.Д. Киевская Русь. – М., 1953; Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. – М., 1968; Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. – СПб., 1909; Толочко П.П. Древняя Русь. – Киев, 1987.
- (2) Зайцев А.К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. – М., 1975; Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. – СПб., 1892.
- (3) Повесть временных лет. – Л., 1966; Летопись по Ипатьевскому списку. – СПб., 1871; Зотов Р.В. О Черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в Татарское время. – СПб., 1892.
- (4) Самоквасов Д.Я. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. – М., 1908. – С. 24.
- (5) Летопись по Ипатьевскому списку. – СПб, 1871. – С. 435.

REFERENCES

- (1) Aleksandrov D.N. Problemy politicheskoi istorii i istoriografii [The southern Russian lands (Kiev and Chernigov Principality in the second half of XIII–XIV centuries)]. Moscow, 1994. Grekov B.D. *Kievskaja Rus'* [Kyivska Rus]. Moscow, 1953. Pashuto V.T. *Vneshnjaja politika Drevnej Rusi* [Foreign policy of Ancient Russia]. Moscow, 1968. Presnjakov A.Е. *Knjazhoe pravo v Drevnej Rus* [Prince right in Ancient Russia]. St-Petersburg, 1909. Tolochko P. P. *Drevnjaja Rus'* [Ancient Rus]. Kiev, 1987.
- (2) Zajcev A.K. *Drevnerusskie knjazhestva X–XIII vv.* [Ancient Russian principedom X–XIII centuries]. Moscow, 1975. Zotov R.V. *O Chernigovskih knjaz'jah po Ljubeckomu sino-*

- diku i o Chernigovskom knjazhestve v Tatarskoe vremja* [The Chernigov princes on po Ljubeckomu sinodiku and the Chernihiv Principality in Tatar time]. St-Petersburg, 1892. *Chernigov i ego okruga v IX–XIII vv.* [Chernigov and his County in IX–XIII centuries]. Kiev, 1988.
- (3) *Povest' vremennyh let* [The tale of bygone years]. Leningrad, 1966; *Letopis' po Ipat'evskomu spisku* [Chronicle of the Ipatiev list]. St-Petersburg, 1871.
- (4) Samokvasov D.Ja. *Severjanskaja zemlja i severjane po gorodishham i mogilam* [Severjanskaja earth and northerners on the settlements and graves]. Moscow, 1908, p. 24.
- (5) *Letopis' po Ipat'evskomu spisku* [Chronicle of the Ipatiev list]. St-Petersburg, 1871, p. 435.

PECULIARITIES OF PRINCELY POWER IN CHERNIGOV

N.V. Logacheva

Department of Russian History
Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklay st., 10–2, Moscow, Russia, 117198

The article examines the peculiarities of the Chernigov principality that despite the fragmentation becomes strong, independent state. The analysis made it possible to reveal that in terms of economic, political and cultural development Chernigov principality became the center of ancient kingdoms. However, despite this stability of government in the Chernigov principality remained underdeveloped, unstable system of principalities that undermines management principality began to malfunction, which adversely affects its unity, continued strife.

Analysis of the features of formation of princely power in South-Eastern XI–XV centuries showed that its evolution has undergone during this period significant historical change. Some of the principality in the consolidation of power structures became a powerful independent state, despite periods of fragmentation decline, others are constantly in a state of hostilities with the Cumans, who were accompanied by the ruin of towns and villages, the capture of the population, etc. But common to all the kingdoms of South-Eastern Russia was striving for freedom. Solutions to this problem are linked with the activities Verkhovskaya principalities, although the latter was also a hard fate. All their history, especially the second half of the XIV century. was closely associated with the struggle for power between the pro-Moscow and prolitovskoy groups. Virtually all the principality Southeast Russia kept the faith, no matter what, in its independence, unity and freedom.

Key words: South-Eastern Rus, Chernigov Principality, the Upper Principality, the princes, the Principality, princely authority, dynasty, civil strifes, quarrels, chronicle.

К 100-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

«ЛЕТУНЫ – ГЛАЗА АРМИИ»

Н.Г. Георгиева

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–1, Москва, Россия, 117198

В.А. Георгиев

Кафедра истории России XIX – начала XX в.
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ломоносовский проспект, 27–4, Москва, Россия, 119992

В статье рассмотрена история участия в Первой мировой войне военного летчика А.М. Черемухина [18 (30). 05. 1895, Москва – 19.08.1958, Паланга, Литовская ССР] – в дальнейшем советского ученого, конструктора в области самолето- и вертолетостроения, доктора технических наук (1937), профессора (1934), лауреата Ленинской премии (1957), двух Сталинских премий (1949, 1952), заслуженного деятеля науки и техники РСФСР (1947), кавалера шести орденов Российской империи, «Военного креста» Франции, трех орденов Ленина, двух орденов Трудового Красного Знамени, ордена Красной Звезды. Кратко указаны основные вехи его биографии и меры по увековечиванию его памяти.

Ключевые слова: Первая мировая война, А.М. Черемухин, Г.А. Черемухин, А.Н. Туполев, Н.Е. Жуковский, ОКБ А.Н. Туполева, ЦКБ-29 НКВД, А. Пегу (A. Régoud), «Буазен», «Фарман», самолет, авиация.

Первая мировая война уже почти век являлась объектом изучения историков. Как правило, в центре их внимания находились вопросы, связанные с ее политическими причинами, стратегическими планами воюющих сторон, крупнейшими сражениями и их результатами. Однако ход всех происшедших событий в большой степени зависел от той роли, которую сыграли в

них не только крупные политики и военачальники, но и конкретные участники: офицеры и солдаты, вынесшие на себе все тяготы военных действий. Поэтому создание персональной истории, т.е. исследование деятельности рядовых «людей во времени» (1), становится одной из важных задач современной исторической науки.

В связи с этим цель данной статьи состоит в том, чтобы, во-первых, расширить информацию исследовательского поля о Первой мировой войне и, во-вторых, воздать должное памяти тех, кто в ходе войны не жалел своих сил для защиты чести своей Родины. Эта цель реализуется путем изучения письменных и устных (семейные предания) источников об истории участия в войне одного из тех «летунов», кто, по образному выражению шефа российской авиации великого князя Александра Михайловича (2), стал «глазами армии».

В начале XX в. давняя мечта человечества – летать в небе на аппаратах тяжелее воздуха – получила реальное воплощение: началось активное строительство самолетов, на которых отечественные и зарубежные пионеры авиации демонстрировали свое мастерство. Пресса России регулярно сообщала о полетах братьев Уилбера и Орвила Райт (3), восхищалась выполнением фигур высшего пилотажа военным летчиком П.Н. Нестеровым (4), освещала полеты первых гражданских русских и французских авиаторов. Среди тех, кто посещал московский ипподром, на котором проходили выступления летчиков, был и гимназист Алексей Черемухин. По его рассказам, записанным сыном (Г.А. Черёмухиным (5)), летом [1914 г.] он наблюдал за выполнением А. Пегу (6) на самолете «Моран» фигур высшего пилотажа, в том числе и «мертвой петли» (7). Эти показательные выступления были особенно интересны российским зрителям, так как в русской военной авиации выполнение «мертвой петли» было запрещено. Видимо, именно эти впечатления повлияли на выбор дальнейшего пути молодого человека, поскольку его происхождение сулило ему развитие по гуманитарному пути.

Алексей родился в типичной для России начала XX в. интеллигентной семье среднего достатка. Его отец – Михаил Никифорович Черемухин (1852–1913) – статский советник, преподавал математику и был инспектором Императорского театрального училища Императорских Большого и Малого театров; мать – Зинаида Алексеевна Черемухина (урожденная Худзинская, 1866–1909) – преподавала в том же училище иностранные языки. Своим дочерям (Зинаиде и Наталье) (8) они дали классическое гуманитарное образование, предполагая, что и старший сын пойдет по той же линии.

Однако Алексей уже в гимназические годы обнаружил склонность к естественным наукам, особенно физике: он помогал учителю при проведении опытов и создавал приборы для физического кабинета. Закончив 31 мая (13 июня) 1914 г. с золотой медалью восьмиклассный курс в московской Пятой классической мужской гимназии, Алексей уехал в Петербург и поступил на ме-

ханический факультет Санкт-Петербургского политехнического института имени Петра Великого.

Выбор им этого учебного заведения был не случайным: ему было известно, что еще в октябре 1911 г. при институте были открыты воздухоплавательные теоретические курсы (9). На курсах читались лекции, а в лабораториях, мастерских и ангарах производились практические работы. В число теоретических предметов входили: краткие сведения по истории воздухоплавания и авиации, краткий курс метеорологии, курс авиации, в котором давались сведения по аэромеханике, конструктивные сведения об аэропланах всех систем, изучение воздушных винтов, специальный курс двигателей внутреннего сгорания и порядок их осмотра перед полетами.

Объявление Германией войны России 19 июля (1 августа) и слова Высочайшего Манифеста от 26 июля 1914 г.: «Видит Господь, что не ради воинственных замыслов или суетной мирской славы подняли Мы оружие, но, ограждая достоинство и безопасность Богом хранимой Нашей Империи, боремся за правое дело...» (10), – переменили планы зачисленного на первый курс студента: к занятиям он не приступил, так как 5 (18) сентября 1914 г. записался вольноопределяющимся (добровольцем) I-го разряда в 13-й корпусной авиационный отряд Действующей армии.

Накануне войны российский воздушный флот насчитывал 244 самолета, распределенных по шести ротам и 39 авиаотрядам. По количеству имеющихся боевых самолетов Россия превосходила все страны мира: у Великобритании имелось 56 самолетов, Франции – 138, Германии – 232 и Австро-Венгрии – 30. Однако парк самолетов в России состоял из моделей разных модификаций, часто уже сильно устаревших и невысокого качества; 2/3 из них имело иностранное происхождение (из Франции – 65% аппаратов, из Великобритании – 10%) (11). Часть самолетов строилась на семи отечественных заводах, но они использовали в основном иностранные и не самые новейшие технические разработки.

Российский военно-воздушный флот в начале войны входил в состав инженерных войск: вопросами развития военной авиации занимался специальный воздухоплавательный отдел Главного инженерного управления Генерального штаба. В соответствии с Полевым уставом русской армии 1912 г. предполагалось, что самолетами будет осуществляться исключительно разведка и фотографирование расположения войск противника. В самостоятельный род войск авиация выделилась лишь в 1915 г. (12). Тогда же расширился спектр оперативных и тактических приемов. К разведывательным задачам добавились корректировка своего артиллерийского огня, бомбардирование наземных сооружений противника и борьба с его воздушными силами. Выполнять истребительную функцию пилоты смогли лишь после 1916 г., когда на самолеты стали устанавливать на вертящейся подставке пулеметы с синхронизатором, позволяющим прицельно стрелять через вращающийся винт мотора.

К началу войны Россия имела около 300 военных летчиков, подготовленных в пяти авиашколах: Гатчинской, Севастопольской, Московской, Одесской и Киевской. Плана мобилизации гражданских пилотов в России не было в отличие от других воюющих стран. Поэтому в армию охотно приняли 16 вольноопределяющихся (13). Среди них был и 19-летний Алексей Черемухин.

«Военный» период в жизни А.М. Черемухина можно изучать на основе сведений, имеющихся в материалах (более 200) Российского государственного военно-исторического архива. В основном представлена делопроизводственная документация: записки о прохождении службы, аттестации и ходатайства о присвоении звания военного летчика, приказы и рапорты, донесения и телеграммы, полетные листы.

Информация значительной части этих исторических источников уже была использована писательницей Е.Л. Залесской в процессе совместной подготовки с Г.А. Черемухиным ряда биографических работ о А.М. Черемухине. Сын дополнил выявленный в государственном архиве корпус исторических источников материалами из семейного архива: фотографиями и хранившимися в устной форме воспоминаниями отца. В целом, полученная информация позволила восстановить хронологию событий в жизни А.М. Черемухина и придать им живую, эмоциональную окраску (14).

Рядовым Алексей Черемухин принял присягу 25 сентября (8 октября), затем 15 (28) октября стал ефрейтором, а 13 (26) марта 1915 г. – унтер-офицером. Столь быстрая карьера была результатом его высокой ответственности, инициативности и находчивости при исполнении служебных обязанностей: сначала он на мотоцикле доставлял в штаб донесения, затем был переведен в механики при самолетах. Его образованность, технические умения и интерес к авиации были замечены командиром 13-го корпусного авиационного отряда В. Пестовым (15), и через десять месяцев службы унтер-офицер Черемухин по рекомендации своего командира и распоряжением начальника Штаба Московского военного округа был направлен 17 (30) июня 1915 г. в школу авиации Императорского Московского Общества воздухоплавания.

Следует отметить, что при поступлении в школу авиации к кандидатам предъявлялись очень суровые требования. Будущий летчик должен был обладать отменным здоровьем, в том числе: «большой емкостью легких; способностью быстро ориентироваться как на земле, так и в воздухе; верным умением находить и держать равновесие, острым зрением без намека на дальтонизм; безукоризненным слухом, физической силой и, наконец, сердцем, работающим при всяких положениях с холодной, неизменной точностью астрономического хронографа» (16).

Видимо, со здоровьем у Алексея Черемухина было все в порядке, если он без каких-либо препятствий был зачислен в школу авиации, которая на-

ходила на Ходыньском поле. Здесь он должен был получать не только практические навыки управления самолетом, но и теоретические знания.

Этому способствовали организованные по инициативе Н.Е. Жуковского (17) четырехмесячные курсы по теоретическим основам воздухоплавания. Лекции слушателям читали, кроме Н.Е. Жуковского, его ученики (Г.М. Мусинянц (18) и К.А. Ушаков (19)); практические занятия проводились на базе лабораторий Императорского технического училища, одной из которых руководил А.Н. Туполев (20).

По окончании обучения в школе авиации А.М. Черемухин сдал положенный экзамен на чин прапорщика (произведен 24 марта (6 апреля) 1916 г.), а также на звание военного летчика. В ходе летной подготовки он освоил два типа самолетов («Фарман» и «Вуазен»), на которых совершил более 26 часов самостоятельных полетов.

На фронт прапорщик Черемухин прибыл 21 апреля (4 мая) 1916 г. По ходатайству В. Пестова, который хорошо помнил бывшего сослуживца, ценил его человеческие и военные качества, Черемухин был направлен в 4-й Сибирский корпусной авиаотряд X армии, действовавшей на Западном фронте и располагавшийся в районе Вилейки (на р. Вилия, Минская обл.). Отметим, что его прибытие в отряд совпало с периодом подготовки совместного наступления русской армии силами Западного и Юго-Западного фронтов.

Первый свой боевой вылет летчик А.М. Черемухин вместе с наблюдателем совершил 28 апреля (11 мая) 1916 г. на французском самолете «Вуазен» № 1122. В их задачу входило с высоты 2200 метров в течение трех часов корректировать стрельбу 2-й Гродненской тяжелой артиллерийской батареи и фотографировать расположение неприятельских войск. Результатами этого полета начальник штаба XX корпуса генерал-майор князь Кропоткин остался доволен и специально сообщил в Московскую школу авиации о высоких боевых качествах подготовленного в ней летчика.

2 (15) мая Черемухин вместе с наблюдателем Ивановым совершил свой третий полет, во время которого их самолет был обстрелян 200 бризантными (осколочными) и шрапнельными снарядами, но, несмотря на это «задача по фотографированию была выполнена почти полностью» (21).

Во время пятого полета аппарат Черемухина был обстрелян 80 снарядами, однако летчик, заметив над собой немецкий аэроплан, произвел по нему шесть очередей из пулемета, чем заставил противника вернуться к своим позициям. В восьмом полете самолет Черемухина снова подвергся обстрелу 100 артиллерийскими снарядами.

За первый месяц прапорщик Черемухин совершил 13 боевых вылетов общей продолжительностью более 25 часов. В отдельные дни летчикам 4-го авиаотряда (их было всего двое – В. Пестов и А. Черемухин) приходилось делать по два вылета, что, по свидетельству летчика А.М. Шатерникова, служившего в 25-м отряде и бывавшего в 4-м отряде, «в то время и на тех машинах было нелегко» (22).

Успешные боевые действия молодого прапорщика привели к тому, что командир 4-го авиаотряда В. Пестов 23 мая (5 июня) 1916 г. направил в штаб XX корпуса рапорт с ходатайством о награждении Черемухина «званием военного летчика, как вполне соответствующего этому званию по своему знанию авиационного дела, а также по умению летать, ориентироваться и самоотверженно выполнять возложенные на него задачи» (23).

Это предложение на следующий день поддержал начальник штаба XX корпуса генерал-майор Кропоткин. В его ходатайстве в штаб X армии отмечалось, что Черемухин «совершил ряд смелых разведок в тылу расположения противника... сделал ценные снимки передовых и тыловых укреплений против всего фронта корпуса (свыше 200 верст). Все поставленные задачи выполнялись им всегда с полной готовностью, невзирая на состояние погоды и сильный огонь противника. Во время одной из разведок прапорщик Черемухин атаковал и принудил уйти германский “Альбатрос”... По своей боевой работе прапорщик Черемухин заявил себя вполне подготовленным и отважным летчиком» (24).

Несмотря на эти и последующие ходатайства (даже великого князя Александра Михайловича) в сентябре 1916 г., прапорщик Черемухин звания военного летчика летом 1916 г. не получил, так как оно присваивалось только после совершения 50 боевых вылетов, что следовало из «Положения о звании военного летчика». Забегая вперед, отметим, что это звание было ему «Всемилоостивейшее пожаловано» лишь 17 (30) декабря 1916 г. приказом Верховного главнокомандующего Николая II. Однако сослуживцы во всех донесениях в штаб с конца мая уже называли А. Черемухина военным летчиком.

Учитывая боевые заслуги А. Черемухина («за отличия в делах против германцев», как было написано в приказе), командование наградило его боевым орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». Приказ о награждении был подписан командующим X армией генералом от инфантерии Родкевичем 19 июля (1 августа). Свою первую военную награду летчик Черемухин получил лишь 17 (30) августа. Значок этого ордена он мог прикрепить на рукоять кортика, к которому привязывалась красная лента с желтыми краями (темляк).

Дальнейшее участие А.М. Черемухина в военных действиях было частью знаменательных событий, вошедших в историю как «Брусиловский прорыв» [22 мая (4 июня) – 31 июля (13 августа)] 1916 г. В донесениях о полетах летчиков 4-го Сибирского корпусного авиаотряда упоминались районы действий войск Юго-Западного фронта (Луцк, Ковель и др.).

В ходе боев этого времени особую известность и в отряде, и в гвардейском авиационном дивизионе, и в штабе X армии получил полет трех самолетов 4-го Сибирского авиаотряда 30 июля (12 августа), получивших задание провести разведку и фотографирование. Подробности этого полета ярко отражены в донесении, подписанном В. Пестовым [текст приводится в сти-

листике оригинала]: «Летели летчики Пестов, Леймер и Черемухин со своими наблюдателями. В то время, как аппараты начали набирать высоту в направлении на Луцк, одна за другой прошли две эскадрильи в количестве 12 немецких аппаратов. Около 7 ч. 30 м. на высоте около 2000 метров, когда отряд стал поворачивать на позицию, немецкий альбатрос завязал бой с моим аппаратом, но, увидя приближение другого Вуазена (прапорщика Черемухина), который шел мне на помощь, обстреливая немецкий аппарат, быстро повернул и, пользуясь своей скоростью, ушел на запад, а отряд продолжал движение к позиции... Аппарат летчика Леймера, следовавший за аппаратом прапорщика Черемухина, был атакован аппаратом типа истребитель. Прапорщик Черемухин с наблюдателем [подпоручик Бырка] готовились начать фотографирование, но, заметив крайне тяжелое положение аппарата Леймера [разрывными пулями перебиты стойка и хвостовая ферма, пробиты маслопровод, радиатор и бензиновые баки], повернули, круто снижаясь к немецкому истребителю до 800 метров, заставили своим огнем немецкий аппарат быстро удалиться на запад» (25).

Для А.М. Черемухина это был 23 боевой вылет, о котором он доложил значительно короче: «Задание выполнено частично. Аппарат выдержал два боя с аппаратом противника» (26).

С августа 1916 г. в задачу летчиков входили не только разведка, но и бомбометание. Так, в ночь на 25 декабря самолет Черемухина участвовал в групповом полете на станцию Голобы и город Ковель. Было сброшено 40 бомб, и противнику был нанесен серьезный урон. За этот полет все его участники получили благодарность от командования.

Осенью 1916 г. прапорщик Черемухин вместе с другими летчиками был отправлен на переподготовку для овладения истребителями. После возвращения в отряд с февраля 1917 г. он числился летчиком-истребителем, летая или на «Ньюпоре-Х», или на «Ньюпоре-XXI (Бе-бе)». В случаях, когда приходилось выполнять по два–три вылета в день, он или менял «Ньюпоры», или использовал «Вуазен» или «Фарман». Эта способность летать на разных моделях самолетов свидетельствовала о высоком мастерстве и отличном знании летательной техники прапорщика А. Черемухина.

Его качества как военного летчика, человека и надежного боевого товарища отражены в аттестации, написанной на него в феврале 1917 г. В. Пестовым. Командир характеризовал А. Черемухина выдающимся летчиком и офицером, обладающим «широкой личной инициативой и находчивостью», любящим авиационное дело, отлично летающим на истребителях, показывая высшую школу фигурного полета, «добросовестно и с необыкновенным хладнокровием и неустрашимостью выполняющего самые трудные боевые задачи». В. Пестов отметил, что он «отлично стреляет из пулемета», «широко образован... имеет обширные познания по многим отраслям науки и применяет их на деле» (27).

Во время полетов весной 1917 г. самолет А. Черемухина неоднократно вступал в бой с противником, попадал под обстрел, иногда и своей артиллерии, о чем он с юмором докладывал: «Наша батарея обстреляла нас не очень удачно, несмотря на то, что самолет был на высоте 1900 м» (28).

21 апреля (4 мая) 1917 г., вылетев на самолете «Ньюпор-Х» вместе с наблюдателем поручиком Феокистовым, прапорщик Черемухин выдержал бой с тремя немецкими самолетами в районе Луцка – Садова – Зубильно, заставил их уйти к себе в тыл, и при этом полностью выполнил все разведывательные задачи.

К октябрю 1917 г. военный летчик А.М. Черемухин выполнил 140 вылетов, выполняя разведку, корректировку артиллерийского огня, сопровождение других аппаратов, истребительное прикрытие и преследование вражеских самолетов. Свои два последних полета в составе 4-го Сибирского авиационного корпусного отряда он совершил в один день 2 (15) октября 1917 г.

За мужество и отвагу, проявленные в боях, русское командование шесть раз (за 18 месяцев) награждало прапорщика А. Черемухина боевыми орденами. Кроме упомянутого выше ордена Св. Анны 4-й степени, он получил в 1916–1917 гг.: орден Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом; орден Св. Анны 2-й степени с мечами; орден Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом; орден Св. Станислава 2-й степени с мечами и бантом; орден Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Этим орденом (высшим по старшинству российских орденов из полученных А. Черемухиным) он был награжден приказом по Юго-Западному фронту 28 июля (10 августа) 1917 г.

Кроме того, 5 (18) мая 1917 г. он получил высший боевой орден Франции – «Военный крест» («Croix de guerre»), который по статусу давался «За личную отвагу, принесшую успех на поле боя» (29). Это награждение можно объяснить двумя обстоятельствами (причинами).

Во-первых, вручение этого ордена одному из русских летчиков, летавшему на французском самолете «Вуазен» и отличившемуся в боях с неприятелем, являлось свидетельством высокой оценки Францией, союзника России, вклада русских воинов в общую войну с Германией летом 1916 г.

Отметим, что именно в это время наступление русских войск на Юго-Западном фронте заставило германское командование перебросить с Западного и Итальянского фронтов более 30 пехотных и 3 кавалерийских дивизий, что облегчило положение французов под Верденом и остановило немецкое наступление на Трентино.

Во-вторых, награждение русского летчика французским боевым орденом стало частью большой агитационной кампании, развернутой на русском фронте Французской военной миссией весной 1917 г. (30). В борьбе с большевистской пропагандой, нацеленной на прекращение войны, представители ФРАМИС организовывали различные мероприятия, чтобы убедить русских офицеров и солдат в необходимости нового летнего наступления для продолжения войны.

По устным воспоминаниям А.М. Черемухина, он также был представлен к награждению Георгиевским оружием, однако в сложной общественно-политической обстановке, сложившейся в России летом 1917 г., это представление затерялось и соответствующие документы в архиве не сохранились.

В августе–октябре 1917 г. А. Черемухин продолжал совершать успешные боевые вылеты, хотя знал, что в это время решался вопрос о его новом назначении в одну из авиационных школ в качестве инструктора. Командование считало, что прапорщик Черемухин – «прекрасный боевой летчик» (как говорилось в предписании начальника полевого управления авиации и воздухоплавания при штабе Верховного Главнокомандующего), имеет «уже некоторую практику по обучению полетам» (31).

Решение о его назначении принималось в течение двух месяцев, и 20 декабря 1917 г. (2 января) 1918 г. Управление Военного Воздушного Флота назначило А.М. Черемухина инструктором Севастопольской военной авиационной школы. Здесь он проработал два месяца, и в марте 1918 г. его направили в XI отряд истребителей Московского военного округа, так как занятия в школе уже практически прекратились.

Сразу по возвращении в Москву А.М. Черемухин получил в своей бывшей гимназии копию аттестата, представил ее в Московское Высшее Техническое училище, сдал в июне–августе 1918 г. вступительные экзамены и восстановил знакомство с А.Н. Туполевым, чтобы включиться в работу по созданию нового института – будущего ЦАГИ. Однако для этого ему было необходимо освободиться от военной службы. С этой целью было подготовлено два документа, которые, по инициативе А.Н. Туполева, подписал Н.Е. Жуковский.

Один удостоверял, что А. Черемухин является студентом 3-го курса Высшего технического училища; второй – что он в течение двух лет активно участвовал в работе аэродинамической лаборатории. Информация в этих документах не была достоверной, так как два года (1916–1917) Черемухин находился на фронте. Однако для военных эти документы явились основанием для того, чтобы Особая комиссия при Военной комиссии г. Москвы по отсрочкам и откомандировкам сочла возможным принять Постановление об увольнении от службы летчика Алексея Черемухина с 22 ноября 1918 г.

С 23 ноября 1918 г. начался новый период в биографии Алексея Михайловича Черемухина. 40 последующих лет его жизни и деятельности были неразрывно связаны и с ЦАГИ, и с А.Н. Туполевым.

Поскольку подробное освещение всей его дальнейшей жизни не входит в задачу данной статьи, кратко остановимся лишь на главных хронологических вехах. В 1923 г. он окончил обучение в МВТУ, одновременно работая в ЦАГИ (до 1938). В нем он создавал новые приборы, разрабатывал новые технологии и методики расчетов, участвовал в проектировании первых самолетов (КОМТА И АК-1). В 1924–1926 гг. он разработал конструкцию и построил самую большую в мире аэродинамическую трубу (ЦАГИ Т-I – Т-II), которая до сих пор работает, практически не требуя капитального ремонта.

С 1927 г. А.М. Черемухин – руководитель геликоптерной группы, которая к июлю 1930 г. создала первый советский одновинтовой вертолет, известный под обозначением ЦАГИ-1-ЭА (экспериментальный аппарат). Он стал и первым испытателем новой машины, на которой 14 августа 1932 г. установил мировой рекорд высоты полета – 605 м, что в 33 раза и на восемь лет превышало официальный мировой рекорд (18 м), но достижение А.М. Черемухина было надолго засекречено.

В 1935 г. он возглавил кафедру в МАИ, на которой велись научно-практические исследования по вопросам прочности самолетов. С 1935 г. А.М. Черемухин вновь вернулся к строительству аэродинамических труб Нового ЦАГИ, однако в середине ноября 1937 г. был уволен из ЦАГИ (к этому времени А.Н. Туполев был уже арестован) и освобожден от работы в МАИ. В ночь на четвертое января 1938 г. он был арестован и осужден 31 мая 1940 г. по статье 58-7, по которой лишился свободы на 10 лет, с поражением в правах на пять лет. В заключении находился в созданном НКВД ЦКБ-29, в котором работал вместе с другими арестованными конструкторами самолетов (А.Н. Туполевым, В.М. Петляковым, В.М. Мясищевым, Д.Л. Томашевичем и др.), активно участвуя в разработке истребителей и бомбардировщиков.

19 июля 1941 г. был помилован, 12 апреля 1955 г. – реабилитирован. В 1953–1958 гг. – зам. Генерального конструктора в ОКБ А.Н. Туполева, «главный прочнист». Одновременно преподавал в МВТУ, МАИ, Военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского. Умер во время автомобильного путешествия близ г. Паланга.

В 1982 г. ЦК ДОСААФ за достижения в вертолетном спорте учредил переходящий приз – кубок и медаль имени А.М. Черемухина. В 1988 г. в г. Люберцы (Московская обл.), на месте бывшего аэродрома, на котором А.М. Черемухин установил свой рекорд, Ухтомский вертолетный завод имени Н.И. Камова установил стелу – вертикально стоящую 13-метровую лопасть вертолета из нержавеющей стали, опирающуюся на гранитное основание, и мемориальную доску с его именем. С 2004 г. средняя школа № 25 в г. Люберцы носит имя А.М. Черемухина; с 2009 г. там же его именем названа одна из новых улиц.

* * *

Подводя итоги, отметим, что А.М. Черемухин был одним из тех патриотически настроенных юношей, кто добровольно пополнил ряды бойцов российской армии в ходе Первой мировой войны. Находясь на фронте в 1916–1917 гг., он выполнил 140 боевых вылетов, проявив мужество, храбрость, смекалку и, главное, он осознал, что авиация и ее создание – это тот путь, по которому он должен идти в своей жизни.

Этому пониманию способствовали те его знакомые (А.Н. Туполев и др.), которыми он обзавелся на теоретических курсах в Москве в 1915 г.

В дальнейшем жизнь А.М. Черемухина была отдана советской авиапромышленности, а также разработке вертолета, который он сам испытывал и на котором в 1932 г. он установил мировой рекорд высоты полета.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. – М.: Наука, 1986. – С. 29.
- (2) Александр Михайлович Романов (1866–1936) – великий князь, генерал-адъютант, адмирал. В начале войны заведующий авиацией и воздухоплаванием Юго-Западного фронта действующей армии; с 17 (30) декабря 1916 г. по именному указу царя инспектор военного воздушного флота при Верховном командовании. Весной 1917 г. подал в отставку и уехал в свое имение в Крыму («Ай-Тодор»). В 1919 г. выехал в Париж. Оставил мемуары. О роли Александра Михайловича в развитии российской авиации см.: Пилоты Его Величества / сост. Грибанов С.В. – М., 2007.
- (3) Райт (Wright) – братья: Уилбер (1867–1912) и Орвил (1871–1948) – американские изобретатели, авиаконструкторы и летчики, построившие несколько планеров различной конструкции, на которых выполнили до 1000 полетов. В 1903 г. установили на своем планере двигатель внутреннего сгорания собственной постройки и выполнили первый в мире успешный полет продолжительностью 59 секунд. В 1904–1908 гг. модифицировали свой летательный аппарат, совершили полет по кругу продолжительностью 38 минут, а затем и первый в мире полет с пассажирами на борту.
- (4) Нестеров Петр Николаевич (1887–1914) – русский военный летчик, штабс-капитан. В 1912 г. окончил Петербургскую офицерскую воздухоплавательную школу и был прикомандирован к авиационному отделу той же школы. В 1913 г. получил звание военного летчика. Служил в авиотряде при 7-й воздухоплавательной роте в Киеве, затем стал начальником 11-го корпусного отряда 3-й авиароты. Впервые выполнил ряд фигур высшего пилотажа, в том числе 27 августа (9 сентября) 1913 г. «мертвую петлю», вошедшую в историю авиации как «Нестерова петля». В 1913–1914 гг. совершил ряд рекордных перелетов по маршрутам Киев – Одесса – Севастополь и Киев – Петербург (Гатчина). В начале Первой мировой войны выполнил семь боевых вылетов на Юго-Западном фронте. Погиб в воздушном бою 26 августа (8 сентября) 1914 г., осуществив первый в истории авиации «таран» австрийского самолета, которым управлял известный летчик барон Фридрих Розенталь и унтер-офицер Франц Малин.
- (5) Черемухин Георгий Алексеевич (1921–2009) – известный в России и за рубежом авиаконструктор, лауреат Ленинской премии (1980) и премии имени Н.Е. Жуковского (1967). Автор многих научных статей и биографических заметок о ветеранах отечественного авиапрома, а также мемуаров «Дальше. Выше. Быстрее: воспоминания о работе в авиапромышленности, о технике и ее создателях» / Под ред. Н.Г. Георгиевой. – М.: Проспект, 2011.
- (6) Пегу Адольф Селестен (Régoud Adolphe) (1889–1915) – знаменитый французский летчик, участник Первой мировой войны 1914–1918 гг., погиб в бою на Западном фронте. 26 июля (9 августа) 1913 г. первым во время полета на самолете «Блерио» испытал парашют, выбросившись за борт с высоты в 800 м. Во Франции и в России долгое время его называли «отцом мертвой петли». Однако он сам признал

- приоритет П.Н. Нестерова как первого летчика, опередившего его на несколько дней и выполнившего «мертвую петлю», в ходе своего выступления в октябре 1913 г., устроенного Н.Е. Жуковским в Москве в помещении Императорского Высшего Технического училища (ныне – Московский государственный технический университет) // См.: *Пилоты Его Величества* / сост. Грибанов С.В. Available at: www.lib.rus.ec/b/293310/read (accessed 28 November 2013).
- (7) См.: *Залесская Е.Л., Черемухин Г.А.* Инженер божьей милостью. – М.: АВИКО ПРЕСС, 1997. – С. 14.
- (8) Старшая сестра А.М. Черемухина Зинаида окончила историко-филологическое отделение Московского университета; вторая – Наталья – была искусствоведом; младший брат Михаил – композитором. – См.: там же. – С. 13.
- (9) *Пилоты Его Величества*. – С. 38. Available at: www.militera.lib.ru/memo/Russian/sb_piloty_ego_velichestva/index.html (accessed 9 January 2014).
- (10) Высочайший манифест от 26 июля 1914 г. об объявлении состояния войны с Германией, Available at: *Первая мировая война 1914–1918. Факты. Документы*: www.e-reading.biz/chapter.php/97743/Shacillo_Pervaya_mirovaya_voina_1914_1918._Fakty._Dokumenty..html (accessed 28 November 2013).
- (11) См.: *Андреев В.* Русская авиация в Первой мировой войне // *Родина*. – 1993. – № 8–9. – С. 66–71, Available at: <http://www.firstwar.info/articles/index.shtml?3> (accessed 4 January 2014).
- (12) См.: *Гурин А.* Военное искусство Российской императорской армии в Первой мировой войне 1914–1918 гг. (краткий очерк), Available at: [www.http://ruguard.ru/forum/index.php?topic=662.0;wap2](http://www.ruguard.ru/forum/index.php?topic=662.0;wap2) (accessed 4 January 2014).
- (13) См.: *Авиация Первой мировой войны*, Available at: [www.http://airwar.ru/av1ww.html](http://airwar.ru/av1ww.html) (accessed 4 January 2014).
- (14) См.: *Залесская Е.Л., Черемухин Г.А.* О тех, кто делал авиацию: Алексей Михайлович Черемухин, Available at: http://www.svavia.ru/info/lib/lib_cher2.html#top (accessed 30 November 2013); *Залесская Е.Л., Черемухин Г.А.* Выдающийся летчик и офицер. А.М. Черемухин – участник Первой мировой войны, Available at: www.svavia.ru/info/lib/lib_cher1.html#top (accessed 30 November 2013); *Залесская Е.Л., Черемухин Г.А.* Военный летчик. – Новый вариант главы, публикуется впервые, Available at: www.svavia.ru/info/lib/ibm/ibm2_1.html (accessed 7 December 2013).
- (15) Пестов Василий – военный летчик, участник Первой мировой войны 1914–1918 гг., поручик с 31 августа (13 сентября) 1913 г. Временно командовал 13-м корпусным авиационным отрядом с 1 (14) июня по 11 (24) июля 1915 г. Затем временно с 29 января (11 февраля) по 7 (20) февраля 1916 г. командовал 1-м армейским авиаотрядом. С 15 (28) февраля 1916 г. (возможно, до июля 1917 г.) – командир 4-го Сибирского корпусного авиаотряда, участвовавшего в боях на Юго-Западном фронте.
- (16) *Пилоты Его Величества*. – С. 39., Available at: www.lib.rus.ec/b/293310/read (accessed 28 November 2013).
- (17) Жуковский Николай Егорович (1847–1921) – ученый, основоположник современной гидроаэродинамики, «отец русской авиации». С 1885 г. преподавал в Императорском Высшем техническом училище и Московском университете теоретическую механику. В 1905 г. избран президентом Московского математического общества. В 1902 г. под его руководством была сооружена одна из первых в Европе

- аэродинамических труб; в 1904 г. создан первый в мире аэродинамический институт (пос. Кучино, Московская обл.). В 1918 г. стал руководителем нового Центрального аэрогидродинамического института, а в 1920 г. организатором Института инженеров Красного Воздушного Флота (с 1922 г. – Военно-воздушная инженерная академия им. Н.Е. Жуковского). Премия его имени, учрежденная в 1947 г., считается одной из самых престижных наград среди авиаконструкторов.
- (18) Мусинянц Гурген Мкртичевич (1895–1967) – профессор, доктор технических наук, ученый в области механики, конструктор измерительной аппаратуры для аэродинамических труб ЦАГИ, в котором работал с 1918 г. Заслуженный деятель науки и техники РСФСР, кавалер ордена Ленина, Отечественной войны, Красной Звезды, Трудового Красного Знамени, др. наград и премий. Друг А.М. Черемухина с 1915 г.
- (19) Ушаков Константин Андреевич (1892–1967) – доктор технических наук, профессор, ученый в области аэродинамики. С 1918 г. работал в ЦАГИ. В 1920-х гг. – один из участников создания аэродинамической лаборатории МВТУ. Преподавал в МВТУ и Военно-воздушной инженерной академии им. Н.Е. Жуковского. В 1946–1957 гг. – в Центральном институте авиационного моторостроения (ЦИАМ), внес большой вклад в развитие его лабораторной базы. Кавалер ордена Ленина, Отечественной войны, двух орденов Трудового Красного Знамени, медалей. Заслуженный деятель науки и техники РСФСР, лауреат двух Сталинских премий и премии имени Н.Е. Жуковского. Друг А.М. Черемухина с 1915 г.
- (20) Туполев Андрей Николаевич (1888–1972) – академик АН СССР, генерал-полковник, один из крупнейших конструкторов-самолетостроителей XX в. Ученик и первый помощник Н.Е. Жуковского, с осени 1918 г. один из организаторов первого научно-практического института – ЦАГИ. В 1922 г. начал заниматься конструированием самолетов, с 1936 г. Опытное конструкторское бюро (ОКБ) под его руководством отделилось от ЦАГИ и сосредоточилось на разработке и строительстве торпедных катеров и первых цельнометаллических самолетов (пассажирских и фронтовых бомбардировщиков). В 1936 г. в качестве главного инженера Главного управления авиационной промышленности Народного комиссариата тяжелой промышленности (без освобождения от руководства ОКБ) определял стратегию развития отечественной авиации. В 1937–1941 гг. был необоснованно репрессирован: находился в заключении в ЦКБ-29 НКВД, но работал над созданием Ту-2, признанном «лучшим бомбардировщиком Великой Отечественной войны». (XX век. Авиастроение России в лицах: Энциклопедический словарь. – М.: Общество авиастроителей, 2005 – С. 446. В 1941 г. помилован и назначен главным конструктором, осуществлял техническое руководство перестройкой советской авиапромышленности. Под его руководством спроектировано более 200 типов самолетов, часть которых устанавливала мировые рекорды по высоте, дальности и скорости полета (в том числе перелет В.П. Чкалова и М.М. Громова на АНТ-25 через Северный полюс). Правительственные и почетные награды: трижды Герой Социалистического Труда, Герой Труда РСФСР, лауреат Ленинской премии, пяти Сталинских и Государственных премий СССР, премии им. Н.Е. Жуковского; кавалер восьми орденов Ленина, орденов Октябрьской революции, Суворова II степени, Отечественной войны, Красной Звезды, награжден орденом «Знак Почета», медалями и

иностранными орденами. Почетный член Королевского авиационного общества Великобритании и Американского института аэронавтики и астронавтики, а также награжден золотой медалью Общества основоположников авиации Франции и премией им. Леонардо да Винчи.

- (21) *Залеская Е.Л., Черемухин Г.А.* Инженер божьей милостью. – С. 21.
- (22) Там же. – С. 22.
- (23) Там же. – С. 22, 24.
- (24) Там же. – С. 24.
- (25) *Залеская Е.Л., Черемухин Г.А.* Военный летчик. – Новый вариант главы, публикуется впервые, Available at: www.svavia.ru/info/lib/ibm/ibm2_2.html (accessed 07 December 2013).
- (26) *Залеская Е.Л., Черемухин Г.А.* Инженер божьей милостью. – С. 28.
- (27) *Залеская Е.Л., Черемухин Г.А.* Военный летчик. – Новый вариант главы, публикуется впервые, Available at: www.svavia.ru/info/lib/ibm/ibm2_2.html (accessed 07 December 2013).
- (28) *Залеская Е.Л., Черемухин Г.А.* Инженер божьей милостью. – С. 30.
- (29) Там же. – С. 32; *Залеская Е.Л., Черемухин Г.А.* Военный летчик. – Новый вариант главы, публикуется впервые, Available at: www.svavia.ru/info/lib/ibm/ibm2_3.html (accessed 17 December 2013).
- (30) Французская военная миссия (ФРАМИС) в России была создана в начале Первой мировой войны для координации действий союзников. Представители Франции (250 офицеров и 500 рядовых) находились при Ставке Верховного Главнокомандующего. (Подробнее о деятельности ФРАМИС – см.: *Данилова О.С., Краева Т.В.* Французская военная миссия в России (1916–1919) и воспоминания ее сотрудников о пребывании на Урале // Вестник Уральского отделения РАН. – 2011 – № 1 (35). – С. 87–102, Available at: <http://www.iie-uran.ru/doc/35/87-102.pdf> (accessed 4 January 2014).
- (31) Там же. – С. 31; *Залеская Е.Л., Черемухин Г.А.* Военный летчик. – Новый вариант главы, публикуется впервые, Available at: www.svavia.ru/info/lib/ibm/ibm2_3.html (accessed 17 December 2013).

REFERENCES

- (1) Bloch M. *Apologiya istorii ili Remeslo istorika* [Apologie pour l'histoire ou métier d'historien]. Moscow, 1986, p. 29.
- (2) *Piloti Ego Velichestva* [Pilots of Your Majesty]. Moscow, 2007, 382 p. Publ. by Gribanov S.V., Available at: www.militera.lib.ru/memo/Russian/sb_piloty_ego_velichestva/index.html (accessed 9 January 2014).
- (3) Cheremukhin G.A. *Dalshe. Vishe. Bistree: vospominaniya o rabote v aviapromishlennosti, o tehnikе i ee sozdatelyah* [Further. Higher. Faster: memoires about the work in the aircraft industry, about technique and its creations]. Moscow, 2011. Publ. by N.G. Georgieva.
- (4) *Piloti Ego Velichestva* [Pilots of Your Majesty].
- (5) *Zalenskaya E.L., Cheremukhin G.A. Ingener bozhiyei milost'ju* [Ingenier by the God's grace]. Moscow: AVIKO PRESS, 1997, p. 14.
- (6) *Ibid.*, p. 13.

- (7) *Piloti Ego Velichestva* [Pilots of Your Majesty], p. 38.
- (8) *Visochaishiyi manifest ot 26 iyulya 1914 g. ob Obobyavlenii voini s Germanieyi* [Highest manifest from July 26, 1914 declaring a State of War with Germany], Available at: www.e-reading.biz/chapter.php/97743/Shacillo_Pervaya_mirovaya_voina_1914_1918._Fakty._Dokumenty..html (accessed 28 November 2013).
- (9) *Russkaya aviatsiya v Pervoi mirovoi voine* [Russian Aviation in World War I], Available at: <http://www.firstwar.info/articles/index.shtml?3> (accessed 4 January 2014).
- (10) Girin A. *Voennoe iskusstvo Rossiiskoy imperatorskoy armiyi v Pervoy mirovyy voyine 1914–1918 gg.* [Military art of the Russian Imperial Army in World War I], Available at: [www.http://ruguard.ru/forum/index.php?topic=662.0;wap2](http://www.ruguard.ru/forum/index.php?topic=662.0;wap2) (accessed 4 January 2014).
- (11) *Aviatsiya Pervoy mirovoy voyny* [Aviation in World War I], Available at: [www.http://airwar.ru/av1ww.html](http://www.airwar.ru/av1ww.html) (accessed 4 January 2014).
- (12) Zalesskaya E.L., Cheremukhin G.A. *O tekhn, kto delal aviatsiyu: Aleksei Mihailovich Cheremukhin* [Of those who did the aviation: Alexei Mihayilovich Cheremukhin], Available at: http://www.svavia.ru/info/lib/lib_cher2.html#top (accessed 30 November 2013); Idem., *Vidayutshiycya letchik i ofitser. A.M. Cheremukhin – uchastnik Pervoy mirovoy voyni* [An outstanding pilot and officer. A.M. Cheremukhin – participator World War I], Available at: www.svavia.ru/info/lib/lib_cher1.html#top (accessed 30 November 2013); Idem., *Voenniy letchik. Noviy variant glavi* [Warlike pilot. New variant of the chapter], Available at: www.svavia.ru/info/lib/ibm/ibm2_1.html (accessed 7 December 2013).
- (13) *Piloti Ego Velichestva / Sost. Griбанov* [Pilots of Your Majesty].
- (14) *XX vek. Aviaostroenie Rossii v litsax: Entsiklopedicheskiy slovar* [XX century. Russian Aircraft industry in the persons]. Moscow, 2005, p. 449.
- (15) Zalesskaya E.L., Cheremukhin G.A. *Ingenier bozhieyi milost'ju* [Ingenier by the God's grace], p. 21.
- (16) Ibid., p. 22.
- (17) Ibid., p. 22, 24.
- (18) Ibid., p. 24.
- (19) Zalesskaya E.L., Cheremukhin G.A. *Voenniy letchik. Noviy variant glavi* [Warlike pilot. New variant of the chapter], Available at: www.svavia.ru/info/lib/ibm/ibm2_2.html (accessed 07 December 2013).
- (20) Zalesskaya E.L., Cheremukhin G.A. *Ingenier bozhieyi milost'ju* [Ingenier by the God's grace], p. 28.
- (21) Zalesskaya E.L., Cheremukhin G.A. *Voenniy letchik. Noviy variant glavi* [Warlike pilot. New variant of the chapter], Available at: www.svavia.ru/info/lib/ibm/ibm2_2.html (accessed 07 December 2013).
- (22) Zalesskaya E.L., Cheremukhin G.A. *Ingenier bozhieyi milost'ju* [Ingenier by the God's grace], p. 30.
- (23) Ibid., p. 32; Zalesskaya E.L., Cheremukhin G.A. *Voenniy letchik. Noviy variant glavi* [Warlike pilot. New variant of the chapter].
- (24) Danilova O.S., Kraeva T.V. *Vestnik Ural'skogo otdeleniya RAN – News of ural's section RAN*, 2011, issue 1(35), pp. 87–102, Available at: <http://www.iie-uran.ru/doc/35/87-102.pdf> (accessed 4 January 2014).
- (25) Zalesskaya E.L., Cheremukhin G.A. *Voenniy letchik. Noviy variant glavi* [Warlike pilot. New variant of the chapter].

«FLYING MEN – THE EYES OF THE ARMY»

N.G. Georgieva

Department of Russian History
Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya Str., 10–2, Moscow, Russia, 117198

V.A. Georgiev

Department of Russian History
of the 19th century and beginning of the 20th century
Lomonosov Moscow State University
Lomonosovsky Prospekt, 27–4, Moscow, Russia, 119992

The purpose of this article is to give some information about the First World War and pay tribute to the memory of those who defended the honour of their country. The authors consider the written and oral (family stories) sources devoted to one of those “flying men”, who were “the eyes of the army”.

So the article deals with the history of participation of military aviator A.M. Chermukhin [18 (30).05.1895, Moscow – 19.08.1958, Palanga, Lithuanian SSR, Soviet Union] in the First World War. He later became a Soviet scientist, designer of aircraft and helicopter, Doctor of Engineering (1937), Professor (1934), Lenin prizewinner (1957), twice Stalin prizewinner (1949, 1952), honored worker of science and technology of the Russian Federation (1947). He was awarded six orders of the Russian Empire (1916, 1917), «Croix de Guerre» of France (1917) and six Soviet orders (three orders of Lenin, two orders of the Red Banner of Labour and the order of the Red Star). The authors briefly describe the major milestones of his biography and measures to perpetuate his memory.

Key words: The First World War 1914–1918 gg., A.M. Chermukhin, G.A. Chermukhin, A.N. Tupolev, N.E. Zhukovsky, A.N. Tupolev's DESIGN-EXPERIMENTAL BUREAU, TSKB-29 NKVD (Central Design Bureau-29), A. Pégoud, “Voisin”, “Farman”, an aircraft, aviation.

А.А. БРУСИЛОВ – ПОЛНЫЙ ГЕНЕРАЛ РУССКОЙ АРМИИ И ПОСЛЕДНИЙ ПОЛКОВОДЕЦ ЦАРСКОЙ РОССИИ

С.С. Синютин

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–1, Москва, Россия, 117198

В статье анализируется биография полного генерала русской армии, героя Первой мировой войны А.А. Брусилова, с чьим именем связан термин «Брусиловский прорыв». Автор оценивает уровень теоретической подготовленности А.А. Брусилова, получившего полное военное образование в царской России, выявляет наличие ряда перекликающихся моментов в биографиях А.А. Брусилова и А.В. Суворова, акцентирует внимание на схожем происхождении двух российских героев, чьи семьи принадлежали к военным династиям царской России. Автор делает вывод о важности преемственности поколений в вопросе формирования эффективно действующей армии, которая существовала в имперский период. Также эта традиция не была прервана при рождении нового советского государства.

Ключевые слова: Первая мировая война, Россия, военные династии, полководец, полный генерал, Брусиловский прорыв, революция, верховный главнокомандующий, военный инспектор, Рабоче-Крестьянская Красная армия, военное искусство.

В июне 2014 г. исполняется 100 лет со дня начала Первой мировой войны. Россия внесла решающий вклад в поражение виновников этого мирового вооруженного конфликта. Если компания 1914–1915 гг. не принесла успеха ни одной из воюющих сторон, то в 1916 г. благодаря Брусиловскому прорыву (4 июня – 13 августа 1916 г. – наступление войск Юго-Западного фронта) удалось коренным образом изменить дальнейший ее ход, а само наступление под командованием генерала А.А. Брусилова, безусловно, следует отнести к числу самых ярких военных операций того времени.

В советский период история Первой мировой не являлась популярной темой исследования. Забвению были преданы также и герои этого периода. В настоящее время историческая справедливость начинает постепенно восстанавливаться. Введение в научный оборот новых документов и материалов по теме «Военные династии» в Российском государстве (1) позволило сформировать устойчивое мнение о том, что среди великих русских полководцев – А.Я. Невского, Д.И. Донского, А.В. Суворова, Ф.Ф. Ушакова, М.И. Кутузова, Г.К. Жукова – свое достойное место должен занять герой Первой мировой войны – А.А. Брусилов.

Хотя А.А. Брусилова исследователи воспринимают как фигуру неоднозначную, тем не менее сама жизнь показывает, что изучение роли таких личностей, их поступков востребованы сегодня и вызывают особый общественный интерес. Это, безусловно, знаковая фигура в нашей истории, оказавшая заметное влияние не только на развитие военного искусства. Заметный интерес представляет эволюция убеждений генерала Брусилова, его личный выбор на фоне революционных событий 1917 г., о котором позднее он написал: «...Считаю долгом каждого гражданина не бросать своего народа и жить с ним, чего бы это не стоило» (2).

При изучении биографии А.А. Брусилова стало очевидным, что его жизнь, судьба и военная карьера во многом перекликаются с биографией А.В. Суворова (3). Так, если дворянский род Суворовых начинается с Казанского похода Иоанна Грозного в 1544 г., в котором проходил службу прадед Александра Васильевича – Михаил Суворов, то и военная династия Брусиловых также принадлежит к старинному русскому дворянскому роду, многие представители которого были длительное время связаны с военной службой. Известно, что его прадед, Иван Иевлевич Брусилов, являлся вахмистром и полковым аудитором в армии Петра I. Впоследствии он имел чин поручика, капитана и секунд-майора. Дед Брусилова – Николай Иванович окончил сухопутный шляхетский корпус, служил в войсках и в 1778 г. вышел в отставку секунд-майором. А его отец Алексей Николаевич почти всю жизнь посвятил военной службе, которую начал сотником, имея 18 лет от роду. Майором, а затем подполковником он участвовал в Отечественной войне 1812 года и в заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. Был отмечен несколькими боевыми наградами. С 1839 г. А.Н. Брусилов в звании полковника служил на Кавказе. В 1845 г. он был произведен в генерал-майоры; в 1856 г. получил чин генерал-лейтенанта.

Три его сына, рано лишившиеся родителей, воспитывались теткой по линии матери. Генриетта Антоновна Гагеймейстер жила в Кутаисе (ныне Кутаиси), где ее муж, Карл Максимович, служил военным инженером. Супруги не имели собственных детей, поэтому очень любили племянников и не жалели средств на то, чтобы дать им хорошее образование (4).

Братья Алексей и Борис окончили Пажеский корпус: Алексей – с чином прапорщика, а Борис, не завершив последний курс, начал служить в армии унтер-офицером. Третий брат Лев стал моряком, служил на Черном море, в Тихом океане, на Балтике, принимал участие в русско-японской войне, командовал крейсером «Громобой». Л. Брусилов был одним из организаторов Российского морского Генерального штаба и первым его начальником. В отставку он вышел в чине вице-адмирала.

А.А. Брусилов, как и Суворов, прошел все ступени военной карьеры: от воспитанника Пажеского корпуса и армейского поручика до «полного генерала». Не имея в юности достойных средств и выгодных связей для того, чтобы задержаться в столице и поступить в гвардию, он самостоятельно и

честно прошел свой воинский путь, став выдающимся русским полководцем. А так называемый «Брусиловский прорыв» признан вершиной военного искусства и одновременно последним крупным победоносным сражением в истории царской России.

Единственный сын Брусилова Алексей (как и у Суворова сын Аркадий, трагически погибший в звании генерал-лейтенанта накануне Отечественной войны 1812 года), стал достойным продолжателем династии (5). Как свидетельствует служебная характеристика, он был корнетом, ротмистром, командиром лейб-гвардии конно-гренадерского полка, участником Первой мировой войны, кавалером многих орденов с мечами и бантами. После революции он, как и его отец, сделал сознательный выбор и в 1919 г. вступил в Красную Армию, стал командиром кавалерийского полка, в ожесточенном бою был захвачен в плен и расстрелян денкинцами. Это была и своего рода жестокая месть отцу. Известно, что белогвардейцы в конце Гражданской войны составили список царских генералов, «продавшихся Третьему Интернационалу». Полный генерал А.А. Брусилов в этом списке был первым.

А.А. Брусилов вырос на военной науке и полководческом искусстве А.В. Суворова. Он постоянно учился воевать и извлекать уроки из побед и поражений, стремился соответствовать духу нового времени. Так, им были детально изучены и проанализированы неудачи русских войск в русско-японской войне. Одной из главных причин поражения, по его мнению, являлся низкий уровень военного образования офицерского состава. «Нынешняя война воочию показала нам, – писал он тогда, – что мы, как и всегда, умеем доблестно умирать, но, к сожалению, не всегда принося своею смертью ощутимую пользу делу, так как сплошь и рядом не хватало знаний и умений, применить на практике и те знания, которые были» (6).

В апреле 1906 г. А.А. Брусилов был назначен начальником второй гвардейской кавалерийской дивизии, которая затем стала лучшим соединением, а в декабре того же года получил очередное звание генерал-лейтенанта. Через два года он утверждается на должность командира 14-го армейского корпуса, который входил в состав войск Варшавского военного округа. Здесь он считал главным повышение боеспособности частей соединения, поскольку видел, что международная обстановка обострялась и становилась крайне опасной. Впоследствии Брусилов был назначен помощником командующего войсками Варшавского, а затем Киевского военных округов. По его личной просьбе он был вновь назначен командиром армейского корпуса.

Таким образом, до Первой мировой войны А.А. Брусилов прошел путь от прапорщика до генерал-лейтенанта, от младшего офицера кавалерийского эскадрона до командира армейского корпуса. Столь высокого положения он добился главным образом благодаря своему трудолюбию, незаурядным природным способностям, неустанному совершенствованию теоретических знаний. Он был способен решать задачи большего масштаба, которые и открыла для него Первая мировая война.

Если для 58-летнего Суворова первой крупной самостоятельной битвой стало знаменитое Фокшанское сражение, то для Брусилова на 61-м году жизни такие события развернулись на Юго-Западном фронте, где он был командующим восьмой армией.

2 августа 1914 г. войска Брусилова перешли в наступление. В течение трех дней на р. Гнилая Липа шли ожесточенные бои. Австрийское командование стремилось упорной обороной и одновременным ударом со стороны Галича во фланг нанести поражение наступающим русским войскам. Однако реализовать свои планы им не удалось. Армия Брусилова разгромила 12-й корпус австрийцев и создала угрозу охвата всей неприятельской группировки. 18 августа Брусилов доносил в штаб Юго-Западного фронта: «Противник, пытавшийся удержать нас с фронта и атаковать во фланг со стороны Галича, отброшен с большими для него потерями...» (7).

С этого времени, собственно, и начинается его путь как выдающегося полководца. Официальным признанием заслуг командующего армией стало награждение генерала Брусилова наиболее почитаемыми боевыми орденами – Святого Георгия 4-й и 3-й степеней. Анализ боевых действий в первые годы войны на этом направлении показывает, что 8-я армия играла в них важную роль. Ее части и соединения внесли наибольший вклад в общее дело борьбы против австро-венгерских войск (8).

Полководческий талант А.А. Брусилова особо проявился, как отмечалось ранее, в 1916 г., после назначения его главнокомандующим Юго-Западным фронтом. Весной 1916 г. на основе решений стран Антанты, принятых в декабре 1915 г. на конференции в Шантийи (Франция), русская ставка приступила к разработке наступательного плана операции на восточно-европейском театре боевых действий, где со стороны России действовали три фронта: Северный, Западный и Юго-Западный (9).

5 апреля 1916 г. свое решение на проведение фронтовой наступательной операции Брусилов письменно изложил в приказах, которые немедленно были доведены до командующих армиями. Началась интенсивная подготовка войск. На рассвете 22 мая 1916 г. мощная артиллерийская канонада возвестила о начале наступления Юго-Западного фронта. Огонь русской артиллерии был исключительно эффективным. Прорыв осуществлялся всеми армиями на узких участках с последующим его развитием в стороны флангов и в глубину. На направлении главного удара 7-й армии ее второй корпус, совместно с Туркестанской дивизией, в первый же день занял вторую и третью линии окопов противника, а 25 мая на плечах неприятеля ворвался в Язвонец. С утра 26 мая в прорыв был введен армейский резерв – второй кавалерийский корпус. Австрийские войска, понеся большие потери, в беспорядке отступили за р. Стрыпу.

Таким образом, войска Юго-Западного фронта добились крупного успеха. Однако из-за запоздалого ввода стратегических резервов и других факторов наступление не получило своего дальнейшего развития.

В целом, летняя наступательная операция 1916 г. имела большое военно-стратегическое значение. Она привела к крупному поражению австро-венгерских войск в Галиции и Буковине. Противник потерял убитыми, ранеными и пленными до 1,5 млн человек, 581 орудие, 1795 пулеметов, 448 бомбометов и минометов (10).

Оценивая итоги операции, А.А. Брусилов писал: «По сравнению с надеждами, возлагавшимися на фронт весной 1916 года, его наступление превзошло все ожидания. Он выполнил данную ему задачу – спасти Италию от разгрома и выхода ее из войны, а кроме того, облегчил положение французов и англичан на их фронте, заставил Румынию встать на нашу сторону и расстроил замысел и планы австро-германцев на этот год» (11).

Несмотря на свою незавершенность, наступательная операция Юго-Западного фронта 1916 г. стала крупнейшим достижением военного искусства. Она открыла новую форму прорыва укрепленного фронта, которая до этого времени была одной из лучших. За проведенную операцию А.А. Брусилов был награжден георгиевским оружием, украшенным бриллиантами. В этом также угадывается «суворовское правило» – воевать не числом, а умением (12). Учителя и ученика объединяла единая логика мысли и действий. Неслучайно, что в книгу «100 знаменитых сражений» вошли три блистательные битвы А.В. Суворова (Рымник, 1789 г.; Измаил, 1790 г.; Нови, 1799 г.) и наступательная операция А.А. Брусилова (Брусиловский прорыв 1916 г.) (13).

В период февральско-мартовских событий 1917 г. приказом Временного правительства по армии и флоту А.А. Брусилов был назначен Верховным главнокомандующим, позднее направлен в его распоряжение.

После установления в России советской власти в связи с созданием регулярной Красной Армии возникла потребность привлечения в вооруженные силы нового государства опытных специалистов старой русской армии, которые хорошо знали военную науку и могли принести практическую пользу. В ответ на призыв советского правительства многие бывшие генералы, офицеры, унтер-офицеры и другие специалисты добровольно вступили в ряды Красной Армии. Из этой среды впоследствии вышли такие крупные военачальники, как А.И. Егоров, Д.М. Карбышев, М.Н. Тухачевский, Б.М. Шапошников и др.

Свой выбор в пользу служения новой России сделал и генерал А.А. Брусилов. Все его поступки проистекали из его же пророческой фразы: «...Русские люди будущего сбросят с себя вредное сумасбродство, хотя бы и руководимое любовью к России» (14). Брусилов не пошел вслед за своими коллегами, генералами царской армии, в лагерь контрреволюции.

В годы Гражданской войны он не участвовал в боях (он был ранен шальной пулей). Но весной 1920 г., после долгих и мучительных раздумий, А.А. Брусилов выразил желание поступить на военную службу. 18 апреля 1920 г. на имя председателя Военно-исторической комиссии он направил

заявление, где говорилось: «Прошу зачислить меня в число сотрудников по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг.» (15). Редакционной коллегией прошение генерал было удовлетворено.

С этого момента фактически продолжилась его служба, но уже в новой армии. 2 мая 1920 г. создается высокоавторитетное по своему составу Особое совещание по вопросу увеличения сил и средств для борьбы с наступлением польских войск. Его председателем назначен А.А. Брусилов, а членами – ряд видных генералов русской армии (А.А. Поливанов, В.Н. Клембовский, П.С. Валуев и др.). На этом посту Брусилов внес свой личный вклад укрепление Красной Армии.

8 ноября 1921 г. он назначается председателем комиссии по организации кавалерийской допризывной подготовки, а с июня 1922 г. – военным инспектором коннозаводства и конезаводства. 1 февраля 1923 г. было сформировано управление инспектора кавалерии РККА. Во главе управления находился инспектор, непосредственно подчинявшийся главкому. Приказом Реввоенсовета с 1 февраля 1923 г. на эту должность был назначен А.А. Брусилов. Но в связи с возрастом и по состоянию здоровья 5 сентября 1923 г. он подал рапорт с просьбой об отставке. Учитывая огромный опыт и знания Брусилова, Реввоенсовет не считал возможным сразу удовлетворить его ходатайство. 15 марта 1924 г. Брусилов был назначен на должность по особо важным поручениям при Реввоенсовете СССР, на которой и оставался до конца своей жизни (16). А.А. Брусилов скончался 17 марта 1926 г.

Полный генерал Алексей Алексеевич Брусилов за все время своей военной службы демонстрировал высокий профессионализм военного мастерства. Анализ его биографии показал, что во многом определяющим в военном искусстве является опора на опыт предыдущих поколений. Теоретические знания А.А. Брусилова основывались на изучении материала по военной деятельности А.В. Суворова. В царской России он получил полное военное образование, которое также, как известно, имело своей основой изучение военного опыта страны. Появление в начале XX в. целой плеяды талантливых военачальников, среди которых заметное место занимал А.А. Брусилов, было в этом смысле закономерностью развития военного искусства дореволюционной России. Поступление А.А. Брусилова наряду с другими военачальниками на службу в РККА обеспечило советскому государству необходимую преемственность поколений. Это, в свою очередь, обусловило положительную тенденцию в дальнейшем развитии военной науки и вооруженных сил советского государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Шамбаров В.Е.* За веру, царя и Отечество. – М., 2003; *Карнацевич В.Л.* 100 знаменитых сражений. – Харьков, 2004; *Синютин С.С.* Военные династии. – М., 2009 и др.

- (2) *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. – М., 1963. – С. 285.
- (3) *Замостьянов А.А.* Александр Суворов. Бог войны. – М., 2008. – С. 28–33.
- (4) *Брусилов А.А.* Мои воспоминания... – С. 17–18.
- (5) *Шишов А.В.* Генералиссимус Суворов. – М., 2003. – С. 114–115.
- (6) *Семанов С.Н.* Брусилов. – М., 1980. – С. 20.
- (7) *Ростунов И.И.* Русский фронт Первой мировой войны. – М., 1976. – С. 74.
- (8) *Зайончковский А.М.* Мировая война. 1914–1918 гг. – Изд. 3-е. – Т. 2. – М., 1938.
- (9) Советская военная энциклопедия: В 8 т. / Ред. комис. А.А. Гречко (пред.) и др. – М., 1976. – Т. 1. – С. 605–606.
- (10) Военный энциклопедический словарь. – М., 1983. – С. 838.
- (11) *Брусилов А.А.* Мои воспоминания... – С. 248.
- (12) *Головин Н.Н.* Суворов и его «Наука побеждать». – Париж, 1931. – С. 100.
- (13) *Карнацевич В.Л.* 100 знаменитых сражений... – С. 279–288, 298–301, 412–419.
- (14) *Брусилов А.А.* Мои воспоминания... – С. 284.
- (15) *Семанов С.Н.* Брусилов... – С. 176.
- (16) *Базанов С.Н.* Алексей Алексеевич Брусилов. – М., 2006. – С. 46.

REFERENCES

- (1) Shambarov V.E. *Za veru, carja i Otechestvo* [For Faith, Tsar and Fatherland]. Moscow, 2003; Karnacevich V.L. *100 znamenityh srazhenij* [100 famous battles]. Har'kov, 2004; Sinjutin S.S. *Voennye dinastii* [Military dynasty]. Moscow: RUDN, 2009, pp. 65–75, 193–200.
- (2) Brusilov A.A. *Moi vospominaniya* [My memories]. Moscow, 1963, p. 285.
- (3) Zamost'janov A.A. *Aleksandr Suvorov. Bog vojny* [Alexander Suworov. God of War]. Moscow, 2008, pp. 28–33.
- (4) Brusilov A.A. *Moi vospominaniya* [My memories], pp. 17–18.
- (5) Shishov A.V. *Generalissimus Suworov* [Generalissimo Suworov]. Moscow, 2003. pp. 114–115.
- (6) Semanov S.N. *Brusilov* [Brusilov]. Moscow, 1980, p. 20.
- (7) Rostunov I.I. *Russkij front Pervoj mirovoj vojny* [Russian Front of the First World War]. Moscow, 1976, p. 74.
- (8) Zajonchkovskij A.M. *Mirovaja vojna 1914-1918gg.* [World War II in 1914 till 1918]. Moscow, 1938, Ed. Third, vol. 2, 285 p.
- (9) *Sovetskaja voennaja jenciklopedija* [Soviet Military Encyclopedia]. Moscow, 1976, vol. 1, pp. 605–606. Ed. by A.A. Grechko.
- (10) *Voennyj jenciklopedicheskij slovar'* [Military Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 1983, p. 838.
- (11) Brusilov A.A. *Moi vospominaniya* [My memories], p. 248.
- (12) Golovin N.N. *Suvorov i ego "Nauka pobezhdat"* [Suworov and his "Science of Victory"]. Parizh, 1931, p. 100.
- (13) Karnacevich V.L. *100 znamenityh srazhenij* [100 famous battles], pp. 279–288, 298–301, 412–419.
- (14) Brusilov A.A. *Moi vospominaniya* [My memories]. p. 284.
- (15) Semanov S.N. *Brusilov* [Brusilov], p. 176.
- (16) Bazanov S.N. *Aleksej Alekseevich Brusilov* [Alexei Alexeevich Brusilov]. Moscow, 2006, p. 46.

**A.A. BRUSILOV – FULL GENERAL OF RUSSIAN ARMY
AND LAST COMMANDER OF RUSSIAN TSAR**

S.S. Sinyutin

Department of Russian History
Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya Str., 10–1, Moscow, Russia, 117198

The article analyzes the biography of Russian full general A.A. Brusilov – the hero of World War I, whose name is associated with the term “Brusilov Offensive”. The author examines his views on the new situation which developed in Russia during the two revolutions of 1917, and then in the Soviet period. The author highly appreciates the theoretical preparation level of A.A. Brusilov, who got full military education in tsarist Russia; reveals the presence of numerous analogous episodes in the biographies of A.A. Brusilov and A.V. Suvorov. He focuses on the similar origin of two Russian heroes, whose families belonged to the military dynasties of imperial Russia. The author concludes that the continuity of generations is very important in the issue of effective army's functioning. This tradition was preserved in the new Soviet state.

Key words: First World War, Russia, military dynasties, commander, a full general, “Brusilov Offensive”, Commander-in-chief, Military Inspector, Workers' and Peasants' Red Army, art of war.

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

О.П. Козьменко

Кафедра музыкального исполнительства
Московский государственный
гуманитарный университет им. М.А. Шолохова
ул. Верхняя Радищевская, 16, Россия, Москва, 109240

В статье освещаются основные направления передовой русской культуры в конце XIX – начале XX в. Это время, как справедливо отмечает автор, вошло в историю России как золотой век русской культуры. Кроме этого, в статье анализируются особенности общественно-культурной жизни России первых десятилетий XX в., которое и определило содержание культуры последующие 20 лет.

Ключевые слова: искусство, культура, живопись, архитектура, литература, музыка, стиль, жанр, балет, творчество, традиции.

Как известно, XIX в. вошел в российскую историю наравне с другими знаменательными событиями как «золотой век» русской культуры, что дало возможность России не только достичь высоких результатов в этой области по сравнению с передовыми европейскими государствами, но в некоторых направлениях и значительно опередить их. Уникальность этого явления состоит, по нашему мнению, в том, что оно происходило на фоне политического и социально-экономического отставания российского общества в этот исторический период. В то же время необходимо подчеркнуть, что в условиях модернизации российское государство остро нуждалось в образованных специалистах, подготовка которых проходила в городах, которые также ста-

ли формироваться как основные культурные центры. В свою очередь, этот процесс позитивно сказался на развитии основных направлений русской культуры, в частности литературы, театра, музыки, изобразительного искусства и т.д.

Стремительный рост русского самосознания после победы в Отечественной войне 1812 года также сказался на становлении «золотого века» русской культуры, движении декабристов, мощном подъеме общественной и философской мысли, появлении уникальных художественных произведений, связанных с началом новой эпохи в русской культуре. Все это и многое другое изменило к концу XIX в. представление о том, что победивший в Отечественной войне 1812 года русский народ по-прежнему оставался в «рабстве и невежестве», что хорошо видно, например, из творчества великого русского поэта А.С. Пушкина.

Этот период способствовал активному развитию двух течений общественной и философской мысли о будущем России – западничеству и славянофильству, которые глубоко расходились во взглядах на важные аспекты культуры. Как известно, западники отстаивали европейские образование, науку, просвещение и т.д., определяющие общественную жизнь. Славянофилы, в свою очередь, признавали самобытный путь развития России, делали ставку на ее религиозно-историческое и культурно-национальное своеобразие. В передовой дворянско-русской культуре красной нитью проходила мысль против сословного неравенства, крепостничества, беспредельного произвола властных структур, засилья чиновничьей бюрократии.

Одновременно в первой половине XIX в. в русской культуре наблюдается начавшийся рост ее демократизации. В содержании произведений культуры начинает все больше звучать тема «простого» народа, положения и судеб «бедных людей». Эта тема получает свое развитие уже в пореформенную эпоху, связанную с отменой крепостного права в феврале 1861 г. и последующими реформами Александра II: земской, городской, судебной, военной и др.

В этой связи необходимо отметить, что в рассматриваемый период развитие русской культуры происходило с учетом лучших традиций, накопленных в Российской империи в области литературы, науки, искусства, образования и др. И тем самым в истории русской культуры весь XIX в. характерен своей «цельностью» (1), хотя появились свои особенности. В частности, отмена крепостного права, рыночные отношения, развитие промышленности и т.д. создавали новые условия для развития культуры, прежде всего в области образования. Последнее оказало большое влияние на рост сельских и городских школ, средних технических и высших учебных заведений. Их выпускники увеличивали ряды интеллигенции, что, в свою очередь, сказалось на росте издательств, тиражах газет и журналов, развитии театрального, музыкального и других видов искусств.

По аналогии с XIX в. начало XX в. называют «серебряным веком» русской культуры – главным образом в сфере литературы и искусства. Великие

социальные и военные потрясения, которые произошли в этот сравнительно краткий по времени период российской истории, оказали серьезное воздействие на культуру страны. В этот период Россия прочно вошла в систему мировых держав, тесно связанных между собой экономическими, политическими и культурными узами. Усилилась интеграция русской культуры в общемировую. С одной стороны, в России находили широкое применение новинки научно-технического прогресса передовых стран – телефон, кинематограф, граммофон, автомобиль, летательные аппараты, достижения точных наук; широкое распространение в литературе и искусстве получили различные направления – импрессионизм в живописи, модерн в архитектуре, символизм, футуризм, акмеизм и т.д. С другой стороны, мировая культура значительно обогатилась достижениями русской науки, литературы и искусства.

В XIX в. ведущей областью русской культуры становится литература, для которой была характерна быстрая смена эстетических направлений: классицизм XVIII в. на короткое время сменяется сентиментализмом, который уступает место романтизму, а на смену ему приходит реализм. Смена их происходила в рамках одного-двух поколений, так что некоторые писатели в своем творчестве отдавали дань различным направлениям. Кроме этого, гражданственность, чувство национального самосознания, патриотизм всегда были основой русской литературы с древнейших времен. Эти черты сохранились и развивались в первой половине XIX в., чему способствовала прежде всего Отечественная война 1812 года. Тема войны, патриотизма русского народа вошли в творчество известных русских поэтов: Державина, Карамзина, Жуковского, Крылова, Востокова, Пушкина, Пущина, Лермонтова и многих других. Особое значение для русской культуры имела поэзия декабристов К.Ф. Рылеева, А.И. Полежаева и др., которая была проникнута патриотизмом, любовью к своей Родине, поисками добра и справедливости.

Сентиментализм в русской литературе получил распространение на рубеже XVIII–XIX вв. Видным представителем сентиментализма был Н.М. Карамзин. Широкую известность принесла ему повесть «Бедная Лиза» (1790 г.). В начале XIX в. Карамзин становится убежденным консерватором и монархистом. Новые воззрения писателя отразились в его главном труде – «История государства Российского».

Призыв к возрождению допетровской культуры содержится в бессмертном произведении А.С. Грибоедова «Горе от ума». В комедии писателя Фамусов и Чацкий каждый по своему любят Россию и негодуют на засилье французской моды, а потерявшему национальное лицо Санкт-Петербургу здесь противостоит Москва (2).

В эпоху Отечественной войны 1812 года, когда особое распространение получают идеи патриотизма, необходимости служения Родине и т.д., сформировался стиль «романтизм». Его характерная черта – противопоставление реальной действительности и идеальных образов, ситуаций, мировосприятия. В.А. Жуковский – поэт, положивший начало развитию романтизма в

отечественной поэзии. Белинский отзывался о его творчестве как о «целом периоде нравственного развития нашего общества». С писателями романтического направления связано формирование русского исторического романа. Видным популяризатором национальной старины и самобытности в первой половине XIX в. стал герой войны 1812 года М.Н. Загоскин (1789–1852). Написанный им «Юрий Милославский» оказался «первым историческим русским романом» (3).

С середины XIX в. начал формироваться новый стиль русской литературы – реализм, в котором видную роль сыграло творчество А.С. Пушкина. В его произведениях наиболее полно выразились национальные черты русского характера. Как известно, великий русский поэт явился ярким выразителем русской словесности, родоначальником русского литературного языка. Именно в его творчестве русский язык впервые предстает действительно великим, могучим, правдивым и свободным. Его ранние произведения – «Руслан и Людмила», «Цыганы», «Кавказский пленник» и другие – связаны с романтизмом. Однако позднее в его творчестве преобладает реализм, хотя представлены основные виды и жанры литературы. В частности, в поэтическом творчестве он – певец свободы.

В этой связи необходимо отметить, что в романе «Евгений Онегин» Пушкин рисует масштабные картины русской жизни. Трагедия «Борис Годунов» и повесть «Капитанская дочка» посвящены значительным событиям в истории России.

После А.С. Пушкина особая роль принадлежит творчеству М.Ю. Лермонтова, которому присущ реализм, показ сложного периода в жизни русского общества, наступившего после декабрьских событий 1825 г. Этот период связан с разочарованием, неприятием окружающей действительности в настроениях народа. В его творчестве особое место принадлежит роману «Герой нашего времени», патриотическим произведениям «Бородино», «Родина» и др., в которых также ярко высвечена тема гражданственности («Смерть поэта»), а тема любви носит драматический характер.

Особая роль в русской литературе первой половины XIX в. принадлежит величайшему русскому прозаику Н.В. Гоголю. Острой, ядовитой сатирой пропитан его «Ревизор». Трагедия маленького человека со смешным и ставшим нарицательным именем Акакий Акакиевич описана в повести «Шинель». В конце своей жизни, в 1848 г., писатель издал «Избранные места из переписки с друзьями» и «Размышления о божественной литургии», ставшие лучшим образцом русской духовной прозы XIX в. (4).

Во второй половине столетия в литературе окончательно утверждается реализм и появляется критический реализм. Русские писатели в своем творчестве отражали реальные события из жизни общества, давали объяснения существующим несправедливостям. Об этом свидетельствуют названия произведений, например, Чернышевского и Герцена – «Что делать?» и «Кто вино-

ват?» Описывая события, они не только ставили вопросы, волновавшие современное общество, но и предлагали их решение.

На вторую половину XIX в. приходится творчество Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, Н. А. Некрасова, И.А. Гончарова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.Н. Островского, А.П. Чехова и других выдающихся русских писателей, которые в своих бессмертных произведениях обращаются к внутреннему миру человека, его духовности, проблемам, независимо от социального статуса (5).

Так называемый «серебряный век» русской литературы, сменивший на рубеже веков «золотой век» пушкинской эпохи, принес в отечественную литературу массу идейных шатаний. В русской литературе начала XX в. ведущую роль продолжали играть Л.Н. Толстой, В.Г. Короленко, Д.Н. Мамин-Сибиряк, А.П. Чехов, придерживавшиеся традиций критического реализма. Эти традиции продолжили и писатели нового поколения – А.М. Горький, А.И. Куприн, И.А. Бунин. Но наряду с этим направлением, особенно в предреволюционное десятилетие и преимущественно в поэтической среде, возникают различные литературные кружки и объединения – символистов, акмеистов, футуристов и др., стремящиеся отойти от традиционных эстетических норм и представлений.

Символизм как разновидность модернистского направления в литературе и искусстве сложился во Франции в 80–90-е гг. XIX в. Одним из первых организованных выступлений русских символистов был сборник «Русский символизм» (1893), в котором были представлены так называемые «старшие» символисты Д.С. Мережковский и В.Я. Брюсов. Позже на арену художественной словесности вышли «младосимволисты» – А.А. Блок, К.Д. Бальмонт, З.Н. Гиппиус, Андрей Белый (Б.Н. Бугаев), В.И. Иванов и др. В 1904–1905 гг. издавался журнал символистов «Весы». Характерная особенность поэтов-символистов – высокая «техника» стихосложения, «изобретательство» необычных слов и выражений (6).

Символизм как поэзия и искусство получил наиболее яркое и полное воплощение в творчестве А. Блока. Среди первых его произведений самым лучшим стали «Стихи о Прекрасной Даме», написанные под прямым влиянием идей Вл. Соловьева о Софии, Вечной Женственности (7). Позже в творчестве А. Блока на передний план выходит тема России, любви к ней – «Русь», «Скифы», «Родина» и др. К поэзии серебряного века относятся также М.И. Цветаева, С.А. Есенин, Б.Л. Пастернак и многие другие.

В 1910 г. появляется в русской литературе и искусстве другое модернистское течение – футуризм. Футуристы стремились создать «искусство будущего», отрицали традиционную культуру, ее моральные и художественные ценности. Эти принципы были изложены в своеобразном манифесте футуристов под характерным названием «Пощечина общественному вкусу», опубликованном в 1912 г. Главное требование футуристов – абсолютная свобода творчества. К этому течению принадлежали известные поэты В.В. Хлеб-

ников, Д.Д. Бурлюк, И. Северянин. С футуризмом было связано и начало поэтического творчества В. В. Маяковского, Н.Н. Асеева, Б.А. Пастернака.

В русской архитектуре первой половины XIX в. длительное время сохранял свои позиции классицизм, утвердившийся в России в конце XVIII в. Разновидностью классицизма явился ампир, получивший распространение в начале XIX в. В стиле ампир возводились преимущественно здания общественного назначения: правительственные учреждения, театры, храмы. Наиболее видными представителями классицизма в русской архитектуре были А.Н. Воронихин, А.Д. Захаров, К.И. Росси, В.П. Стасов, Д.И. Жилярди, О.И. Бове. Воронихин возвел в Петербурге Горный институт и Казанский собор, Росси – новые здания Сената и Синода, а также Главный штаб, Михайловский дворец, Александрийский театр и примыкавшую к нему улицу (названную в честь зодчего улицей Росси). Стасов, Жилярди и Бове возвели монументальные здания в Москве (среди них Большой театр, Манеж, новое здание Московского университета на месте разрушенного при пожаре Москвы в 1812 г.). К середине XIX в. входят в моду псевдорусский стиль и псевдоготика. Создателем псевдорусского стиля был Карл Тон, по проектам которого были возведены в 40-е гг. Большой дворец и Оружейная палата в Кремле, Николаевский вокзал в Москве и Московский в Петербурге.

Своеобразием отличалась архитектура и скульптура в России в конце XIX – начале XX в. Ведущим становится стиль «модерн», которому присущи свободное развитие объемов, асимметрия и вместе с тем монолитность сооружений, их монументальность. Модерн отличался и характером оформления зданий – применением мозаики, витражей, керамики, скульптуры. В то время усовершенствовалась строительная техника. Стекло, сталь, железобетон, облицовка гранитом стали широко применяться в зданиях различного назначения. Но наряду с сооружениями в стиле модерн возводились в древнерусской и византийской стилизации здания культового, торгового, административного и общественного назначения: таковы храм Спас-на-Крови на Екатерининском канале в Петербурге (на месте гибели Александра II от рук террористов), Верхние торговые ряды в Москве (ныне ГУМ, арх. А.Н. Померанцев), здания Исторического музея (арх. В.О. Шервуд) и Московской городской думы (арх. Д.Н. Чичагов), храм Христа Спасителя в Москве (арх. К.А. Тон) (8).

Для России XIX в. стал эпохой формирования национальной музыкальной школы. В предыдущем столетии высокого уровня развития достигла только хоровая духовная музыка; традиции же оперной, камерно-вокальной и симфонической музыки сложились в новом веке. На этот процесс решающее влияние оказали, с одной стороны, западноевропейская культура, а с другой – русский фольклор. Приобщение к европейской культуре не только повысило профессиональный уровень русских композиторов и исполнителей, но и помогло им глубже понять традиции национальной музыки. В XIX столетии в России утвердились европейские нормы концертной жизни. Это было связано прежде всего с основанием Русского музыкального общества (1859),

деятельность которого носила просветительский характер. Обществом устраивались регулярные концерты, проводились конкурсы на лучшее музыкальное произведение и т.д.

В стране была создана система музыкального образования европейского типа. В Петербурге (1862) и Москве (1866) открылись консерватории. В XIX в. огромное внимание уделялось изучению фольклора. Русские композиторы считали народную музыку источником вдохновения. Они собирали народные песни и часто использовали их в своих произведениях, при этом не теряя своеобразия собственного музыкального языка.

Для русской музыкальной культуры первой половины XIX в. характерно повышенное внимание к опере и камерной вокальной музыке. Серьезный интерес к симфонии появился лишь во второй половине столетия. Особенно популярны были программные симфонические произведения, в том числе симфоническая миниатюра. В русской музыке первой половины XIX в. шел интенсивный процесс внедрения национальной мелодики и тематики. Интонации народных мелодий явственно звучат в романсах А.Е. Варламова, А.А. Алябьева, А.Л. Гурилева, которые явились создателями жанра городского романса.

М.И. Глинка, подобно Пушкину в поэзии, был основоположником русской классической музыки – оперной и симфонической. Он сумел первым глубоко осознать особенности русской национальной музыки, создав образцы национальной русской оперы – героико-эпической «Жизнь за царя» («Иван Сусанин») и оперы-сказки «Руслан и Людмила». Для оркестра он написал симфонические увертюры – «Комаринская», «Арагонская хота», «Ночь в Мадриде». Благодаря творчеству Глинки русская музыкальная школа достигла признания в Европе (9).

Образцом народно-бытовой драмы явилась опера А.С. Даргомыжского «Русалка» (по одноименному произведению А.С. Пушкина) и незаконченная опера «Каменный гость». В творчестве композитора центральное место занимают романсы.

Вторая половина XIX в. – время расцвета русской музыкальной культуры. Композитор М.А. Балакирев и дирижер Г.Я. Ломакин стали основателями массового музыкального образования в России: в организованную ими в Петербурге в 1862 г. бесплатную музыкальную школу принимали всех желающих.

В этот период появилась целая плеяда талантливых музыкантов, но особое место принадлежит творческому объединению русских композиторов, известному как «Новая русская музыкальная школа», «Балакиревский кружок» или, по образному выражению В.В. Стасова, «Могучая кучка», в который входили замечательные композиторы М.А. Балакирев, А.П. Бородин, Ц.А. Кюи, М.П. Мусоргский и Н.А. Римский-Корсаков, создавшие шедевры симфонической, оперной, инструментальной музыки. Так, например, оперы Мусоргского «Борис Годунов» и «Хованщина», Римского-Корсакова «Сад-

ко», «Псковитянка», «Царская невеста», Бородина «Князь Игорь» и другие являются всемирно известными произведениями русской и мировой оперной классики.

Творчество П.И. Чайковского – яркая страница в истории не только отечественного, но и зарубежного музыкального искусства. Самые известные сочинения – Первый фортепианный концерт, концерт для скрипки и Вариации на тему рококо. Музыка этих произведений полна света, радостной энергии и внутреннего благородства.

Одно из центральных мест в его творчестве принадлежит опере. Всего Чайковский создал 10 опер, из которых наиболее популярные – «Евгений Онегин» и «Пиковая дама». В творческом наследии композитора – 6 симфоний, выдающиеся образцы балетной («Лебединое озеро», «Щелкунчик», «Спящая красавица»), симфонической и камерной музыки (более ста романсов).

Конец XIX – начало XX в. ознаменованы появлением в русской музыке талантливых композиторов: А.К. Глазунова, С.И. Танеева, А.С. Аренского, В.А. Лядова, И.Ф. Стравинского, А.Н. Скрябина. Глазуновым были созданы широко известные балеты «Раймонда», «Барышня-крестьянка», «Времена года»; Танеевым – опера «Орестея» и ряд произведений камерной музыки, романсы, симфонии; Стравинским – на темы русского фольклора балеты «Петрушка», «Жар-птица», «Весна священная»; Скрябиным – симфонические произведения «Божественная комедия», «Поэма экстаза», «Прометей», сонаты, прелюдии, этюды; Аренским – оперы «Сон на Волге» и «Воевода»; Лядов получил известность своим циклом фортепианных, вокальных и оркестровых миниатюр. К началу XX в. относится становление творческого пути выдающегося пианиста, композитора С.В. Рахманинова, автора оперы «Алеко» и большого количества инструментальной и вокальной музыки (10).

В русской живописи первой половины XIX в. наметился постепенный переход от академизма, оплотом которого являлась Императорская академия художеств. Наиболее видным представителем академической школы был Карл Брюллов. Брюллов, сохраняя верность академическому искусству, уже тяготел к реализму. Наиболее известно его грандиозное полотно «Последний день Помпеи». Поэт Е.А. Баратынский писал тогда: «И стал “Последний день Помпеи” для русской кисти первый день». Брюллов писал и портреты своих современников – И.А. Крылова, В.А. Жуковского, Н.В. Кукольника и др. О.А. Кипренский и В.А. Тропинин – выдающиеся художники-портретисты первой половины XIX в. Кипренский передавал в портрете сложный внутренний мир настроений, переживаний. Хорошо известен написанный им портрет А.С. Пушкина (1827). Для творчества Тропинина характерна непосредственность изображения. Он любил изображать людей за каким-нибудь занятием. Таковы его жанровые портреты «Кружевница», «Золотошвейка», «Гитарист». Мастером бытового жанра был А.Г. Венецианов. Он создал серию картин, изображавших крестьян и сельский быт (например, «Гумно», «На жатве», портреты многих крестьян).

Значительное место в русской живописи занимает творчество А.И. Иванова. Его картина «Явление Христа народу» явилась главным делом его жизни. Основная идея картины – убежденность в необходимости нравственного обновления людей.

Решительный поворот русской живописи к реализму представлен в творчестве П.А. Федотова (40–50-е гг. XIX в.), которого называют «Гоголем в живописи». В небольших жанровых картинах художник сатирически, но глубоко реалистично показал «темное царство» купечества, армейский быт офицерства, тупую спесь и цинизм чиновничества. Таковы его известные картины «Сватовство майора», «Игроки», «Анкор, еще анкор». Во второй половине XIX в. критический реализм занял уже господствующее положение в русской живописи.

В 1870 г. было создано «Товарищество художественных передвижных выставок», в которое вошли наиболее известные русские художники – И.Н. Крамской, Н.Н. Ге, В.Н. Суриков, В.Г. Перов, В.Е. Маковский, Г.Г. Мясоедов, А.К. Саврасов, И.И. Шишкин, позднее к ним присоединились художники младшего поколения: И.Е. Репин, А.И. Куинджи, И.И. Левитан.

В.В. Верещагин – выдающийся представитель русской батальной живописи. Известны его знаменитые циклы картин об Отечественной войне 1812 г., о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. «Туркестанская коллекция» (об истории завоевания Средней Азии). Художник сам бывал в районах военных действий на Балканах и в Средней Азии. Его картины, изображающие без прикрас тяготы войны, являлись осуждением войны вообще.

Крупнейшим художником-маринистом был И.К. Айвазовский. Им написано свыше 5 тыс. картин о море, о борьбе людей с морской стихией, морских сражениях. Русская пейзажная живопись была представлена такими выдающимися художниками, как И.И. Шишкин, А.К. Саврасов, А.И. Куинджи, В.Д. Поленов, И.И. Левитан, Ф.А. Васильев.

В конце XIX – начале XX в. к новому поколению передвижников принадлежали братья А.М. и В.М. Васнецовы, Н.А. Касаткин, С.А. Коровин, И.И. Бродский, В.А. Серов, И.Ф. Юон. Передвижничество этого периода выразилось в работах на сюжеты из жизни крестьян, рабочих, жителей городов, сел и деревень. Серов создал серию ярких по реалистичности портретов современников, в том числе императоров Александра III и Николая II. Глубокой поэтичностью отличаются полотна братьев Васнецовых на исторические и сказочные сюжеты.

В 1898 г. возникло творческое объединение художников «Мир искусства» (просуществовало до 1924 г.). В него вошли видные художники А.Н. Бенуа, Д.С. Бакст, И.Я. Билибин, М.В. Добужинский, Е.Е. Лансере, Б.М. Кустодиев. К нему примыкали также К.А. Коровин, И.И. Левитан, И.Э. Грабарь и Н.К. Рерих. Они пропагандировали высокую живописную культуру, новые формы средств выражения. Их картины отличались яркой декоративностью,

тонким чувством стиля. Под редакцией А.Н. Бенуа и С.П. Дягилева издавался большой иллюстрированный журнал «Мир искусства», проводивший идею защиты «искусства для искусства». Периодически устраивались выставки художников этого объединения (11).

В начале XX в. появились новые, модернистские направления в русской живописи, особенно богатой талантливыми художниками, разнообразим их творческой манеры и сюжетной тематики. Так, своеобразно было творчество крупнейшего художника М.В. Нестерова. В картинах «Видение отроку Варфоломею», «Пустынный», «Великий постриг» художник на фоне русской природы изображает монашескую Русь, создает поэтические религиозные образы. Произведения М.А. Врубеля отличаются драматической напряженностью – «Демон сидящий», «Демон летящий», «Демон поверженный». В картинах Б.М. Кустодиева даны красочные сцены из купеческого и мещанского быта дореволюционной России. Кустодиев был замечательным театральным художником и мастером портрета – широко известен написанный им портрет Ф.И. Шаляпина.

Русское искусство получило широкое признание во многих европейских странах. Проводимые С.П. Дягилевым Русские сезоны в Париже в начале XX в. явились этапными событиями в истории отечественной музыки, живописи, оперного и балетного искусства. В 1906 г. парижанам была представлена выставка «Два века русской живописи и скульптуры». В следующем году в концертах они могли познакомиться с русской музыкой от Глинки до Скрябина. В 1908 г. с исключительным успехом в Париже выступал Ф.И. Шаляпин, исполнивший партию царя Бориса в опере М.П. Мусоргского «Борис Годунов». Наконец с 1909 г. в Париже начались Русские сезоны балета, продолжавшиеся в течение нескольких лет. Большой успех имели балеты И.Ф. Стравинского «Жар-птица», «Петрушка», «Весна священная», в которых чувствовался интерес к далеким историческим эпохам, к народной обрядности фольклору.

Таким образом, русская культура XIX – начала XX в. приобрела мировую известность. Ее отличали гуманизм и гражданственность, народность и демократизм. Дальнейший расцвет отечественная культура получила в XX в., когда к ее богатству были приобщены все слои населения советского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Андреев Л.Г. Импрессионизм. – М., 1980.
- (2) Бердяев Н.И. Судьба России. – М., 1990. – С. 40.
- (3) «Вехи». Сборник статей о русской интеллигенции. – М., 1990.
- (4) Гомберг-Вержбинская Э.П. Передвижники. – Л., 1970.
- (5) Там же.
- (6) Дмитриев С.С. Очерки русской культуры начала XX в. – М., 1985.
- (7) История русского и советского искусства / Под ред. Д.В. Сарабьянова. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М., 1989. Гл. 9.

- (8) Культура и искусство России XIX в. – Л., 1985.
- (9) *Лившиц В.* Полутороглазый стрелец. Бубновый валет и Ослиный хвост // Наше наследие. – 1989. – № 1.
- (10) О России и русской философской культуре. – М., 1990.
- (11) *Серебрянов Д.В.* Стиль модерн. – М., 1989.
- (12) *Соколов А.Г.* История русской литературы конца XIX – начала XX в. – М., 1988.

REFERENCES

- (1) *Andreev L.G.* Impressionizm [Impressionism]. – Moscow, 1980.
- (2) *Berdjaev N.I.* Sud'ba Rossii [Fate of Russia]. – Moscow, 1990. – S. 40.
- (3) «Vehi». Sbornik statej o russskoj intelligencii [«Milestones». Collection of articles on the Russian intelligentsia]. – Moscow, 1990.
- (4) *Gomberg-Verzhbinskaja Je.P.* Peredvizhniki [Wanderers]. – Leningrad, 1970.
- (5) Tam zhe.
- (6) *Dmitriev S.S.* Oчерки russskoj kul'tury nachala XX v. [Sketches of Russian culture at the beginning of XX century]. – Moscow, 1985.
- (7) Istorija russskogo i sovetskogo iskusstva / Pod red. D.V. Sarab'janova. Izd. 2-e, pererab. i dop. [History of Russian and Soviet art / Ed. DV Sarabyanova. Ed. 2nd, revised and enlarged]. – Moscow, 1989. Gl. 9.
- (8) Kul'tura i iskusstvo Rossii XIX v. [Russian Culture and Art of the XIX century]. – Leningrad, 1985.
- (9) *Livshic V.* Polutoroglaazyj strelec. Bubnovyj valet i Oslinyj hvost // Nashe nasledie. [Polutoroglaazy Sagittarius. Jack of Diamonds and The Donkey's Tail]. – 1989. – № 1.
- (10) О Rossii i russskoj filosofskoj kul'ture [About Russia and Russian philosophical culture]. – Moscow, 1990.
- (11) *Serebrjanov D.V.* Stil' modern [Nouveau style]. – Moscow, 1989.
- (12) *Sokolov A.G.* Istorija russskoj literatury konca XIX – nachala XX v. [History of Russian literature of the late XIX – early XX century]. – Moscow, 1988.

BASIC DIRECTIONS IN DEVELOPMENT OF RUSSIAN CULTURE OF XIX – THE BEGINNING OF XX CENTURIES

O.P. Kozmenko

Moscow State Humanitarian University of M.A. Sholokhov
Verkhnaya Radischevskaya st., 16, Moscow, Russia, 109240

In article the basic directions of the advanced Russian culture in the end of XIX – the XXth century beginning are taken up. This time as the author fairly marks, has become in Russian history, as the Golden Age of Russian culture. Besides, There are analyzed features of a socially-cultural life of Russia of the first decades of the XXth century which has defined the culture maintenance the next 20 years.

Key words: art, culture, art, architecture, literature, music, style, genre, ballet, art and traditions.

ЛИЧНЫЕ КНИЖНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ В СИСТЕМЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Б.Г. Якеменко

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 11719

В статье рассмотрено место личных книжных коллекций (частных библиотек) последнего столетия в системе отечественной культуры, проанализированы проблемы, связанные с собирательством книг. Рассмотрены причины становления книжных коллекций и их трагическая участь после революционных событий 1917 г., когда значительная часть книжных собраний была разделена или погибла полностью. Указаны ведущие частные книжные собрания прошлого столетия и формы сотрудничества с государством владельцев личных библиотек. Отмечено значение личных книжных собраний для развития культуры России в Новое и Новейшее время на примере отдельных книжных коллекций последних десятилетий. Отмечается роль государства в формировании частных книжных собраний и важность сохранения книжной культуры через развитие личных библиотек.

Ключевые слова: книга, коллекционирование, музей, собрание, библиотека, культура, библиофил.

*Не только человек собирает книги,
но и книги «собирают» человека.*

Начало нового столетия в России характеризуется подъемом интереса к истории и культуре нашей страны. Одной из форм воплощения этого интереса становится коллекционирование, создание собраний произведений искусства, старины, предметов быта. При этом коллекционирование сегодня часто воспринимается как развлечение, игра или удачное вложение средств, что лишает коллекции статуса культурного явления и сильно затрудняет возможность сделать частные коллекции частью общероссийского собрания памятников культуры, ввести их в культурный и научный оборот.

И хотя некоторые частные коллекции становятся общедоступными (музей частных коллекций, частный музей русской иконы и т.д.), однако этот процесс идет медленно и не затрагивает, например, существующих частных собраний русских, европейских, латиноамериканских и восточных древностей. Редкие выставки артефактов из этих коллекций (как, например, прошедшая в Москве около года назад выставка древнеегипетских памятников

из частных коллекций) являются исключениями, которые лишь подтверждают правило.

К сожалению, данный процесс также совершенно не затрагивает личные собрания книг (личные библиотеки). В результате значительная часть общества, даже искушенная в вопросах культуры и регулярно следящая за новостями из мира культуры, совершенно не имеет представления о том, сколь уникальные ценности находятся в России.

Исторические примеры свидетельствуют, что еще 100 или 150 лет назад, когда музейное дело находилось в периоде становления, все было совершенно иначе. Именно частные собрания становились основной формой накопления, хранения и систематизации предметного материала, а также средством пропаганды и распространения интереса к предмету. Не случайно практически все частные хранилища были открыты для всеобщего доступа.

Хорошо известно, что именно частные собрания картин, скульптур, оружия, книг, рукописей, древностей легли во второй половине XIX столетия в основу крупнейших российских музеев и библиотек – Государственного Исторического музея, Музея изобразительных искусств им. Пушкина, Государственной публичной исторической библиотеки и других.

Стоит напомнить, что среди этих собраний были знаменитые библиотеки А.Д. Черткова, легшая в основу собрания нынешней Государственной публичной исторической библиотеки, И.Е. Забелина, чье книжное собрание составило библиотеку Московской городской управы, и т.д.

Во второй половине XIX столетия в России в массовом порядке начинают создаваться частные библиотеки, среди владельцев которых были люди самых разных сословий – от офицеров и учителей до купцов и мещан. Эти общедоступные библиотеки стали важнейшим фактором просвещения в российской провинции, центрами общественной жизни и стали стимулом для открытия государственных публичных библиотек в городах и поселках (1).

Как отмечала Ю.П. Мелентьева: «Не было, пожалуй, в России ни одной крупной библиотеки, в основе которой не лежало бы частное собрание» (2).

После государственного переворота 1917 г. частные библиотеки пережили очень тяжелое время. Трагическая участь частных библиотек – отдельная глава в истории разорения и уничтожения после 1917 г. русского культурного наследия. При вывозе библиотеки книги, как правило, оценивались на месте, «на глазок» (хорошо, если «оценщики» знали толк в книгах), «ненужное» вываливалось на пол, «нужное» складывалось в ящики и грузилось на подводы.

В самом лучшем случае (если собрание книг состояло в основном из раритетов) библиотека целиком или большей частью могла оказаться в государственном хранилище. Но даже если и оказывалась, то чаще всего вместе с тысячами других книг лежала грудями и штабелями в сырости и грязи, покрываясь пятнами плесени, в забитых до крыши «хранилищах» – нетопленых особняках и церквях Москвы, Петербурга, других городов. Достаточно

вспомнить, что огромный храм Климента Папы Римского на Пятницкой был до сводов завален тогда десятками тысяч книг, “хранившихся” так долгие годы.

В других случаях разрозненные книги (а разделенное книжное собрание исчезало как явление, утрачивало свою художественную и научную ценность) оказывались на Сухаревке, Смоленском рынке, просто на уличных развалах, помещавшихся в подворотнях. Великолепные старинные карты, планы, фолианты, архивные документы, еще хранившие благородный запах старины, продавались отдельно и на вес, мешками, за копейки уходили редчайшие журналы и альманахи XVIII и XIX вв. на закрутку махорки, на обертку для селедки. «Оберточной бумаги сейчас нет, и рыбак скупает у букиниста старые книги, учебники – издания иногда огромной ценности. И букинист отдает, потому что на завертку платят дороже» (3), – писал А. Аверченко. Подлинные масштабы культурных потерь, понесенных в то время, едва ли станут когда-нибудь известны.

В 1930-е гг. частные библиотеки перестали считаться библиотеками – библиотека могла быть только государственной. «... частная коллекция книг, обслуживающая исключительно владельца, как бы она ни была велика, не может считаться библиотекой» (4). Право иметь личную библиотеку теперь надо было заслужить, не говоря уже о том, что на частное книжное собрание нужны были значительные средства. Поэтому великолепные библиотеки могли иметь Н. Смирнов-Сокольский, Д. Бедный, М. Горький и др., однако их собрания лишь формально были частными и после смерти, как правило, поступали в государственные хранилища.

В 1960–1970-х гг. происходит осознание ценности частных книжных собраний. Именно тогда получила известность знаменитая библиотека М.И. Чуванова (1894–1988), в которой было несколько десятков тысяч книг, включая более 300 старопечатных кириллических изданий (5), уникальное собрание рукописных книг (около 600, в том числе свыше 40 рукописей XV–XVII вв.), собрание книг по истории Москвы (около 1200 экземпляров; переданы Чувановым при жизни в РГБ), а также около 4000 книг с автографами авторов. Фондами его библиотеки пользовались многие деятели культуры, писатели и поэты (6).

Государство оказывало владельцам библиотек методическую помощь, в массовых библиотеках создавались картотеки личных библиотек, налаживались связи с владельцами личных библиотек, с ними проводились встречи, организовывались выставки книг из частных собраний. Однако на государственном уровне частное коллекционирование книг все равно считалось своеобразным личным досугом конкретного гражданина, а не явлением общественно-значимого уровня. Не случайно в Федеральном законе «О библиотечном деле» (1994 г.) о личных библиотеках не говорится ничего.

С распадом СССР ситуация стала меняться в худшую сторону. Многие ученые, собиратели книг распродают свои библиотеки для того, чтобы поддержать приемлемый уровень жизни, вследствие чего книжные собрания

гибнут по частям или попадают в руки малокультурных людей, создающих с помощью красивых переплетов «интеллектуальные» интерьеры в своих домах и квартирах.

Однако уже с середины 1990-х гг. положение стало улучшаться. Вновь начинают возникать большие и хорошо подобранные частные собрания книг. Однако утилитаризм сознания новой эпохи начал формировать отношение к книге не как к явлению культуры (а нередко и произведению искусства), а как к необходимому образом оформленному «тексту», сиюминутная ценность которого заключается в содержании. То есть книга и газета были поставлены в общественном сознании на один уровень. В немалой степени способствовало этому и возникновение электронных книг, что вызвало к жизни дискуссии о том, выдержит ли печатная книга столкновение с электронной, ибо электронный текст «проще и удобнее». В результате создание личных библиотек стало делом людей зрелых и старшего поколения, то есть тех, кто был воспитан в иную эпоху. Собиратели более молодые и имеющие средства часто собирали библиотеки как средство сохранения денег, то есть книги подбирались не по культурной, а по материальной ценности. Однако значительная часть общества, особенно та, что сложилась в 1990-е гг., ценности личных книжных собраний зачастую не осознает. К услугам этих людей есть Интернет, где «найдется все» и совершенно бесплатно.

Однако в наши дни уже существуют как явление культуры великолепные частные библиотеки, в которых есть десятки рукописей XV–XVIII веков, старопечатные книги, уникальные издания, автографы, документы, которые полностью выведены из научного и культурного оборота. Можно назвать, например, собрание М.В. Сеславинского, председателя совета НП «Национальный союз библиофилов».

Однако большинство владельцев таких библиотек стремятся не афишировать свои собрания из соображений безопасности. В результате те сведения, которыми располагают научные работники, зачастую не соответствуют действительности. Только один пример. В фундаментальных каталогах старопечатных книг, издающихся сегодня (7), учтены только те издания, которые находятся в государственных хранилищах (за очень редким исключением) и указано количество сохранившихся экземпляров. Но в реальности эти цифры могли бы быть значительно изменены, если бы в распоряжении исследователей оказались фонды частных библиотек.

Однако государство только недавно начало осознавать ценность частных книжных собраний. В 2010 г. существовавшая почти 20 лет общественная «Организация российских библиофилов» (ОРБ) при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям была преобразована в Некоммерческое партнерство «Национальный союз библиофилов» (НСБ), который возглавил руководитель агентства М.В. Сеславинский. Задачи союза – выпуск журналов, сайтов, проведение конференций, выставок.

По мнению М. Сеславинского, библиофилов в стране всего 400–500 человек. «Библиофилов нужно поддерживать, – говорит он. – Им нужно объе-

диняться. Потому что поговорить о старой книге с человеком, который понимает толк в этой сфере, необходимо. И, кроме этого, нужно думать о том, кому передать эстафетную палочку» (8). «Национальным союзом библиофилов» было начато издание журнала «Про книги». В 2010 г. издательством «Среди коллекционеров» возобновлен выпуск одноименного журнала, выходявшего в 1921–1924 гг. под руководством искусствоведа и коллекционера И.И. Лазаревского.

Однако очевидно, что этого пока недостаточно.

В заключение необходимо подчеркнуть, что осознание на государственном уровне культурной ценности частных библиотек необходимо. Россия – страна книжной культуры. Литературоцентричность русской цивилизации сформировала особый тип культуры, создающейся вокруг текста. Сильнейшее влияние этой литературоцентричности можно отметить и во многих современных направлениях культуры – от кинематографа до русской рок-музыки, что делает эти направления очень самобытным и своеобразным явлением культуры, укорененным в традиции. Кроме того, уникальные тексты и документы из частных библиотек необходимо вводить в научный оборот. Не исключено, что следствием этого станут серьезные научные открытия. В противном случае частное коллекционирование книг так и останется формой интеллектуального досуга, не превращаясь в общественное дело, имеющее большое значение для отечественной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См.: *Быкова В.В.* Библиотеки в общественной жизни населения Кубани в конце XIX века. <http://wp.aisorgsu.ru/?p=376>
- (2) *Мелентьева Ю.П.* Объект библиотковедения и феномен личной библиотеки. <http://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2005/disk/46.pdf>
- (3) *Аверченко А.* Записки простодушного. – М., 1992. – С. 98.
- (4) Большая Советская Энциклопедия. 1-е изд. – М., 1930. – Т. 3.
- (5) См: Коллекция старопечатных книг 16–17 вв. Из собрания М.И. Чуванова [Текст]: каталог / сост. И.В. Поздеева при участии М.И. Чуванова; под общ. ред. Е.Л. Немировского; Гос. б-ка СССР имени В.И. Ленина, Отд. редких книг. – М., 1981.
- (6) Подробнее о библиотеке М.И. Чуванова: *Иващенко Н.* История одного собрания. О библиотеке М.И. Чуванова // Альманах библиофила. – Вып. 4. – М., 1977. – С. 93–100.
- (7) См.: *Гусева А.А.* Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века. Сводный каталог. В 2 ч. – М., 2003; *Немировский Е.Л.* Славянские издания кирилловского (церковнославянского) шрифта. 1491–2000. Инвентарь сохранившихся экземпляров и указатель литературы. 1491–1550. – М., 2009. – Т. 1.
- (8) Российская газета. Федеральный выпуск. – № 5397 (21) от 3 февраля 2011 г.

REFERENCES

- (1) *Bykova V.V.* *Biblioteki v obshhestvennoj zhizni naselenija Kubani v konce XIX veka* [Libraries in the public life of the population of the Kuban in the late XIX century.]. Available at: <http://wp.aisorgsu.ru/?p=376>

- (2) Melent'eva Ju.P. *Ob'ekt bibliotekovedenija i fenomen lichnoj biblioteki* [Object Library and the phenomenon of personal library]. Available at: <http://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2005/disk/46.pdf>
- (3) Averchenko A. *Zapiski prostodushnogo* [Notes of ingenuous]. Moscow, 1992, p. 98.
- (4) *Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija* [The Great Soviet Encyclopedia]. Moscow, 1930, vol. 3.
- (5) *Kollekcija staropechatnyh knig 16–17 vv. Iz sobranija M. I. Chuvanova* [Collection of early printed books 16–17 centuries. From the collection of M. Chuvanova]. Ed. by E.L. Nemirovskiy, Moscow: State Library of the USSR behalf of Lenin, 1981.
- (6) Ivashhenko N. *Al'manah bibliofila* [Almanac of bibliophile]. Moscow, 1977, no. 4, pp. 93–100.
- (7) Guseva A.A. *Izdaniya kirillovskogo shrifta vtoroj poloviny XVI veka, Svodnyj catalog* [Publishing Cyrillic font second half of the XVI century, summary catalog]. Moscow, 2003; Nemirovskij E.L. *Slavjanskije izdaniya kirillovskogo (cerkovnoslavjanskogo) shrifta 1491–2000. Inventar' sohranivshihsj jezkempljarov i ukazatel' literatury* [Slavic Publishing of Cyrillic (Old Church) font 1491–2000. Inventory preserved specimens and literature index]. Moscow, 2009, vol. 1.
- (8) Rossijskaja gazeta. Federal'nyj vypusk – Russian newspaper. Federal issue 3 February, 2011, no. 5397 (21).

PERSONAL BOOK COLLECTIONS IN THE SYSTEM OF NATIONAL CULTURE (STATEMENT OF THE PROBLEM)

B.G. Yakemenko

Department of Russian History
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay Str., 10–2, Moscow, Russia, 117198

The research goal of this article is to consider the place of personal book collections (also often referred to as «private library») of the late XXth – early XXIst centuries in the national culture system. The article analyzes the problems associated with collecting books. The author considers the reasons of literary collections formation and their tragic fate after the revolutionary events of 1917, when a large part of the book collections was divided or died completely. There are pointed out specified leading private book collections of the last century and forms of cooperation of private libraries owners with the state. The author comes to the conclusion that the personal book collections are an essential value for the development of the Russian culture in the New and Newest time, particularly considering the example of separate book collections of the last decades. It is equally important to admit that the state should play a special role in the formation of private book collections and care for the preservation of book culture through the development of private libraries, because the culture of the book is subjected to strong pressure from electronic texts that carry information, but are not books.

Key words: Book, collecting, Museum, collection, library, culture, bibliophile.

**ПОДГОТОВКА ИНОСТРАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ
В СИСТЕМЕ УНИВЕРСИТЕТСКОГО
ХИМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ
(1950-Е – 2000-Е ГГ.)**

К.В. Осколок

Кафедра аналитической химии
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Воробьевы горы, химический корпус, Москва, Россия, 119899

Статья написана на основе проведенного автором исследования, целью которого является изучение исторического опыта деятельности российских университетов и институтов АН СССР (РАН) по подготовке квалифицированных химиков-исследователей. Автор статьи пришел к выводу о том, что пионером в вопросе подготовки химиков-исследователей из числа иностранных граждан в СССР стали химические факультеты и кафедры МГУ имени М.В. Ломоносова, УДН имени П. Лумумбы и ряда других университетов РСФСР. Работа советских профессоров и преподавателей с иностранными студентами способствовала развитию международных связей химических факультетов и кафедр университетов СССР с зарубежными коллегами, прежде всего из социалистических государств Европы и Азии.

Ключевые слова: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российский университет дружбы народов (до 1992 г. – Университет дружбы народов имени П. Лумумбы), российская система университетского химического образования, иностранные специалисты.

Одной из главных черт российской университетской химии с момента ее становления было постоянное творческое взаимодействие с мировой химической наукой и ведущими центрами высшего химического образования за рубежом, которое включало взаимное обогащение научными и педагогическими идеями, а также обмен профессорско-преподавательскими и студенческими кадрами. В том числе имела место практика обучения в России иностранных студентов и специализации аспирантов и стажеров по химическим наукам. Как самостоятельное, достаточно масштабное направление деятельности естественных факультетов подготовка кадров иностранных специалистов-химиков получила после окончания Второй мировой войны, когда в СССР были развернуты образовательные программы для молодежи социалистических и развивающихся стран. Первые группы иностранных студентов начинают прибывать в советские вузы уже в 1946 г.

Следует отметить, что в 1950-е – 1970-е гг. только на химическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова ежегодно обучалось свыше 100 сту-

дентов, аспирантов и стажеров из различных стран мира (1). Помимо непосредственно учебной работы, химический факультет МГУ регулярно организовывал встречи иностранных студентов с ведущими советскими учеными, экскурсионные поездки на химические предприятия и другие полезные мероприятия. Значительное внимание уделялось иностранным аспирантам, большинство из которых успешно защищали кандидатские диссертации. Активная деятельность факультета в данной сфере определялась также тем фактом, что в течение многих лет должность заместителя декана по работе с иностранными студентами занимал профессор химфака Г.Б. Сергеев, а специализированные курсы для иностранных абитуриентов возглавлял его коллега профессор В.В. Карелин (2).

Состав иностранного студенческого контингента в советских вузах, в том числе на химических факультетах, определялся ситуацией на международной арене. Так, в эпоху сближения СССР и КНР в нашей стране обучалось много китайской молодежи. В 1970-е – 1980-е гг. университеты СССР готовили будущих химиков для многих государств мира; примерно 50% иностранного студенческого контингента химических факультетов вузов составляли представители стран социалистического лагеря – Польши, ГДР, Венгрии, Болгарии, Монголии и др.

Особый интерес у иностранной молодежи вызывало обучение по перспективным междисциплинарным направлениям химии, а также по программам, связанным с развитием ядерной энергетики. Например, в конце 1950-х – начале 1960-х гг. количество стажеров из Венгрии, Индии, Китая и других стран на кафедре радиационной химии Московского университета порой превышало численность ее сотрудников (3).

В начале 1980-х гг. на химфак МГУ прибыла большая группа кубинцев, проходивших целевую подготовку для работы в ядерном центре Кубы. Всего химический факультет МГУ в советский период окончило более 1500 человек из Индии, Чили, Мексики, Греции, Финляндии, Италии, Франции, США, Японии. Многие из них стали руководителями химических предприятий и научно-производственных центров, а также профессорами ведущих национальных университетов, известными учеными-химиками.

Начало 1960-х гг. ознаменовалось распадом мировой колониальной системы, вследствие чего в Азии, Африке возникли десятки независимых государств. В большинстве из них наблюдалась нехватка собственной интеллигенции, инженеров, врачей и других квалифицированных специалистов. Помощь в решении этой проблемы являлась важным фактором политики СССР по вовлечению развивающихся стран в орбиту своего влияния. Советский Союз оказал помощь молодым государствам в подготовке квалифицированных специалистов для народного хозяйства.

В феврале 1960 г. в Москве был открыт Университет дружбы народов (4) (УДН; с 1961 г. – имени Патриса Лумумбы), который стал наряду с МГУ имени М.В. Ломоносова вторым столичным центром университетской хи-

мии. Информация о деятельности Университета дружбы народов распространялась через информационные агентства ТАСС и АПН в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Брошюры об учебных программах, правилах приема и порядке поступления в университет на английском, французском и испанском языках рассылались в посольства, институты культурного сотрудничества, общества дружбы с СССР, министерства образования различных стран. В 1965 г. Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы подтвердил свой статус, войдя в Международную ассоциацию университетов.

Уже в первый год существования Университета дружбы народов число абитуриентов в десятки раз превысило количество учебных мест. В 1961 г. в университет было принято 538 иностранных граждан из 65 стран и 59 советских студентов, переведенных из других вузов.

С 1 октября 1960 г. начались занятия на подготовительном факультете Университета дружбы народов, а с 1 сентября 1961 г. – на шести основных факультетах. В образовательные программы физико-математических и естественных наук, медицинского и сельскохозяйственного факультетов входило изучение химии. На факультете физико-математических и естественных наук, согласно структуре учебных подразделений университета, утвержденной в 1961–1962 гг., были организованы кафедры органической и неорганической химии, а в 1963–1964 учебном году начала работать кафедра физической и коллоидной химии; на медицинском факультете УДН имени П. Лумумбы действовали кафедры биохимии и фармакологии, а на сельскохозяйственном факультете – кафедра агрохимии.

В период становления УДН имени П. Лумумбы его профессорско-преподавательскому корпусу, в том числе сотрудникам химических кафедр, приходилось преодолевать значительные трудности при организации учебного процесса и научно-исследовательской работы. Набор студентов и их обучение велись одновременно с формированием институциональной структуры, развитием материально-технической и кадровой базы университета. Впервые в практике советской высшей школы специалистами УДН имени П. Лумумбы создавались и успешно проходили апробацию новые методики работы с интернациональным студенческим контингентом.

Перед педагогическим коллективом Университета дружбы народов, как и других вузов, работавших с иностранными студентами, стояла сложная задача по организации обучения молодых людей, большинство из которых обладало слабым знанием русского языка и нередко недостаточным уровнем общеобразовательной подготовки для усвоения университетского курса (5). Специалистами химических кафедр университета были разработаны адаптированные учебные курсы для абитуриентов, предполагавших специализироваться по естественным наукам. Так, в начале 1961 г. на методических совещаниях кафедры органической химии УДН проводилось обсуждение программы занятий со студентами подготовительного факультета, которая включала общие понятия о строении веществ, их химических и физических свой-

ствах и др. На последующих занятиях иностранным студентам демонстрировались опыты по разделению смесей, рассматривались типы химических реакций, классы неорганических соединений и др. (6).

Сотрудниками кафедры неорганической химии УДН имени П. Лумумбы был также разработан краткий курс химии для подготовительного факультета, составлены программы и лекции по общей химии, лабораторные практикумы по физико-химическому анализу и рентгенофазовому анализу.

Образовательная деятельность кафедр химического цикла УДН имени П. Лумумбы предполагала решение нескольких основных задач (7):

- 1) преподавание базовых химических дисциплин (неорганической, аналитической, органической, физической и коллоидной химии) в форме лекций, семинаров и лабораторных практикумов;
- 2) специализация студентов, обучающихся по специальности «химия»;
- 3) научно-исследовательская работа с привлечением студентов, обучающихся по специальности «химия»;
- 4) подготовка аспирантов.

В марте 1964 г. в Университете дружбы народов имени П. Лумумбы состоялись первые занятия со студентами по физической химии, атомной физике, минералогии. Хотя финансирование материально-технической базы подготовки химиков в университете в 1960-х гг. осуществлялось в ограниченном объеме, руководство нового вуза и его профессорско-преподавательский коллектив вкладывали все свои знания и энтузиазм в развитие естественнонаучного сектора университета. В частности, за счет внутренних ресурсов вуза обустроивалось помещение лаборатории рентгеноструктурного анализа и кристаллографии при кафедре неорганической химии (8).

В начальный период деятельности университета для обучения студентов химическим дисциплинам привлекались специалисты из других университетов и химико-технологических вузов, а также использовались их учебные площади и материально-технические ресурсы. Например, в 1963–1964 учебном году на базе кафедры общей химии Московского института тонких химических технологий был прочитан теоретический курс и проведен лабораторный практикум по общей химической технологии для студентов-химиков III курса УДН имени П. Лумумбы.

В становлении и развитии химической школы Университета дружбы народов принимали участие профессора и преподаватели из МИТХТ и МГУ имени М.В. Ломоносова (9). Как отмечалось в отчетах, кафедрам химического цикла университета удалось добиться значительных успехов в организации работы со студентами и приобщении их к научной деятельности начиная с младших курсов. Молодой центр университетского химического образования следовал классическим традициям подготовки химиков-исследователей, сложившихся в российских университетах еще в дореволюционную эпоху и получивших устойчивое развитие в советский период.

Важнейшее значение для становления Университета дружбы народов имени П. Лумумбы как авторитетного центра подготовки химиков-исследователей имела научно-исследовательская работа, проводившаяся сотрудниками химических кафедр УДН. В том числе коллектив кафедры органической химии в середине 1960-х гг. занимался под руководством профессора Н.С. Простакова созданием новых путей синтеза пиридиновых и пиперидиновых систем и их конформационным анализом. Кафедрой неорганической химии в сотрудничестве с Институтом неорганической химии АН СССР, Институтом тонкой химической технологии, химическим факультетом МГУ имени М.В. Ломоносова велись актуальные исследования проблем химии комплексных соединений редких и рассеянных элементов. Работы в области катализа и адсорбции осуществлялись специалистами кафедры физической и коллоидной химии во главе профессором В.М. Грязновым с привлечением наиболее талантливых студентов, выполнявших спецпрактикумы и дипломные работы, соответствующие тематике (10).

Большое внимание при преподавании химических дисциплин в УДН имени П. Лумумбы уделялось лабораторной практике студентов. При создании университета предполагалась организация собственной лабораторной базы для кафедр естественнонаучного профиля. В частности, было запланировано оборудовать кафедральные лаборатории неорганической, аналитической, органической, физической и коллоидной химии, лабораторию микроанализа, лабораторию технологии лекарственных веществ, лабораторию дипломных работ и преподавателей, лабораторию аспирантов, а также методические кабинеты, раздаточные препаратерские, помещения и другое (11).

Заведующий кафедрой органической химии профессор Н.С. Простаков подчеркивал: «Преподаватель кафедры химии не может быть без рабочего места – лабораторного стола... У химиков – главное рабочее место – физическое» (12).

Учебно-лабораторное и демонстрационное оборудование для химических лабораторий и кабинетов университета заказывалось в Московском институте химического машиностроения, Калининском торфяном институте, в Экспериментальных мастерских физического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и Московском химико-технологическом институте имени Д.И. Менделеева, а также в Ленинградском химико-технологическом институте (13). В 1970 г. в Университете дружбы народов была открыта отраслевая научно-исследовательская лаборатория катализа.

Интерес иностранных студентов к химическим наукам реализовывался помимо основных форм занятий в научных кружках, организованных на кафедрах химического цикла с учетом практических потребностей учащейся молодежи из той или иной страны. Так, студенты из Аргентины, Бразилии, Индонезии, Индии, ряда молодых африканских государств предпочитали специализироваться в области химии редких и цветных металлов в соответствии с характером добывающей промышленности своих стран. Для многих студентов и аспирантов УДН имени П. Лумумбы представляли практический

интерес сельскохозяйственные науки, включая агрохимию (в 1965–1968 гг. на соответствующей кафедре специализировалось более 20 человек) (14).

Студенты Университета дружбы народов имени П. Лумумбы, специализировавшиеся в области химии, посещали химические предприятия Москвы и Подмосковья (химзавод «Акрахим» и др.), где знакомились с технологиями и организацией производства, деятельностью заводских химических лабораторий и т.п. Будущие химики из различных стран мира проходили производственную практику на Лисичанском и Воскресенском химических комбинатах, на Калужском химическом комбинате душистых веществ и др. Уже в первые годы деятельности химических кафедр университета на их базе развивалась послевузовская подготовка химиков-исследователей. К 1968 г. закончили аспирантуру и защитили кандидатские диссертации по химическим наукам 11 выпускников УДН имени П. Лумумбы (15).

На преподавательский корпус Университета дружбы народов имени П. Лумумбы возлагались дополнительные педагогические функции, определявшиеся спецификой студенческого контингента. Во внеучебное время преподаватели занимались общественной работой, уделяя особое внимание в силу специфики вуза интернациональному воспитанию студенческой молодежи (16). Как видно из документов архива университета, эту работу выполняли и сотрудники химических кафедр.

В целом, взаимоотношения между профессорско-преподавательскими коллективами химических кафедр и иностранными студентами носили позитивный и доверительный характер. Например, в одном из отчетов кафедры органической химии начала 1960-х гг. сообщалось: «Беседы со студентами ведутся на кафедре почти ежедневно и в любое время. Часто преподаватели сами вызывали студентов на откровенные беседы. Надо сказать, что мы не встречали неоткровенных или враждебных взглядов» (17).

Однако в рассматриваемый период существовали и вполне реальные проблемы, осложнявшие внутреннюю жизнь университета, в том числе конфликты в студенческой среде и вражда между группировками студентов из ряда африканских стран, что неблагоприятно сказывалось на учебной работе (18).

В целом, подготовка специалистов в области химии являлась одним из наиболее авторитетных и динамично развивающихся направлений в образовательной деятельности УДН имени П. Лумумбы. В 1985 г. была издана красочная брошюра, посвященная Университету дружбы народов имени П. Лумумбы, в которой учебный план по специальности «химия» представлялся в качестве образца, характеризующего образовательную работу Университета (19).

Еще одним важным направлением в деле подготовки профессиональных кадров в послевоенные десятилетия стало развитие связей сотрудников и выпускников университетов Урала, Сибири и других регионов с местными промышленными и сельскохозяйственными предприятиями, а также с учебными заведениями. Так, например, все кафедры химического факуль-

тета Томского университета «оказывали повседневную помощь консультациями работникам производств и вузов Западной Сибири в научных исследованиях и повышении квалификации» (20). Специалисты химического факультета Пермского университета консультировали работников Камской ГЭС и т.п.

Университетские города на востоке страны в 1970-е – 1980-е гг. являлись в то же время центрами химической промышленности, что оказывало существенное влияние на проблематику научных исследований, курсовых и дипломных работ, организацию производственной практики студентов химических факультетов. Нередко потребности местных предприятий непосредственно воздействовали на организацию учебного процесса.

Так, например, на химическом факультете Омского университета в 1980-е гг. программа производственной практики студентов составлялась с учетом организации непрерывной научно-производственной практики, на первом курсе студенты занимались в лабораториях кафедр, на втором – выполняли функции лаборантов в центральных заводских лабораториях предприятий по совершенствованию аналитического контроля производства. С третьего курса начиналась ознакомительная производственная практика, которая предполагала работу на производстве в должности сменного мастера; на четвертом курсе – на установках и в качестве аппаратчика, а на пятом – техникостажером. Некоторые студенты пятого курса работали на Омском заводе пластмасс непосредственно на рабочих местах и получали заработную плату (21).

В 1977 г. в 38 университетах СССР действовали самостоятельные химические факультеты, в 16 университетах – химико-биологические и биолого-химические факультеты, в 4 университетах специализация по химии велась на факультетах естественных наук.

Подготовка инженерных кадров химиков-технологов для химической и смежных с ней отраслей промышленности успешно осуществлялась в 17 технологических и химико-технологических институтах и на химико-технологических факультетах и отделениях других высших технических учебных заведений. Обучавшиеся здесь студенты-иностранцы имели реальную возможность не только получить фундаментальные знания по теоретической химии, но и обрести практические навыки, необходимые на производстве.

Одной из форм международного сотрудничества связи университетской химической школы СССР в сфере подготовки специалистов являлись зарубежные командировки профессоров и доцентов химических факультетов в социалистические и развивающиеся страны – Китай, Алжир, Афганистан, Монголию, Индию, на Кубу и др.

Например, профессор Московского университета Н.А. Бах преподавал курс радиационной химии в Китае. Создатель уральской научной школы полимерной химии, профессор А.А. Тагер в 1973 г. читала лекции в Институте макромолекулярной химии в Праге и Софийском технологическом институте, а ее коллега доцент Е.В. Ткаченко – лекции для преподавателей и студентов химического факультета университета Павии и инженерного факуль-

тета Туринского политехнического института (Италия). В 1970-е – 1980-е гг. Иркутский университет имел постоянные связи с рядом вузов. В частности, преподаватели химического факультета Иркутского университета оказывали методическую помощь университету в Улан-Баторе (Монголия), а также выезжали в столицу МНР для чтения лекций (22).

Научные труды и учебная литература по химии, издававшаяся советскими университетами, привлекали внимание иностранных специалистов, в том числе в странах, осуществлявших в послевоенные десятилетия внедрение новейших промышленных технологий. Например, научная работа свердловских ученых-химиков Н.С. Смирнова, Н.Е. Простакова и Я.И. Липкина «Очистка поверхности стали» в 1980 г. была переведена на японский язык (23).

Необходимо подчеркнуть, что по линии международного сотрудничества осуществлялось также и повышение профессиональной квалификации преподавательского корпуса химических факультетов университетов. В частности, с 1959 г. несколько сотрудников химического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова направлялись на зарубежные стажировки по линии Минвуза. В некоторые годы они составляли до 40% всех кандидатов, рекомендовавшихся от Московского университета для поездок за границу. Сотрудники химфака стажировались в Великобритании, Италии, США, Японии.

Во время пребывания за рубежом они нередко имели возможность использовать новейшее оборудование, а главное ЭВМ, что обеспечивало высокую эффективность научной работы (24). В то же время ознакомление советских ученых-химиков с миром иностранной химической науки в условиях «холодной войны» осуществлялось под достаточно жестким контролем: кандидаты на зарубежную стажировку проходили отбор по линии партийно-комсомольских органов и минвуза, они проходили собеседование по иностранному языку и социально-экономическим дисциплинам.

Находясь за рубежом, стажеры работали по заранее определенному плану; ограничивалось количество университетов и научных центров, которые они могли посещать. Валютные средства выдавались в минимальном объеме, не позволявшем приобретать за рубежом новейшую научную литературу (25).

Следует отметить, что в 1970-е – 1980-е гг. регулярно проводились зарубежные стажировки советских студентов химических факультетов в социалистических странах. Например, от химического факультета МГУ более 30 человек ежегодно направлялось для прохождения производственной практики в ГДР, Чехословакию, Венгрию, Польшу.

Обучение иностранных студентов являлось одним из направлений образовательной деятельности химических факультетов университетов СССР вплоть до конца 1980-х гг. В 1987 г. в вузах РСФСР обучались иностранные граждане из 120 стран мира, а межвузовское сотрудничество на договорной основе велось с 62 зарубежными вузами (26).

В начале 1990-х гг. после распада СССР и системы социалистического содружества была прекращена практика обучения иностранных студентов за

счет государственного бюджета. Кроме того, ухудшение финансового положения высшей школы повлияло на качество образовательного процесса, организацию быта и досуга студентов. Данные обстоятельства определили существенное сокращение контингента иностранных студентов в университетах России, в том числе специализирующихся на химических факультетах и кафедрах.

Следует подчеркнуть, что в этот период снижается интерес абитуриентов к химическому образованию в целом. Конкурс на химических факультетах российских вузов в начале 1990-х гг. заметно снизился; в большинстве университетов в 1992 г. он составил 1,5–1,9 человек на место, в то время как на юридические и экономические факультеты конкурс превышал 8–10 человек (27).

При этом услуги по подготовке иностранных специалистов в области химии и смежных дисциплин оставались востребованными: некоторые вузы на начальном этапе реформ выживали именно за счет коммерческой подготовки иностранного студенчества. Так, в 1993 г. на базе химического и биолого-почвенного факультетов Воронежского государственного университета и Воронежской государственной медицинской академии был создан «Межвузовский международный фармацевтический факультет», открывший подготовку специалистов-провизоров по специальности «фармация», на котором обучались студенты из Марокко и Сирии (28).

В целом, сегодня отечественные центры университетского химического образования – Российский университет дружбы народов, Московский, Санкт-Петербургский, Казанский, Уральский и другие классические университеты – сохранили высокий уровень учебной и научно-исследовательской работы, в том числе подтвердили свои позиции на международном рынке образовательных услуг. В конце 1990-х гг. начинается постепенный рост численности абитуриентов химических факультетов в ведущих университетах страны, причем среди них присутствует молодежь из стран ближнего зарубежья (29). В 2000-е гг. в РУДН, МГУ имени М.В. Ломоносова, СПбГУ и других университетах успешно осуществляется обучение по химическим специальностям студентов из стран Азии, Африки, Латинской Америки, а также из СНГ, Европы, США, Канады, Австралии и Новой Зеландии (30).

В частности, в Дальневосточном государственном университете наблюдается спрос на образовательные услуги в области подготовки квалифицированных химиков со стороны Китая и других государств Азиатско-Тихоокеанского региона. Рост иностранного студенческого контингента в Иркутском, Новосибирском и других региональных университетах России ставит перед их педагогическими коллективами ряд сложных методических проблем, связанных в том числе с языковой подготовкой абитуриентов, спецификой обучения будущих химиков в полностью иностранных и смешанных группах (31).

Одним из аспектов данной проблемы было включение высшей школы России в Болонский процесс, начатое в экспериментальном порядке уже в первой половине 1990-х гг.

Несмотря на неоднозначность данного направления образовательной реформы, для большинства иностранных студентов являлось привлекательным построение образовательного процесса по западному образцу. Это, соответственно, позволяло получать профессиональные квалификации, формально созвучные запросам зарубежного рынка труда. Одним из первых двухуровневую систему подготовки кадров ввел Российский университет дружбы народов. В 1992 г. по специальности «химия», окончившим первую ступень (5 лет обучения, включая подготовительный факультет) вручался диплом бакалавра и удостоверение преподавателя химии в средних учебных заведениях и технических вузах. После окончания второй ступени (2 года магистратуры) выпускники получали диплом магистра и право преподавания в вузах и средних специальных учебных заведениях. Полученная студентами квалификация магистра предполагала самостоятельную научно-исследовательскую и педагогическую работу в НИИ, научно-производственных лабораториях, университетах (32).

В 1998 г. на XVI Менделеевском съезде специалистами РУДН был представлен вариативный учебный план подготовки бакалавров по направлению 510500 – Химия, особенностью которого являлась усиленная подготовка студентов по математике и физике на первых двух курсах и повышенный теоретический уровень базовых химических курсов, а также устранение дублирования ряда специальных дисциплин (33).

Химические кафедры РУДН участвовали в процессе внедрения в учебный процесс новых методов обучения и оценки знаний студентов. В соответствии с приказом Министерства образования и науки РФ от 29 июля 2005 г. «Об инновационной деятельности высших учебных заведений по переходу на систему зачетных единиц» в российских вузах началось внедрение балльно-рейтинговой модели оценки текущей и итоговой успеваемости студентов. В частности, с 2006–2007 учебного года на химических и других естественных факультетах ряда российских университетов в экспериментальном порядке была введена система зачетных единиц или т.н. «кредитов» – ECTS (European Credit Transfer System).

Данная модель описания учебного процесса заключалась в присвоении его отдельным компонентам «стоимости» в кредитных единицах. Рабочая нагрузка студента очной формы обучения в течение одного года составляла 60 «кредитов». Преподаватели химических кафедр РУДН после двух лет применения ECTS оценивали эту систему как достаточно эффективную и способствующую росту успеваемости студентов (34).

На базе РУДН в апреле 2008 г. состоялась Всероссийская конференция по проблемам математики, информатики, физики и химии, в ходе которой обсуждались следующие вопросы: методика обучения химии в высшей шко-

ле, вопросы подготовки современных учебников и пособий по дисциплинам химического профиля (35).

В целом, исторический опыт подготовки иностранных специалистов в области химических наук в российских университетах в 1950-е – 2000-е гг. показал высокий уровень отечественной высшей школы, ее соответствие международным стандартам, а также лидирующие позиции в создании и реализации образовательных программ по ряду специальностей химического профиля. Развитие международного сотрудничества химических факультетов и кафедр университетов является одним из факторов модернизации высшего химического образования России в начале XXI в. и способствует повышению конкурентоспособности российских университетов на мировом рынке образовательных услуг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Химический факультет / МГУ имени М.В. Ломоносова. – М., 1977. – С. 33.
- (2) *Сергеев Г.Б.* Химический факультет сквозь призму лет: Воспоминания. – М., 2011. – С. 47–51.
- (3) Ленар Тимофеевич Бугаенко: очерки, воспоминания, материалы. – М., 1978. – С. 7.
- (4) Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 6 февраля 1960 г. № 130.
- (5) Центральный архив города Москвы (ЦАГМ). – Ф. 3061. – Оп. 1. – Д. 1548. – Л. 51.
- (6) ЦАГМ. – Ф. 3061. – Оп. 1. – Д. 48. – Л. 1–6.
- (7) ЦАГМ. – Ф. 3061. – Оп. 1. – Д. 48. – Л. 16.
- (8) ЦАГМ. – Ф. 1609. – Оп. 2. – Д. 305. – Л. 1.
- (9) ЦАГМ. – Ф. 1609. – Оп. 2. – Д. 305. – Л. 95.
- (10) ЦАГМ. – Ф. 1609. – Оп. 2. – Д. 558. – Л. 30–31.
- (11) ЦАГМ. – Ф. 3061. – Оп. 1. – Д. 48. – Л. 17.
- (12) ЦАГМ. – Ф. 3061. – Оп. 1. – Д. 48. – Л. 17, 22.
- (13) ЦАГМ. – Ф. 3061. – Оп. 1. – Д. 48. – Л. 10, 11.
- (14) ЦАГМ. – Ф. 1609. – Оп. 2. – Д. 891. – Л. 37.
- (15) ЦАГМ. – Ф. 1609. – Оп. 2. – Д. 891. – Л. 16–17.
- (16) ЦАГМ. – Ф. 3061. – Оп. 1. – Д. 987. – Л. 3.
- (17) ЦАГМ. – Ф. 1609. – Оп. 2. – Д. 305. – Л. 1.
- (18) ЦАГМ. – Ф. 3061. – Оп. 1. – Д. 1548. – Л. 35–38.
- (19) *Станис В.Ф.* Университет во имя мира и дружбы. – М., 1985. – С. 19–20.
- (20) Химический факультет Томского государственного университета. (К 70-летию образования). – Томск, 2002. – С. 26.
- (21) *Попов А.М.* Мы были первые. Летопись химического факультета. – Омск, 2002. – С. 34.
- (22) *Черняк А.Я.* Сотрудничают химики Иркутского университета и Улан-Батора // Вестник высшей школы. – 1978. – № 8. – С. 86.
- (23) Уральский университет (1920–1981). Хроника. – Свердловск, 1982. – С. 47.
- (24) *Сергеев Г.Б.* Химический факультет сквозь призму лет: Воспоминания. – М., 2011. – С. 47–51, 80.
- (25) Там же. – С. 66–67.
- (26) Высшее образование в РСФСР. – М., 1987. – С. 4.
- (27) Университеты России в 1992 г.: Справочник / НИИ высшего образования. – М., 1994. – С. 20, 23, 34 и др.

- (28) Из истории факультета // Сайт Химического факультета Воронежского государственного университета. Электронный ресурс. Код доступа: <http://www.chem.vsu.ru/content/main/history.html>
- (29) Лунин В.В., Кузьменко Н.Е., Еремин В.В. Новые подходы к взаимодействию средней и высшей школы в области химического образования // XVI Менделеевский съезд по общей и прикладной химии. – М., 1998. – Т. 1. – С. 393.
- (30) Иностранцы студенты в российских вузах: мотивы приезда и перспективы трудоустройства. Электронный ресурс. Код доступа: <http://www.bestreferat.ru/referat-79873.html>
- (31) Колотова К.Х. и др. Некоторые подходы к обучению химии иностранных студентов // Химия и химическое образование: Сборник трудов 5-го Международного симпозиума, 12–18 сентября 2011 г. – Владивосток, 2011. – С. 276–678.
- (32) Университеты России в 1992 года: Справочник / НИИ высшего образования. – М., 1994. – С. 76–79.
- (33) Венсковский Н.У., Есина Н.Я., Молодкин А.К., Темурова Т.С. Об учебном плане подготовки бакалавров по направлению 510500 – Химия // XVI Менделеевский съезд по общей и прикладной химии. – М., 1998. – Т. 1. – С. 365–366.
- (34) Давыдов В.В., Невская Е.Ю., Сафир Р.Е. Преподавание химии в РУДН для специалистов химических и нехимических специальностей в условиях перехода от традиционной системы обучения к системе ECTS // Химия и общество. Грани взаимодействия: вчера, сегодня, завтра: Материалы Юбилейной научной конференции, посвященной 80-летию Химического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, 25–28 ноября 2009 г.). – М., 2009. – С. 16.
- (35) XLIV Всероссийская конференция по проблемам математики, информатики, физики и химии 21–25 апреля 2008 года: Тезисы докладов. – М., 2008. – С. 4.

REFERENCES

- (1) *Himicheskij fakul'tet / MGU imeni M.V. Lomonosova* [Department of Chemistry / M.V. Lomonosov Moscow State University]. Moscow, 1977, p. 33.
- (2) Sergeev G.B. *Himicheskij fakul'tet skvoz' prizmu let: Vospominanija* [Sergeev G.B. Department of Chemistry through a prism of years: Memoirs]. Moscow, 2011., pp. 47–51.
- (3) *Lenar Timofeevich Bugaenko: ocherki, vospominanija, materialy* [Lenar Timofeevich Bugaenko: sketches, memoirs, materials]. Moscow, 1978, p. 7.
- (4) *Postanovlenie CK KPSS i Soveta ministrov SSSR* [The resolution of the Central Committee of CPSU and Council of ministers of the USSR], February 6, 1960, no. 130.
- (5) Central Archive of Moscow (CAM), f. 3061, op. 1, d. 1548, l. 51.
- (6) CAM, f. 3061, op. 1, d. 48, l. 1–6.
- (7) Ibid.
- (8) Ibid., f. 1609, op. 2, d. 305, l. 1.
- (9) Ibid., l. 95.
- (10) Ibid. d. 558, l. 30–31.
- (11) Ibid., op. 1, d. 48, l. 17.
- (12) Ibid., l. 17, 22.
- (13) Ibid., l. 10–11.
- (14) Ibid., op. 2, d. 891, l. 37.
- (15) Ibid., l. 16–17.
- (16) Ibid., op. 1, d. 987, l. 3.

- (17) Ibid., op. 2, d. 305, l. 1.
- (18) Ibid., op. 1, d. 1548, l. 35–38.
- (19) Stanis V.F. *Universitet vo imja mira i druzhby* [Stanis V.F. University for the sake of the world and friendship]. Moscow, 1985, pp. 19–20.
- (20) *Himicheskij fakul'tet Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. (K 70-letiju obrazovanija)* [Department of Chemistry of Tomsk state university. (To the 70 anniversary of formation)]. Tomsk, 2002, p. 26.
- (21) Popov A.M. *My byli pervye Letopis' himicheskogo fakul'teta* [We were the first. Chronicle of the Department of Chemistry]. Omsk, 2002, p. 34.
- (22) Chernjak A.Ja. *Vestnik vysshej shkoly – Bulletin of the higher school*, 1978, no 8, p. 86.
- (23) *Ural'skij universitet (1920–1981). Hronika* [Ural university (1920–1981). Chronicle]. Sverdlovsk, 1982, p. 47.
- (24) Sergeev G.B. *Himicheskij fakul'tet skvoz' prizmu let: Vospominanija* [Department of Chemistry through a prism of years: Memoirs]. Moscow, 2011. pp. 47–51, 80.
- (25) Ibid., pp. 66–67.
- (26) *Vysshee obrazovanie v RSFSR* [The higher education in RSFSR]. Moscow, 1987, p. 4.
- (27) *Universitety Rossii v 1992 g.: Spravochnik. NII vysshego obrazovanija* [Universities of Russia in 1992: Directory. Scientific research institute of the higher education]. Moscow, 1994, pp. 20, 23, 34, etc.
- (28) *Iz istorii fakul'teta* [From faculty history], available at: <http://www.chem.vsu.ru/content/main/history.html>
- (29) *XVI Mendeleevskij sezd po obshhej i prikladnoj himii* [The XVI Mendeleev congress in the general and applied chemistry]. Moscow, 1998, vol. 1, p. 393.
- (30) *Inostrannye studenty v rossijskikh vuzah: motivy priezda i perspektivy trudoustrojstva* [Foreign students in the Russian higher education institutions: motives of arrival and employment prospect], available at: <http://www.bestreferat.ru/referat-79873.html>
- (31) Kolotova K.H. *Himija i himicheskoe obrazovanie: Sbornik trudov 5-go Mezhdunarodnogo simpoziuma, 12–18 sentjabrja 2011 g.* [Proceedings of the 5th International symposium “Chemistry and chemical education”. September 12-18, 2011]. Vladivostok, 2011, pp. 276–678.
- (32) *Universitety Rossii v 1992 g.* [Universities of Russia in 1992], pp. 76–79.
- (33) Venskovsky N.U., Yesina N.Ya., Molodkin A.K., Temurova T.S. *XVI Mendeleevskij sezd po obshhej i prikladnoj himii* [The XVI Mendeleev congress in the general and applied chemistry]. Moscow, 1998, vol. 1, pp. 365–366.
- (34) Davidov V.V., Nevsky E.Yu., Safir R.E. *Himija i obshhestvo. Grani vzaimodejstvija: vchera, segodnja, zavtra: Materialy Jubilejnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 80-letiju Himicheskogo fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova (Moskva, 25–28 nojabrja 2009 g.)* [Proceedings of the Anniversary scientific conference “Chemistry and society. Interaction sides: yesterday, today, tomorrow” devoted to the 80 anniversary of Department of Chemistry of M.V. Lomonosov Moscow State University. November 25–28, 2009]. Moscow, 2009, p. 16.
- (35) *XLIV Vserossijskaja konferencija po problemam matematiki, informatiki, fiziki i himii 21–25 aprelja 2008 goda: Tezisy dokladov* [XLIV All-Russian conference on problems of mathematics, informatics, physics and chemistry. April 21–25, 2008. Theses of reports]. Moscow, 2008, p. 4.

**TRAINING OF FOREIGN EXPERTS
IN SYSTEM OF UNIVERSITY CHEMICAL EDUCATION OF RUSSIA
(THE 1950TH – THE 2000TH)**

K.V. Oskolok

Analytical Chemistry Division
M.V. Lomonosov Moscow State University
Vorob'evy gory, Chemistry Department, Moscow, Russia, 119991

The paper is written on the basis of the research fulfilled by the author which purpose is studying of historical experience of activity of the Russian universities and institutes of Academy of Sciences of the USSR (Russian Academy of Sciences) on training of the qualified research chemists. The author of article came to conclusion that mass training of research chemists from among foreign citizens began at universities of the USSR in the second half of the XX century and chemical faculties and chairs of Lomonosov Moscow State University, Peoples' Friendship University named after Lumumba and some other universities of RSFSR were pioneers in this important issue. Essential help to the Soviet universities in formation of research chemists was given by profile institutes of Academy of Sciences of the USSR. Work of the Soviet professors and teachers with foreign students promoted development of international relations of chemical faculties and chairs of universities of the USSR with foreign colleagues, first of all from the countries of national democracy (the socialist states of Europe and Asia). The Soviet experience of training of research chemists in universities was very demanded in system of university chemistry of the Russian Federation.

Key words: Lomonosov Moscow State University, Peoples' Friendship University of Russia (University of Peoples' Friendship named after Lumumba), Russian system of university chemical education, foreign experts.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1980-Е–2000-Е ГГ.: ДИНАМИКА ПРИОРИТЕТОВ В СФЕРЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

М.А. Симонова

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются основные направления взаимодействия государства и Русской Православной Церкви в 1980–2000-х гг. Характеризуются основные этапы государственно-конфессиональных отношений в России. Рассматриваются ключевые проблемы и тенденции в процессе изменения законодательства в контексте социально-политических процессов. Проведенный анализ позволил установить специфику взаимодействия государственных органов исполнительной власти и религиозных организаций в контексте изменения законодательства в рассматриваемый период.

Ключевые слова: государственная политика, Русская Православная Церковь, Архиерейский Собор, Поместный Собор, религиозные организации.

На современном этапе своего развития Российское государство проявляет крайний интерес к возможностям, открывающимся во взаимодействии с Русской Православной Церковью (РПЦ). Этот интерес варьируется от переоценки роли церкви в обществе до изменения собственно нормативно-правовых основ ее деятельности. В связи с этим представляется значимым период 1980–2000-х гг. в российской истории для выявления факторов, влияющих на развитие государственно-церковных отношений.

К середине 1980-х гг. стало очевидным, что курс государственного руководства на сдерживание воспроизводства религиозного сознания и деятельности церкви привел к накоплению проблем, связанных прежде всего с ее пра-

вовым статусом. Отсутствие необходимого законодательства приводило к углублению проблем, связанных с передачей РПЦ пустующих церковных и монастырских комплексов, увеличением тиража церковной литературы, возможностью осуществления благотворительной деятельности и т.п.

В условиях перестройки, которые определили для церкви совершенно новые возможности в отношении с государством, диссонанс между социальной ролью и правовыми возможностями РПЦ стал особенно заметен.

Ответом на изменения перестроечного периода стал созыв Поместного Собора 1988 г., на котором в том числе обсуждались вопросы относительно возможности предоставления церкви прав юридического лица, вероисповедных прав верующих и духовенства, церковной собственности. По новому Уставу об управлении Русской Православной Церковью, заменившему Положение об управлении Русской Православной Церковью 1945 г., устанавливалась новая система церковного управления, в которой курс церкви в государстве могла определять только Патриархия. При этом большая роль отводилась мирянам в делах общины, что свидетельствовало о нормативном закреплении двух тенденций в деятельности РПЦ: централизации системы церковного управления в сочетании с демократизацией церковной деятельности.

В примечании к Уставу оговаривалось его соответствие действующему законодательству, что не отвечало действительности вплоть до принятия в 1990 г. закона «О свободе вероисповеданий». Данный факт свидетельствовал об изменениях в сфере государственно-церковных отношений также, как и рост числа зарегистрированных религиозных объединений: по состоянию на 1985 г. их количество у РПЦ составляло 6806, в 1990 г. – 10110 (увеличение на 32,7%) (1).

Изменения в нормативно-правовой базе государства оказывали непосредственное влияние на определение приоритетов в деятельности церкви. Так, в ст. 39 Закона о выборах народных депутатов СССР 1988 г. оговаривалось, что общественные организации могли выдвигать кандидатов в народные депутаты также из числа священнослужителей (2).

Представители церкви как депутаты республиканских, областных, местных советов активно включались в общественно-политическую деятельность. Широкий общественный резонанс в СССР и за рубежом получил факт избрания патриарха Пимена, митрополита Алексия (Ридигера) и митрополита Питирима (Нечаева) народными депутатами СССР.

Данный период массового участия священнослужителей в выборах и, соответственно, в законотворческой деятельности продолжался до октября 1989 г., когда на Архиерейском Соборе РПЦ было принято решение о необходимости участия священнослужителей в данной деятельности исключительно с согласия священноначалия. Это объяснялось очевидной угрозой подрыва авторитета церкви, т.к. участие ее представителей в общественно-политической деятельности приводило к тому, что РПЦ вынуждена была

нести ответственность за все принимаемые в тот период политические решения в условиях нарастающего системного кризиса в государстве.

В 1990-х гг. решениями Архиерейских Соборов были установлены санкции к тем священнослужителям, которые продолжают заниматься политической деятельностью. РПЦ исключила политическую деятельность из числа своих приоритетов и заявила о намерении стать консолидирующей силой в стране.

В этот период представители РПЦ приняли активное участие в обсуждении проекта Закона СССР о свободе совести и религиозных организациях (3). В этом Законе и Законе РСФСР «О свободе вероисповеданий» за приходами, церковными учреждениями закреплялись права юридического лица (4). С появлением данных законов религиозные организации получали возможность защищать свои интересы в суде, иметь в собственности недвижимость, участвовать в общественной жизни.

Однако новая нормативно-правовая база была весьма противоречивой в отношении деятельности церкви в сфере образования. Ст. 6 Закона СССР религиозным организациям, имеющим зарегистрированные в установленном порядке уставы, предоставлялось право создавать как учебные заведения, так и учебные группы, организовывать обучение детей в иных формах. Законом РСФСР предоставлялось право преподавания Закона Божьего не только в церковных школах, при храмах, но и в государственных образовательных учреждениях на факультативной основе. Кроме того, теперь религиоведческие, религиозно-познавательные и религиозно-философские дисциплины могли наряду с традиционными общеобразовательными дисциплинами составлять учебную программу государственных учебных заведений.

Новое законодательство, упразднившее Совет по делам религий, вызвало волну критики со стороны многих религиоведов и политиков. Речь шла о том, что наличие органа государственного управления, занимающегося религиозными вопросами, априори позволит устранять и оперативно решать все проблемы во взаимодействии государства и церкви.

Примечательно, что РПЦ в 1990-х гг. активно противостояла всем попыткам создать подобный государственный орган, тем более что принятое законодательство создавало благоприятные условия для активного участия церкви в масштабной социальной деятельности. В свою очередь, государство, находясь в состоянии системного политического и экономического кризиса, актуализирует политику невмешательства в дела церкви.

Функции взаимодействия государственных органов исполнительной власти и религиозных организации были возложены на Экспертно-консультативный совет при Комитете по свободе совести, впоследствии переданные Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации.

В то же время церковь нуждалась в нормативно-правовых доминантах взаимодействия с государством. Конституция Российской Федерации 1993 г.

и Закон «О свободе вероисповедания» создавали только возможность формирования системной законодательной базы в сфере государственно-церковных взаимоотношений. В Российской Федерации как светском государстве никакая религия не могла устанавливаться в качестве государственной или обязательной; религиозные объединения были отделены от государства и равны перед законом; каждому гарантировалась свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

Отсутствие федерального законодательства по актуальным вопросам аккумулировало инициативы в данной сфере в субъектах Российской Федерации. Во многих регионах появились законы, направленные против религиозных деструктивных объединений. В региональных законах, вопреки федеральным, вводится новая терминология, характеризующая данные объединения, регламентируется порядок их регистрации и деятельности.

Следствием устранения федеральной власти от решения вопросов религиозной сферы стал тот факт, что во всех субъектах Российской Федерации функционировали соответствующие органы государственного управления (советы или департаменты по делам религии, отделы по связям с религиозными организациями, комиссии по контролю за исполнением Закона о свободе вероисповеданий и др.) со специалистами по связям с религиозными организациями.

В 1994 г. был направлен «Меморандум РПЦ о рассмотрении в Государственной Думе ФС РФ вопроса о совершенствовании законодательства о свободе совести» с целью внесения изменений в законодательство Российской Федерации. Данный шаг РПЦ, как и ответное бездействие Государственной Думы РФ, свидетельствовали об углублении проблем во взаимодействии государства и церкви.

Перелом ситуации наметился после решений Архиерейского Собора 1994 г., на котором были четко обозначены приоритеты РПЦ в отношениях с государством с учетом аполитичной позиции первой. В частности, отмечалось, что «...государство ...не предпринимает правовых мер, чтобы защитить духовно-культурную идентичность народа, и вся тяжесть борьбы ложится на Церковь» (5).

По итогам работы Архиерейского Собора были направлены соответствующие обращения Президенту и в Государственную Думу. Кроме того, 14 апреля 1995 г. Патриарх Алексий II обратился с открытым письмом к председателю Государственной Думы, в котором отмечалось, что «...поставленные проблемы настоятельно требуют скорейшего пересмотра всего комплекса российского законодательства о свободе совести и религиозных организациях».

Речь шла о качественно новой ситуации, сложившейся в сфере государственно-церковных отношений к середине 1990-х гг. За пять лет действия

Закона «О свободе вероисповеданий» в условиях отсутствия корректировки его положений, принятия подзаконных нормативных актов в России появились деструктивные религиозные объединения, запрещенные во многих странах мира. Наличие системной законодательной базы в сфере государственно-церковных взаимоотношений теперь рассматривалось как необходимое условие защиты общества от тоталитарных сект.

В контексте развития гражданского общества это означало корреляцию между наличием развитого законодательства в сфере государственно-церковных взаимоотношений и формированием правового государства. РПЦ как важный сегмент данного общества вправе была рассчитывать на выполнение обязательств государства по защите в рамках правового поля (6).

Важным этапом во взаимодействии государства и церкви стало создание в 1995 г. Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте России (7).

Функционально Совет являлся консультативным органом, обеспечивающим предварительную проработку вопросов и подготовку предложений в сфере взаимодействия Президента РФ с религиозными объединениями. Кроме того, создание Совета было закономерным шагом в деле разработки новой концепции взаимодействия государства и религиозных организаций. Период устранения государственной власти от решения проблем в данной сфере завершился.

На Архиерейском Соборе 1997 г. было отмечено конструктивное развитие государственно-церковных отношений. Подтверждалась готовность РПЦ выступать в роли гаранта духовного развития нации, активного участника гражданского общества. Вновь рассматривался вопрос о необходимости совершенствования законодательства в области религии. В письме участников Архиерейского Собора в Государственную Думу речь шла о ключевых направлениях изменений нормативно-правовой основы взаимодействия государства и РПЦ: регламентации религиозной деятельности иностранных граждан и организаций на территории Российской Федерации, механизмах защиты личности и общества от деструктивных религиозных объединений, возможности выполнения функции РПЦ в армии и образовательных учреждениях, а также о внесении изменений в налоговое законодательство (8).

Острую дискуссию среди правоведов и религиоведов вызвало принятие в 1997 г. Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» (9).

Предметом дискуссии стали приоритеты, обозначенные государством. Во-первых, особая роль в развитии общества и государства отводилась традиционным религиям (православию, исламу, буддизму, иудаизму), во-вторых, устанавливался контроль государства за религиозными процессами, в-третьих, создавался комплекс условий для активной социальной деятельности РПЦ.

Основные возражения против Закона звучали в контексте «опасности» появления государственной религии с апелляцией к нормам международного права. Сторонники Закона основывали свою позицию на демонстрации применения норм нового Закона как исключительно действенного «социокультурного фильтра» (10).

В соответствии с новым Законом во многих субъектах Российской Федерации были разработаны и приняты собственные законы, регулирующие взаимодействие органов власти и религиозных организаций. Зачастую они сохраняли нормы, не заложенные в федеральном законодательстве, направленные против религиозных деструктивных объединений. Недостаточная отлаженность координации действий федеральных и региональных органов власти по отношению к религиозным организациям объяснялась не только отсутствием единого банка данных религиозных организаций, проблемами в сфере подготовки кадров, но и несформированностью нормативно-правовой базы в сфере государственно-церковных отношений. В этот период возникла острая потребность в качественно новой концепции государственно-церковных взаимоотношений.

С 2001 г. было разработано несколько проектов концепций государственно-церковных взаимоотношений. Как правило, данные проекты разрабатывались специалистами вузов, сотрудниками Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации (11).

Общими в проектах были принципы и подходы в сфере государственно-церковного взаимодействия: принцип светского характера государства, принцип разделения государства и церкви. Общественное обсуждение данных проектов выявило ставшую традиционной к этому времени дискуссионность проблем противодействия деструктивным религиозным организациям, создания федерального органа по делам религиозных объединений. Речь идет о начале качественно нового этапа во взаимодействии государства и церкви.

Таким образом, с середины 1980-х гг. государством накоплен значительный опыт взаимодействия с религиозными организациями. В период с середины 1980-х–2000-х гг. и государством, и основными религиозными конфессиями России была определена необходимость конструктивного сотрудничества в различных сферах деятельности при сохранении самостоятельности каждого из участников диалога. Государство заинтересовано в активизации участия конфессий в моральном воспитании россиян в духе уважения традиций и толерантности. В свою очередь, церковь рассматривает государство как партнера, способного обеспечить эффективную защиту интересов верующих, оказать содействие в реализации различных программ, направленных на улучшение условий их деятельности. Результатом деятельности церкви и государства в этот период можно считать серьезный конструктивный диалог по вопросам контроля за исполнением законодательства в сфере государственно-церковных отношений и созданию условий для реализации прав граждан.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) История религий в России / под общей ред. Н.А. Трофимчука. – М., 2001. – С. 585.
- (2) Закон СССР о выборах народных депутатов СССР от 1 декабря 1988 года // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1988. – № 49. – Ст. 729.
- (3) Закон СССР о свободе совести и религиозных организациях: проект // Известия. – 1990. – 5 июня.
- (4) Закон СССР о свободе совести и религиозных организациях // Известия. 1990. 1 октября; Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» / Религия и закон. Сборник правовых актов с комментариями. – М., 1996. – С. 36–71.
- (5) Архиерейский Собор Русской Православной церкви. 29 ноября – 2 декабря 1994 года. Документы. Доклады. – М., 1995. – С. 31.
- (6) *Григорьева Н.А.* Государственная политика и практика развития гражданского образования в России (1958–2006 гг.). – М., 2007. – С. 201.
- (7) Об утверждении Положения о Совете по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации: распоряжение Президента Российской Федерации от 2 августа 1995 г. №357-рп. // СЗ РФ. – 1995. – № 32. – Ст. 3294.
- (8) Архив Московской Патриархии. Архиерейский Собор 1997 года. Доклад Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – С. 30–31.
- (9) Федеральный Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Религия и право. – 2003. – № 1 (29). – С. 4.
- (10) История религий в России... – С. 531.
- (11) Концептуальные основы государственно-церковных отношений в Российской Федерации (проект); Концепция государственной политики в сфере отношений с религиозными объединениями Российской Федерации; Концепция вероисповедной политики России (проект) // www.state-religion.ru

REFERENCES

- (1) History of religions in Russia / under the general editorship of N.A. Trofimchuk. – Moscow, 2001, p. 585.
- (2) The law USSR on elections of People's Deputies of the USSR of December 1, 1988 of the year / Sheet of the Supreme Council of the USSR, 1988. No. 49. Art. 729.
- (3) Law USSR on a freedom of worship and religious organizations: project // News. 1990. June 5.
- (4) Law USSR on a freedom of worship and religious organizations // News. 1990. October 1; The Law RSFSR "About freedom of religions" / Religion and the law. The collection of legal acts with comments. Moscow, 1996, pp. 36–71.
- (5) Hierarchal Cathedral of Russian Orthodox Church. On November 29 – on December 2, 1994. Documents. Reports. Moscow, 1995, p. 31.
- (6) Grigoryeva N.A. State policy and practice of development of civic education in Russia (1958–2006). Moscow: АПКИППРО, 2007, p. 201
- (7) About the adoption of Provision on Council for interaction with religious associations at the President of the Russian Federation: the order of the President of the Russian Federation of August 2, 1995 No. 357-rp. SZ Russian Federation. 1995. No. 32. Art. 3294.
- (8) Archive of the Moscow Patriarchy. Hierarchal Cathedral of 1997. Report of the Patriarch of Moscow and all Russia Alexy II, p. 30–31.

- (9) The federal law "About a freedom of worship and about religious associations" // Religion and the right. No. 1 (29). 2003, p. 4.
- (10) History of religions in Russia / Under a general edition of N.A. Trofimchuk. Moscow, 2001, p. 531.
- (11) Conceptual bases of the state church relations in the Russian Federation (project); The Concept of a state policy in the sphere of the relations with religious associations of the Russian Federation; Concept of religious policy of Russia (project) // www.state-religion.ru

HISTORICAL EXPERIENCE OF INTERACTION OF STATE AND THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN 1980–2000S: DYNAMICS OF PRIORITIES IN LEGISLATION SPHERE

M.A. Simonova

Department of Russian History
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay Str., 10–2, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to the main directions of interaction of the state and the Russian Orthodox Church in the 1980–2000s. The author characterizes the main stages of the state and confessional relations in Russia and considers the key problems and tendencies in the course of the legislation change in the context of social and political processes. The analysis enables to identify the specificity of the interaction of government agencies and religious organizations in the context of legislation changes in the period under review. The author concludes that the result of the church and state activities in this period can be considered a serious constructive dialogue on monitoring the implementation of legislation in the field of the church-state relations and the creation of conditions for the realization of human rights: the state is interested in enhancing the participation of confessions in moral education of Russians spirit of respect for tradition and tolerance, the church treats the state as a partner that can provide effective protection of the interests of believers, to assist in the implementation of various programs aimed at improving the conditions of their work.

Key words: state policy, Russian Orthodox Church, Bishops' Council, Local Council, religious organizations.

**НОВЫЕ ВЕКТОРЫ МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В НАЧАЛЕ XXI В.
(НА ПРИМЕРЕ МИССИЙ В ТАИЛАНДЕ,
КАМБОДЖЕ И ИНДОНЕЗИИ)**

Е.В. Кряжева-Карцева

Идрус Асринда Аюб

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198

В статье проанализирована специфика внешней миссии Русской Православной Церкви (РПЦ) в начале XXI в. в таких странах Юго-Восточной Азии, как Таиланд, Камбоджа и Индонезия, и выделены четыре этапа в развитии данного явления. Авторы приходят к выводу о том, что итогом активной работы Представительства РПЦ в Таиланде на современном этапе стало не только государственное признание церкви, увеличение количества членов православной общины, приходов, появление монастыря и т.д., но и начало работы представительства в соседнем Королевстве Камбоджа, где в 2013 г. была зарегистрирована «Православная христианская Церковь Камбоджи (Московский Патриархат)». Активное становление православной общины происходит и в Республике Индонезия. Здесь увеличение направлений деятельности православных связано с переходом православной церкви в Индонезии в 2004 г. под юрисдикцию Русской Православной Церкви Заграницей, а в 2008 г. в связи с воссоединением Русской Православной Церкви и Русской Православной Церкви Заграницей – под юрисдикцию Московского патриархата.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, внешняя миссия Русской Православной Церкви, православное христианство в Таиланде, православное христианство в Камбодже, православное христианство в Индонезии.

27 марта 2007 г. на заседании Священного Синода Русской православной церкви была принята «Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви». В ней наряду с формулировкой общих принципов, целей и задач миссионерского служения, описанием методов современной миссионерской деятельности подчеркнуто, что одной из важнейших форм миссий на современном этапе исторического развития является внешняя, адресатом которой стали «приверженцы различных верований и носители разных мировоззрений – как религиозных, так и нерелигиозных (светских). Результатом ее является приобщение новых членов к Церкви и, как следствие, создание церковных общин или вовлечение новообращенных членов в жизнь уже существующих общин» (1).

Внешняя миссия РПЦ в ходе тысячелетней истории христианства в России претерпела эволюцию от прямой проповеди Евангелия нехристианским народам до создания церковных общин, миссий, зарубежных приходов Русской Православной Церкви, Автономных Церквей. В частности, результатом многолетних трудов русских миссионеров стало создание Автономной Православной Японской Церкви, Китайской Автономной Церкви и Православной Церкви в Америке (2). Степень успеха миссионерской деятельности в ряде стран мира связана как с индивидуальными усилиями отдельных святителей, так и с общими объективными обстоятельствами (поддержка со стороны Московского Патриархата, волны беженцев и миграции и т.д.). Изучение влияния различных факторов на уровень активности миссионерской деятельности позволило исследователям выявить десять периодов истории русского миссионерства от первого (домонгольского периода) до современного (с 1988 г.) (3). Отмечается, что именно на рубеже XX–XXI вв. произошло увеличение числа православных приходов и Поместных Церквей в Европе, Азии, Америке.

В ряду указанной тенденции находятся события, происходящие в Таиланде, Камбодже и Индонезии, странах, не охваченных православной миссией до конца XX в.

Целью статьи является выявление специфики становления православной миссии в указанных странах, определение векторов существующей деятельности и ее возможных перспектив в регионе, где традиционно исповедуется буддизм (Таиланд, Камбоджа, Лаос, Мьянма), ислам (Индонезия, частично Мьянма).

Распространение православия в Азиатско-Тихоокеанском регионе, как отмечает Г.С. Митыпова, начинается в XVII–XIX вв. и связано с «историей освоения Сибири и Дальнего Востока в этот период, с определением границ и установлением дипломатических и торговых отношений между Россией и Китаем, Кореей и Японией, деятельностью Российско-Азиатской кампании, в том числе и на Аляске» (4).

В начале XXI в. наблюдается активное возрождение традиций православия в странах АТР, ранее окормляемых православной миссией, а также распространение христианства в новых регионах. Изучению исторического опыта миссионерской деятельности РПЦ и специфике данного направления работы на современном этапе развития посвящен ряд работ российских исследователей (5).

Анализ имеющейся на настоящее время литературы позволяет прийти к выводу о том, что специфика распространения православия в некоторые регионы Юго-Восточной Азии остается мало изученной (Таиланд) или вообще неизученной (Камбоджа, Индонезия). Так, истории распространения православия в Таиланде, наряду с другими христианскими течениями, посвящена одна глава в работе игумена Олега (Черепанина) (6), в настоящее время уже архимандрита, а также статья Г.С. Митыповой (7).

Архимандрит Олег (Черепанин) указал на 1511–1512 гг. как на дату начала проникновения христианства в Таиланд (Сиам), связанную с прибытием в акваторию региона португальского флота и первых португальских священников-католиков (8). В последующие столетия миссионерской деятельностью на территории Сиама занимались не только дипломатические представители Ватикана, но и многочисленные протестантские миссии.

Именно поэтому появление православной общины в Бангкоке и православного прихода во имя Святителя и Чудотворца Николая, архиепископа Мир Ликийских, настоятелем которого Священный Синод Русской Православной Церкви 28 декабря 1999 г. назначил вышеупомянутого игумена Олега (Черепанина), было встречено настороженно. В период с 2000 по 2008 г. тайские власти многократно отказывали признать на государственном уровне Русскую Православную Церковь в Таиланде. Во-первых, рефлекторно после «холодной войны» власти Таиланда на рубеже XX–XXI вв. настороженно относились к стране – бывшему противнику; во-вторых, «очевидные сложности создавала и деятельность в Таиланде Константинопольского Патриархата» (9) (с 1996 г.), т.к. тайские власти мало были знакомы с понятием автокефальности Православной Церкви. В-третьих, до 2008 г. законодательство Таиланда признавало христианство только в виде католицизма и протестантизма, имеющих долгую историю на территории страны. Понадобилось десятилетие усилий православной паствы и руководства, чтобы добиться официального признания.

За указанный период значительно увеличилось количество как постоянно живущих, так и приезжающих на отдых в Таиланд россиян, многие из которых исповедуют православие. По разным оценкам, только количество туристов из России, приезжающих в страну, ежегодно варьируется от 600 тыс. до 1 млн человек (10). Многие россияне по ряду причин, чаще всего экономического характера, обосновались в Таиланде. Например, в городе Паттайя проживает одна из самых больших в Таиланде русских общин, численность которой превышает 50 тыс. человек и непрерывно растет (11).

Именно большое количество писем православных верующих, проживающих и работающих в Королевстве Таиланд, в адрес Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II позволило открыть первый приход в Бангкоке. Прихожане сразу же начали заниматься активной социальной и благотворительной деятельностью как в отношении местного населения, так и соотечественников, оказавшихся в затруднительных ситуациях в Таиланде. В этот же период был обращен в православие первый таец – Данай Ванна (принял во св. Крещении имя Даниил). Впоследствии Данай (Даниил) Ванна закончил Санкт-Петербургскую духовную семинарию и в настоящее время продолжает служение в храмах Таиланда. В 2014 г. иерей Данай (Даниил) Ванна был возведен в сан протоиерея.

Рассмотрев деятельность Свято-Николаевского прихода в Бангкоке, Священный Синод Русской Православной Церкви на своем заседании от

27 декабря 2001 г. принял решение об открытии в Королевстве Таиланд Представительства Русской Православной Церкви (Московский Патриархат). Представителем РПЦ в Таиланде был назначен игумен Олег (Черепанин), который также остался настоятелем Свято-Николаевского храма г. Бангкока. Кроме того, игумен Олег был благословлен осуществлять духовное окормление православных верующих в королевстве Камбоджа и в Лаосской Народно-Демократической Республике (12).

Руководство Русской Православной Церкви стало организовывать встречи с властями различного уровня: послом Таиланда в России господином Рагсаном Пханонйотином, представителями мэрии Бангкока, Министерства иностранных дел. Архимандрит Олег отметил особую роль в процессе снятия настороженности таиландских властей по отношению к РПЦ Чрезвычайного и Полномочного посла Российской Федерации в Королевстве Таиланд Е.В. Афанасьева.

Улучшению положения церковного присутствия РПЦ в Таиланде способствовали обращения с просьбами о получении Русской Православной Церкви в Таиланде официального статуса, которые прозвучали в 2000-е гг. от имени Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II к королю Таиланда Пхумипхону Адудьядету (Раме IX) (13) и Верховному Патриарху Буддийской Сангхи Таиланда (14); Председателя ОВЦС Московского Патриархата, Митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла (в наст. время – Святейший Патриарх Московский и всея Руси) к Генеральному Директору Департамента по делам религий Министерства образования страны (15); Главы Традиционной буддийской сангхи России хамбо-ламы Дамбо Аюшеева к королю и Верховному Патриарху Буддийской Сангхи Таиланда (16) и другие.

В 2001 г. с официальным визитом в Бангкоке был Председатель ОВЦС Московского Патриархата Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, во время которого он имел ряд встреч с руководством Департамента по делам религий Министерства образования Таиланда. После визита митрополита, как отмечается на сайте Православной Церкви в Таиланде, таиландские власти уведомили о том, что православной общине было разрешено осуществлять свою религиозную деятельность на основании Конституции страны, гарантирующей свободу вероисповедания (17).

Окончательно ситуация недоверия была снята после государственного визита в Таиланд Президента России В.В. Путина в 2003 г. и ответного государственного визита в Россию е.в. Королевы Таиланда Сирикит в 2007 г. «В начале 2008 г. таиландские власти, рассмотрев многолетнюю деятельность православной общины в Таиланде, признали ее полезной, соответствующей интересам Королевства, укрепляющей нравственные и моральные устои общества. В этой связи Министерством внутренних дел Королевства было принято решение зарегистрировать православную общину в Таиланде, как юридическое лицо в формате общественного фонда – “Orthodox Christian Church in Thailand”» (18).

Как отмечается на официальном веб-сайте Православной Церкви в Таиланде, при получении государственной регистрации также дано право открытия дополнительных православных приходов, кроме Бангкока. В частности, в провинции Пхукет, Чонбури (Паттайя), в северной столице Королевства – Чиангмае, на востоке страны (приграничном районе с Лаосом) в г. Нонгхае, а также в провинции Прачинбури, где возможно устройство православного кладбища и строительство если не храма, то часовни (19).

Важной особенностью Православной Церкви в Таиланде является положение, изложенное в Меморандуме Фонда Православной Церкви в Таиланде: «Православные верующие других канонических Православных Церквей мира могут удовлетворять свои религиозные и духовные запросы на территории Королевства Таиланд в составе Фонда Православной Церкви в Таиланде, оставаясь при этом в своих юрисдикциях, но не посягая на юрисдикционную принадлежность Фонда Православной Церкви в Таиланде, выраженную в настоящем Меморандуме» (20).

После официального признания жизнь православной общины активизировалась. В настоящее время в Таиланде работает ряд приходов: Свято-Николаевский приход г. Бангкока, приход во имя Св. Живоначальной Троицы на о. Пхукет, приходы во имя всех святых и в честь Покрова Пресвятой Богородицы в г. Паттайе, приход в честь Вознесения Господня на о. Самуи. В 2014 г. была совершена закладка будущего Сергиевского храма на острове Ко Чанг, храма в честь святых царственных страстотерпцев в г. Хуахин (провинция Прачуапкхиркхан).

Важным достижением Представительства РПЦ в Таиланде является создание в провинции Ратчабури Свято-Успенской монашеской общины. Участок, приобретенный РПЦ в 2009 г. для строительства храма в честь Успения Божией Матери, превратился в целый монастырский комплекс. В основном печатном органе РПЦ в Таиланде – газете «Таиланд православный» рассказывается о том, что «монастырский комплекс представляет собой территорию, окруженную по периметру кирпичной оградой, внутри которой располагается полностью обустроенный храм в честь Успения Божией Матери, часовня в честь иконы Иверской Божией Матери, игуменские покои, монастырские келии, другие хозяйственные постройки. Устроен сад. В будущем планируется строительство здания катехизаторского училища и монастырской колокольни. При монастыре располагается православное кладбище» (21).

Также Представительство РПЦ в Королевстве Таиланд начало пастырское окормление православных христиан в Камбодже, получив государственную регистрацию в стране в 2013 г. в качестве религиозной организации под именованием «Православная христианская Церковь Камбоджи (Московский Патриархат)». Официальное признание позволяет открывать в Камбодже православные приходы, покупать земельные участки на имя церкви, строить храмы, открывать духовные школы, свободно вести проповедь и др.

В 2013 г. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл благословил строительство в Камбодже храмов в Сиануквиле и Сием Риепе.

С 6 по 17 февраля 2014 г. с пастырской поездкой Таиланд и Камбоджу посетил руководитель Управления Московской Патриархии по зарубежным учреждениям архиепископ Егорьевский Марк, который высоко оценил миссионерскую деятельность как руководителей Представительства РПЦ в Таиланде и Камбодже (архимандрит Олег (Черепанин), председатель комитета Фонда Православной Церкви в Таиланде иерей Данай (Даниил) Ванна), так и простых прихожан, усилиями которых не только создаются новые приходы, но и увеличивается количество православных верующих, в том числе и тайцев, камбоджийцев, лаосцев и т.д.

Иначе выглядит история православной миссии в Индонезии, еще одном государстве Юго-Восточной Азии. В настоящее время Индонезия является самой большой мусульманской страной в мире. Наряду с исламом в стране признаются католицизм, протестантизм (все христианские конфессии, в том числе православие, попадает в эту категорию), индуизм, буддизм и конфуцианство (22).

Первые сведения о появлении антиохийских и армянских миссионеров в Индонезии, а именно на территории государства Шривиджая и империи Маджапахит, датируются IX–XIV вв. Однако становления каких бы то ни было церковных структур в тот период не произошло.

Следующий яркий эпизод истории православия в Индонезии связан с появлением эмигрантов из России в 1920-е гг. на острове Ява. В 1930–1950-х гг. в городах Батавия (в наст. время – Джакарта) и Бандунг были православные приходы, которые находились под юрисдикцией Харбинской епархии. Церковная жизнь приходов затрагивала только русских эмигрантов, миссионерская деятельность среди индонезийцев не проводилась (23).

В 1934 г. священник Василий Быстров был назначен настоятелем первого прихода в Батавии. Разрешение на открытие прихода было получено от правительства Нидерландов, так как Индонезия в то время была голландской колонией. В октябре 1947 г. Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ) наградил отца Василия Быстрова наперсным крестом от Святейшего Синода и возвел его в сан протоиерея. В начале 1950-х гг. отец Василий Быстров уехал в США, т.к. большинство русских прихожан покинули остров из-за начавшейся войны Индонезии за независимость.

В XXI в. начался принципиально новый этап жизни православных христиан в Индонезии. По официальным данным, сегодня Индонезийская православная церковь (ИПЦ) насчитывает более 2 тыс. прихожан. Большинство общин находится на Яве, в том числе две – в столице страны Джакарте, по одной – в городах Соло (Суракарта), Сурабая, Моджокерто, Салатига и Бой-олали, на о-вах Бали (г. Санур), Суматре (г. Медан), Сулавеси (г. Манано), Тимор (г. Купанг) и Папуа – Новая Гвинея (г. Джаяпура). В Джакарте распо-

лагаются кафедральный собор Святого апостола Фомы (настоятель о. Борис) и домовый храм Св. равноапостольного князя Владимира в статусе представительства Московского патриархата в Индонезии (настоятель о. Иоасаф) (24).

Становление православной общины в Индонезии на современном этапе немислимо без личности архимандрита Даниила Бьянторо. Индонезиец, родившийся в мусульманской семье, в отрочестве имел видение Иисуса Христа. Он принял крещение в Голландской реформатской протестантской христианской церкви, после чего проходил обучение в Евангельской протестантской духовной семинарии в Сеуле (Корея), где познакомился с многочисленными течениями христианства. В 1983 г. он познакомился с книгой «Православная церковь» епископа Каллиста (Уэра) и понял, что нашел свою религию. Целый год в дальнейшем он провел в монастыре на Афоне, прошел обучение в США в греко-православных богословских школах. В 1987 г. архимандрит Даниил был рукоположен епископом Питтсбургским Максимом (Агиоргусисом) в диакона, а в 1988 г. – в иерея. Вернувшись в Индонезию, он начал проповедовать на о. Ява. В 1990 г. им был открыт первый приход в г. Соло. Митрополит Новозеландский Дионисий (Псиахас) назначил о. Даниила викарием Корейской епархии Константинопольского Патриархата в сане архимандрита. В 1991 г. созданная отцом Даниилом православная община была зарегистрирована под названием Индонезийской Православной Церкви (ИПЦ) в рамках Генерального директората христианских конфессий.

В 1990–1997 гг. приходы Индонезийской православной миссии подчинялись Новозеландской митрополии Константинопольского Патриархата. В 1997 г. была создана митрополия Гонконга и Юго-Восточной Азии, в ведение которой была передана Индонезийская православная миссия.

В 2000 г. отец Даниил обратился в Московский Патриархат с просьбой оказать помощь становлению православной общины в Индонезии. В результате шесть индонезийцев прошли обучение в русских семинариях. В декабре 2003 г. состоялся визит Председателя ОВЦС Московского Патриархата, Митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла в Индонезию. В октябре 2004 г. соответствии с личной просьбой глава ИПЦ архимандрит Даниил решением Архиерейского синода РПЦЗ был принят в юрисдикцию РПЦЗ.

Глава ИПЦ отец Даниил всегда был сторонником сохранения церковного единства и сближения с РПЦ. Представители ИПЦ Давид и Кристина Хадининграты присутствовали на объединительном Соборе двух частей Русской православной церкви в мае 2007 г. и на интронизации Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в феврале 2009 г.

С 6 по 13 декабря 2008 г. по приглашению ИПЦ в Индонезии находилась делегация РПЦ в составе представителей Московского патриархата во главе с зам. председателя ОВЦС епископом Егорьевским Марком и РПЦЗ во главе с архиепископом Сиднейским и Австралийско-Новозеландским Ила-

рионом. Это стало первым совместным визитом иерархов двух частей РПЦ, продемонстрировавшим успешное продвижение процесса воссоединения церквей. В ходе визита в Джакарте была проведена первая в Азии совместная литургия с участием иерархов двух частей РПЦ (25).

Анализ тенденций развития православного миссионерства в Юго-Восточной Азии позволяет выделить ряд этапов в развитии данного явления: 1) появление первых приходов; 2) юридическая регистрация Церкви; 3) активный этап работы Церкви, включающий вовлечение как все большего количества русских переселенцев (или туристов), так и местных жителей, перевод духовной литературы на местные языки, открытие храмов, рукоположение в православные священники представителей коренного населения; 4) расширение поля активности зарегистрированной православной церкви на сопредельные страны.

Очевидная быстрота прохождения этапов, по сравнению с дореволюционным опытом проповеди нехристианам, связана с появлением новых форм внешней миссии, которым уделено особое внимание в «Концепции миссионерской деятельности Русской Православной Церкви». В их числе: перевод литературы, аудио- и видеоматериалов на языки народов с нехристианскими верованиями, совершение богослужения на национальных языках, подготовка клира из местного населения. Указанные тенденции позволяют прогнозировать дальнейшее расширение поля миссионерской деятельности Русской Православной Церкви в Юго-Восточной Азии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) О современной внешней миссии Русской Православной Церкви // Московские Епархиальные Ведомости. – 2013. – № 7–8. – С. 34.
- (2) Подробнее см.: Кто есть кто в зарубежной российской диаспоре. – М., 2008.
- (3) *Ефимов А.Б.* Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. – М., 2007. – С. 19–21.
- (4) *Митыпова Г.С.* Православие в Юго-Восточной Азии // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – № 7. – С. 166.
- (5) *Адоратский Н.*, иеромонах. История Пекинской духовной миссии в первый период ее деятельности (1685–1745) // История Российской духовной миссии в Китае: сб. ст. – М., 1997. – С. 14–164; *Андреева С.Г.* Пекинская духовная миссия в контексте российско-китайских отношений (1715–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2002; *Андреевская С.И.* Деятельность Н.Я. Бичурина в качестве главы IX Российской духовной миссии в Китае (1807–1821): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2006; *Говердовская Л.Ф.* Русская эмиграция и православная церковь в Китае (1917–1945) // Христианство на Дальнем Востоке: материалы междунар. науч. конф. – Владивосток, 2000. – Ч. 1. – С. 108–113; *Кирилл*, митрополит Смоленский и Калининградский. Пути Православия в Китае // Китайский Благовестник. – 2002. – № 2. – С. 14–18; *Олег (Черепанин)*, игумен. История христианства в Таиланде. – Бангкок, 2008; *Титаренко М.Л.* Духовные ценности православия, евразийство и христианство в Китае // Китайский Благовестник. – 2002. – № 2. –

- С. 40–60; *Троицкая С.С.* Харбинская епархия, ее храмы и духовенство. К 80-летию со дня учреждения Харбино-Маньчжурской епархии. 1922–2002. – Брисбен, 2002; *Христианство на Дальнем Востоке: материалы междунар. науч. конф. (19–21 апреля 2000 г.)* / ред. Е.А. Бебнева, С.М. Дударенок, Э.В. Лыкова, М.Б. Сердюк и др. Ч. 1–2. – Владивосток, 2000; *История Российской духовой миссии в Китае: сб. ст.* / ред. С.Л. Тихвинский, В.С. Мясников, А.С. Ипатова, священник Дионисий Поздняяев. – М., 1997 и др.
- (6) *Олег (Черепанин)*, игумен. История христианства в Таиланде. – Бангкок, 2008.
 - (7) *Митыпова Г.С.* Православие в Юго-Восточной Азии... – С. 166–171.
 - (8) *Олег (Черепанин)*. История христианства в Таиланде ... – С. 43.
 - (9) Там же. – С. 168.
 - (10) Русские в Тайланде // Ваш путеводитель по Тайланду / <http://klumber.ru/russkie-v-tajlande.htm>
 - (11) Паттайя – русский город / <http://www.2thai.ru/about-thailand/pattaya-russian-city/>
 - (12) Православие в Тайланде // Официальный веб-сайт Православной Церкви в Тайланде / http://www.orthodox.or.th/index.php?content=history&sub_content=orthodox&lang=ru
 - (13) Обращение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II к королю Таиланда Пхумпхону Адульядету (Раме IX) // Олег (Черепанин). История христианства в Таиланде... – С. 187.
 - (14) Обращение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II к Верховному Патриарху Буддийской Сангхи Таиланда // Там же. – С. 188.
 - (15) Обращение Председателя ОВЦС Московского Патриархата, Митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла (в наст. время – Святейший Патриарх Московский и всея Руси) к Генеральному Директору Департамента по делам религий Министерства образования страны г-ну Палбуну Стенгконгу // Там же. – С. 189.
 - (16) Обращение Главы Традиционной буддийской сангхи России хамбо-ламы Дамбо Аюшеева к королю Таиланда Пхумпхону Адульядету (Раме IX) и Верховному Патриарху Буддийской Сангхи Таиланда // Там же. – С. 197–198.
 - (17) Православие в Таиланде // Официальный веб-сайт Православной Церкви в Таиланде / http://www.orthodox.or.th/index.php?content=history&sub_content=orthodox&lang=ru
 - (18) *Олег (Черепанин)*. История христианства в Таиланде... – С. 174.
 - (19) Православие в Тайланде // Официальный веб-сайт Православной Церкви в Тайланде / http://www.orthodox.or.th/index.php?content=history&sub_content=orthodox&lang=ru
 - (20) Меморандум Фонда Православной Церкви в Тайланде о религиозных особенностях и юрисдикционной принадлежности // Официальный веб-сайт Православной Церкви в Тайланде / <http://www.orthodox.or.th/index.php?content=documents&lang=ru>
 - (21) Успенский мужской монастырь // Таиланд Православный. – 2012. – № 3 (3). – С. 4.
 - (22) Указ Президента Индонезии № 6 за 2000 г. // Официальный сайт Министерства по делам религий Республики Индонезия // <http://www.kemenag.go.id/index.php?a=artikel&id=12446&t=183>
 - (23) Беседа архимандрита Даниила Бьянторо с архиепископом Иларионом из Австралии // Бьянторо, Даниил. The Beginning of the Eastern Orthodox Mission in Modern Indonesia. – P. 17–19 // friendsofindonesia.org/docs/history.pdf
 - (24) Православная церковь в Индонезии // Фонд Русский мир / <http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/publications/articles/article0371.html>
 - (25) Там же.

REFERENCES

- (1) O sovremennoj vneshnej missii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi, *Moskovskie Eparhial'nye Vedomosti* [Moscow Diocesan Bulletin], 2013, no. 7–8, p. 34.
- (2) *Kto est' kto v zarubezhnoj rossijskoj diaspore* [Who's who in Russian diaspora abroad], Moscow, 2008.
- (3) Efimov A.B. *Ocherki po istorii missionerstva Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi* [Essays on the History of the Russian Orthodox Church missionary]. Moscow, 2007, pp. 19–21.
- (4) Mitypova G.S. *Vestnik Burjatskogo Gosuniversiteta* [Bulletin of the Buryat State University], 2011, no. 7, p. 166.
- (5) Adoratskij N. *Istorija Rossijskoj duhovojuj missii v Kitae: sb. st.* [History of the Russian brass mission in China]. Moscow, 1997, pp. 14–164; Andreeva S.G. *Pekinskaja duhovnaja missija v kontekste rossijsko-kitajskih otnoshenij (1715–1917 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Beijing spiritual mission in the context of Russian-Chinese relations (1715–1917)]. – M., 2002; Andreevskaja S.I. *Dejatel'nost' N.Ja. Bichurina v kachestve glavy IX Rossijskoj duhovnoj missii v Kitae (1807–1821): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Activities NY Bichurina as Chapter IX of the Russian Spiritual Mission in China (1807–1821)], St-Petersburg, 2006; Goverdovskaja L.F. *Hristianstvo na Dal'nem Vostoke: materialy mezhdunar. nauch. konf* [Christianity in the Far East], Vladivostok, 2000, ch. 1, pp. 108–113; Kirill, mitropolit Smolenskij i Kaliningradskij *Kitajskij Blagovestnik*, 2002, no. 2, pp. 14–18; Oleg (Cherepanin), igumen *Istorija hristianstva v Tajlande* [History of Christianity in Thailand]. Bangkok, 2008; Titarenko M.L. *Kitajskij Blagovestnik* [Chinese evangelist], 2002, no. 2, pp. 40–60; Troickaja S.S. *Harbinskaja eparhija, ee hramy i duhovenstvo. K 80-letiju so dnja uchrezhdenija Harbino-Man'chzhurskoj eparhii. 1922–2002* [Harbin diocese, its churches and clergy. On the 80th anniversary of the establishment of the Diocese of Harbin Manchuria. 1922–2002.]. Brisben, 2002; *Hristianstvo na Dal'nem Vostoke: materialy mezhdunar. nauch. konf.* (19–21 aprelja 2000 g.) [Christianity in the Far East], Vladivostok: DVGU, 2000, ch. 1–2, 362 p.; *Istorija Rossijskoj duhovojuj missii v Kitae* [History Russian brass mission in China]. Moscow, 1997, 415 p.
- (6) Oleg (Cherepanin) *Istorija hristianstva v Tajlande* [History of Christianity in Thailand]. Bangkok, 2008, 237 p.
- (7) Mitypova G. S. *Vestnik Burjatskogo Gosuniversiteta*, 2011, no. 7, pp. 166–171.
- (8) Oleg (Cherepanin) *Istorija hristianstva v Tajlande* [History of Christianity in Thailand], p. 43.
- (9) *Ibid.*, p. 168.
- (10) *Russkie v Tajlande, Vash putevoditel' po Tajlandu* [Your Guide to Thailand], available at: <http://klumber.ru/russkie-v-tajlande.htm>
- (11) *Pattajja – russkij gorod* [Pattaya – Russian city], available at: <http://www.2thai.ru/about-thailand/pattaya-russian-city/>
- (12) *Pravoslavie v Tajlande* [Orthodoxy in Thailand], available at: http://www.orthodox.or.th/index.php?content=history&sub_content=orthodox&lang=ru
- (13) Oleg (Cherepanin) *Istorija hristianstva v Tajlande* [History of Christianity in Thailand], p. 187.
- (14) *Ibid.*, p. 188.
- (15) *Ibid.*, p. 189.
- (16) *Ibid.*, pp. 197–198.

- (17) *Pravoslavie v Tajlande* [Orthodoxy in Thailand], available at: http://www.orthodox.or.th/index.php?content=history&sub_content=orthodox&lang=ru
- (18) Oleg (Cherepanin) *Istorija hristianstva v Tailande* [History of Christianity in Thailand], p. 174.
- (19) *Pravoslavie v Tajlande* [Orthodoxy in Thailand], available at: http://www.orthodox.or.th/index.php?content=history&sub_content=orthodox&lang=ru
- (20) *Memorandum Fonda Pravoslavnoj Cerkvi v Tajlande o religioznych osobennostjah i jurisdikcionnoj prinadlezhnosti* [Memorandum Orthodox Church Foundation in Thailand about religious customs and jurisdictional accessory], available at: <http://www.orthodox.or.th/index.php?content=documents&lang=ru>
- (21) Uspenskij muzhskoj monastyr', *Tailand Pravoslavnyj* [Thailand Orthodox], 2012, no. 3 (3), p. 4.
- (22) *Ukaz Prezidenta Indonezii № 6 za 2000 g.* [Decree of the President of Indonesia № 6 for 2000], available at: <http://www.kemenag.go.id/index.php?a=artikel&id=12446&t=183>
- (23) *B'jantoro, Daniil. The Beginning of the Eastern Orthodox Mission in Modern Indonesia* [The Beginning of the Eastern Orthodox Mission in Modern Indonesia], available at: friendsofindonesia.org/docs/history.pdf, pp. 17–19.
- (24) *Pravoslavnaia Cerkov' v Indonezii* [Orthodox Church in Indonesia], available at: <http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/publications/articles/article0371.html>
- (25) Ibid.

**NEW VECTORS OF MISSIONARY ACTIVITY
OF RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN EARLY XXIST CENTURY
(THE CASE OF MISSIONS IN THAILAND,
CAMBODIA AND INDONESIA)**

E.V. Kryazheva-Kartseva

Idrus Asrinda Ayub

Department of Russian History
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay Str., 10–2, Moscow, Russia, 117198

The article analyzes the specifics of foreign missions of the Russian Orthodox Church in the early XXIst century in the countries of Southeast Asia such as Thailand, Cambodia and Indonesia and identifies the stages of this phenomenon development. The authors conclude that the result of the active work of the ROC Mission in Thailand at present was not only the recognition of the church by the state, the increase in the number of community members, congregations, appearance of the monastery, but also the activity start of the Delegation of the Kingdom of Cambodia, which in 2013 was registered in the "Orthodox Christian Church of Cambodia (Moscow Patriarchate)".

The Republic of Indonesia is also becoming an active Orthodox community, the appearance of which is connected with the name of Archimandrite Daniel, who became the founder of the Indonesian Orthodox Church, incorporated in 1991. The increased activities of the Orthodox Christians in Indonesia are connected with the transition of the Church in 2004 under

the jurisdiction of the Russian Orthodox Church Outside of Russia and in 2008 due to the reunification of the Russian Orthodox Church and the Russian Orthodox Church Outside of Russia under the jurisdiction of the Moscow Patriarchate..

Key words: Russian Orthodox Church, Russian foreign mission of the Orthodox Church, Orthodox Christianity in Thailand, Orthodox Christianity in Cambodia, Orthodox Christianity in Indonesia

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ РОССИИ РУДН В 2013 г.

Монографии

Реснянский С.И., Чистяков Н.М., Умнова И.А., Фролова Н.А. и др. Российское законодательство: тенденции и перспективы. Коллективная монография. – М.: Финансовый университет при правительстве РФ, 2013. – 384 с.

Научные статьи

Арсланов Р.А. «Неизбежная вражда»: П.Л. Лавров и К.Д. Кавелин о судьбах пореформенной России // Народники в истории России: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 1 / Отв. ред. Г.Н. Мокшин. – Воронеж: «Истоки», 2013. – С. 258–277.

Гребениченко С.Ф. К обновлению России! // Актуальные проблемы преподавания гуманитарных наук в высшей школе. Вып. 3. – М.: Государственный университет по землеустройству, 2013. – С. 65–75.

Гребениченко С.Ф., Токтамысов С.Ж. Интеграционный потенциал постсоветского пространства за четверть века: проблемы и перспективы // Вестник РУДН. Серия: История России. – 2013. – № 2. – С. 52–64.

Гребениченко С.Ф., Токтамысов С.Ж. Как в России Вашингтон понимать? // Социально-гуманитарные знания. – 2013. – № 5. – С. 3–23.

Гребениченко С.Ф., Токтамысов С.Ж. Метаморфозы постсоветской интеграции // Социально-гуманитарные знания. – 2013. – № 2. – С. 3–34.

Керов В.В. «Щета убытка и прибытка ...»: хозяйственная книжность старообрядцев как форма конфессиональной письменной-книжной культуры // Вестник Томского государственного университета. Серия «История». – 2013. – № 1(21). – С. 7–14.

Керов В.В. «Украина-Русь», финно-угорские колонии и белорусские национальные обычаи: обоснование государственного суверенитета в офици-

альных учебниках по национальной истории Украины и Беларуси // Вестник РУДН. Серия «История России». – 2013. – № 1. – С. 124–132.

Керов В.В. Генезис представлений о богатстве // Культура богатства и особенности ее формирования в современной России. – М.: Московская международная высшая школа бизнеса «МИРБИС». – М.: МАКС Пресс, 2013. – С. 42–65.

Kerov V. Old Believers Communities of the Nineteenth Century as the First Business Interest Associations in Russia (1860–1914) // Historical and International Comparison of Business Interest Associations (19th–20th Centuries) / D. Fraboulet, A.M. Locatelli, P. Tedeschi (eds.) // Enjeux internationaux. – № 29. – Brussels: Peter Lang Éditions scientifiques internationales, 2013; Brussels: Peter Lang Éditions scientifiques internationales. – 2013. – № 29. – P. 19–30.

Козьменко В.М. Некоторые проблемы состояния современной исторической науки // Вестник РУДН. Серия «История России». – 2013. – № 4. – С. 5–13.

Корноухова Г.Г. Банковский кредит против ростовщической рыбы в ценностно-институциональной системе мусульманских предпринимателей // Вестник РУДН. Серия «История России». – 2013. – № 2. – С. 100–117.

Котеленец Е.А. Образ Советского Союза в мире: факторы и динамика восприятия // Вестник РУДН. Серия «История России». – 2013. – № 3. – С. 76–91.

Котеленец Е.А. Ленин и ленинизм; без предвзятости. Между канунами // Исторические исследования в России за последние 25 лет. – М.: АИРО-XXI. – С. 1048–1063.

Кряжева-Карцева Е.В. Мистерия Евразии: теллукратическая доктрина геополитиков-идеологов третьего пути в России и Германии в 1920–30-е гг. // Лев Николаевич Гумилев и современное евразийство (Lev Nikolayevich Gumilev and Contemporary Eurasianism) [Сб., посвященный 100-летию ученого: Л.Н. Гумилев и современное евразийство]. – М.: Изд-во РУДН, 2013. – С. 59–82.

Линькова Е.В. Истоки евразийства в творческом наследии Ф.И. Тютчева // Лев Николаевич Гумилев и современное евразийство (Lev Nikolayevich Gumilev and Contemporary Eurasianism) [сборник статей, посвященных 100-летию ученого / под ред. А.Г. Коваленко, В.А. Цвыка]. – М.: Изд-во РУДН, 2013. – С. 83–92.

Линькова Е.В., Арутюнова Ж.М. Великая французская революция и ее роль в становлении консервативной традиции в России // Вестник РУДН. Серия «История России». – 2013. – № 2. – С. 25–34.

Матулис Т.Н., Безрогов В.Г. Исторические ранние формы педагогической деятельности: вопросы теории и методологии исследования // Вестник РУДН. Серия «Философия». – 2013. – № 4. – С. 110–117.

Мосейкина М.Н. С.Г. Пушкирев и евразийство // Лев Николаевич Гумилев и современное евразийство (Lev Nikolayevich Gumilev and Contemporary Eurasianism) [Сб., посвященный 100-летию ученого: Л.Н. Гумилев и современное евразийство]. – М.: Изд-во РУДН, 2013. – С. 93–108.

Мосейкина М.Н. «Отец бразильской ядерной физики»: Глеб Васильевич Ватагин в Сан-Пауло // *Родина. Российский исторический иллюстрированный журнал*. – 2013. – № 10. – С. 18–20.

Мосейкина М.Н. Павел Петрович Шостаковский: жизнь и судьба эмигранта // *Россия и современный мир*. – 2013. – № 4. – С. 65–75.

Реснянский С.И. Идеология и национальные интересы России // *Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. Политология. Экономика. Право. Научный журнал*. – 2013. – Вып. 2. – 0,3 п.л.

Реснянский С.И. Размышления о русской национальной культуре // «Ценностная» история, современность и прогноз развития России. Материалы постоянно действующего научного семинара. Вып. 8. – М.: Научный эксперт, 2013. – 0, 7 п.л.

Реснянский С.И., Картунов В.В. Эстетика трансцендентного в античной и средневековой философии // *Актуальные проблемы философии и социально-гуманитарных наук*. – 2013. – № 1. – 0,3 п.л.

Реснянский С.И., Картунов В.В. Мистика и рационализм в Античности и Средневековье // *Актуальные проблемы философии и социально-гуманитарных знаний*. – 2013. – № 1. – 0,8 п.л.

Реснянский С.И., Картунов В.В. Античные истоки мистической и рационалистической интерпретации христианства // *ЭПИ. Сервис в России и за рубежом*. Вып. 4(42). – М.: РГУТИС. 2013. – 0,8 п.л.

Хорунжий А.В. Опыт изучения трудов Л.Н. Гумилева при подготовке студентов-историков в Российском университете дружбы народов // *Лев Николаевич Гумилев и современное евразийство (Lev Nikolayevich Gumilev and Contemporary Eurasianism)* [Сб., посвященный 100-летию ученого: Л.Н. Гумилев и современное евразийство]. – М.: Изд-во РУДН, 2013. – С. 215–220.

Якеменко Б.Г. Антиграбительский закон // *Вестник РУДН. Серия «Всеобщая история»*. – 2013. – № 4. – С. 83–87.

**PRINCIPAL SCIENTIFIC PUBLICATIONS
OF THE RUSSIAN HISTORY CHAIR
OF PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA IN 2013**

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН «ФЛУКТУИРУЮЩЕЙ АКТУАЛЬНОСТИ»

(Рецензия на книгу
Е.А. Воронцовой «Предпринимательские организации в России:
историография, источники, история». –
М.: «Этерна», 2013. – 576 с.)

Н.Б. Селунская

История предпринимательства в России на рубеже XIX–XX вв. представляет несомненный интерес и актуальность сегодня, когда через паузу в столетие эта прерванная традиция вновь возродилась в нашей стране (с 1990-х гг.) и продолжает свое развитие в российском обществе первых десятилетий XXI в.

В рецензируемой книге Е.А. Воронцовой обоснованно получили второе рождение итоги ее исследовательских разработок по теме «двадцати-тридцатилетней давности», как отмечает автор. В ту пору авторские наработки по названной теме были явно недостаточно востребованы, так как не представляли собой актуального опыта для понимания и конструирования современности. В этом смысле книга Е.А. Воронцовой представляет собой интересный историографический феномен «флуктуирующей актуальности», демонстрирующий проявление социальной функции истории, ее определяющей роли в оценке степени востребованности проблематики исторического исследования в контексте исторической эпохи, этапа, периода.

Несомненная значимость рецензируемого издания связана, в первую очередь, с открытием, представлением читателю источниковой основы, то есть документальных возможностей изучения истории предпринимательства в России. Нельзя не отметить особую значимость этого аспекта, который на современном этапе является показателем академического профессионального уровня иссле-

дователя; он важен и для прочтения аудиторией, часто весьма скептически настроенной в отношении создания историками очередного «мифа».

В этом самом представительном разделе книги Е.А. Воронцовой на основе собранного ею богатейшего материала представлены реальные возможности исследования истории происхождения и формирования предпринимательских организаций в России, особенности их функционирования и динамики, взаимодействие с государством, правительством – с властью. Кроме того, результаты поисковой работы (эвристики) по выявлению автором архивных и опубликованных источников по истории российского предпринимательства вооружают исследователей важными представлениями и о степени доступности необходимых документальных материалов, и об их информативном потенциале.

Наконец, Е.А. Воронцова не ограничивается в своей книге лишь описанием разнообразных источников: она раскрывает перед читателем интересные результаты их анализа в историческом контексте поставленной проблемы. Так, например, при характеристике комплекса актовых материалов, который включает в себя различные группы нормативной документации, регламентировавшей деятельность предпринимательских организаций в России, она помещает таблицу с итогами динамики утверждения уставов, положений и правил предпринимательских организаций (С. 67).

В этой таблице на основе показателей частот появления различных групп нормативных актов, касающихся определенных типов предпринимательских ассоциаций (таких как биржи, общества, союзы, торговые палаты), автор блестяще и убедительно раскрывает особенности процесса институализации предпринимательства в России по десятилетиям с 1861 по 1916 г. В другой главе, посвященной богатейшему комплексу делопроизводственной документации, наряду с подробным описанием фондов советов съездов предпринимателей в архивах СССР (С. 105), который требует, несомненно, корректировки в рубрике «место хранения» в соответствии с реалиями постсоветского этапа развития исторической науки, автор раскрывает структуру аппарата совета съездов по материалам фондов (С. 119), что имеет непреходящее значение для исследования истории предпринимательства.

Особую значимость для современного этапа развития исторического знания представляет исследование автором комплекса периодической печати представительных организаций российской буржуазии. И здесь Е.А. Воронцова наряду с детальным описанием отраслевой и региональной периодики (С. 204–207, 221–223) предлагает эффективную методику изучения источника, демонстрируя ее на основе частотного анализа тематики публикаций в журнале «Промышленность и торговля» (С. 246–247).

Завершением изучения периодики как источника по истории предпринимательства в России является постановка автором чрезвычайно актуаль-

ной для современной исторической науки проблемы социальной идентичности. В главе «Акционированные предприниматели, общественное мнение и периодическая печать» автор делится своими размышлениями о формировании идентичности предпринимателя, об осознании им «своего места в обществе», принадлежности к торгово-промышленному классу, нацеленному на развитие «дела» (С. 277–285).

Надо сказать, что Е.А. Воронцова «опередела свое время» и в плане методологии исследования истории предпринимательских организаций. Так, весьма интересной представляется та часть книги, которая объединяет написанные автором очерки по истории региональных и отраслевых предпринимательских организаций России (С. 328–440). В них выпукло прописан социокультурный подход исследования предпринимательства в России, основ формирования и институирования ассоциаций, объединений российских предпринимателей как особой группы социума, независимой от государства и связанной общими интересами, «культурой деловых отношений».

Автор затрагивает и проблему менталитета российских предпринимателей, в том числе в контексте вечной при выборе пути для российского общества проблемы «Россия и Запад». Автор делает обоснованное наблюдение о том, что «западническое» мировоззрение было присуще предпринимательской элите по причинам социокультурного характера. Здесь на первый план выступает роль образования в лучших европейских учебных заведениях. Другим «агентом» западной культуры являлась, как заключает автор, «этническая группа» русских немцев.

У читателя есть возможность познакомиться с особенностями культуры предпринимательства как в отдельных регионах России (например, по очерку «Культура предпринимательских организаций в Сибири»), так и в отраслях промышленности («Культура предпринимательства и представительные организации металлостроителей в России», «Культура деловых отношений в горной и горнозаводской промышленности России»).

В год исторического юбилея Первой мировой войны нельзя не обратить внимание на специальные разделы в книге Е.А. Воронцовой, посвященные анализу деятельности Центрального военно-промышленного комитета и в источниковедческом, и в конкретно-историческом аспектах (««Известия Центрального военно-промышленного комитета» как источник по социально-экономической истории России периода Первой мировой войны». – С. 285–328; «Центральный военно-промышленный комитет: очерк истории». – С. 404–440).

Отмеченные отличительные черты книги Е.А. Воронцовой «Предпринимательские организации в России: историография, источники, история» делают ее интересной и для профессиональных историков, и для любознательного читателя, неравнодушного к истории России.

**HISTORIOGRAPHIC THE PHENOMENON
OF «FLUCTUATING RELEVANCE»**

**(Review of
E.A. Vorontsova «Business interest organizations in Russia:
historiography, sources, history». –
Moscow: Eterna, 2013. – 576 p.)**

N.B. Selunskaya

О СТАРОМ И НОВОМ В СОВРЕМЕННОМ НАРОДНИКОВЕДЕНИИ

**(Рецензия на сборник
«Народники в истории России:
Межвузовский сборник научных трудов».
Вып. 1. – Воронеж: Изд-во ИСТОКИ, 2013. – 300 с.)**

В.Н. Гинев

В 2013 г. в воронежском издательстве «Истоки» под грифом Воронежского государственного университета вышел межвузовский сборник научных трудов по различным проблемам истории народничества в России. География участников сборника впечатляет: кроме Воронежа, статьи были присланы из Барнаула, Брянска, Когалыма, Курска, Москвы, Нижневартовска, Новокузнецка, Петербурга, Самары, Сургута, Таганрога, Тамбова.

В результате, как написано в предисловии, получился «определенный срез», дающий некоторое представление о том, в чем сейчас тема народничества актуальна для историков. Сборник не имел заранее предусмотренного плана – «проблематику статей предложили сами авторы, ориентируясь на собственные научные интересы». Тем не менее, полученный материал оказалось возможным распределить по четырем тематическим разделам: «Историография народничества», «Общие проблемы истории народничества», «Идеология и практика народничества», «Теоретики народничества и их критики». Почти в каждой статье сборника имеются авторские соображения, заслуживающие внимания, но есть и сквозные исследовательские проблемы, затронутые в ряде статей независимо от их местонахождения в том или ином разделе.

Первой из таких проблем является определение, что такое российское народничество. Наиболее традиционный и, думается, наиболее приемлемый ответ содержится в статье М.Д. Карпачева.

Народничество – это самобытное социалистическое учение, распространившееся в середине XIX в. в новом социальном слое образованных разночинцев и обедневших дворян, базирующееся на убеждении в потенциальной социалистичности русской крестьянской общины. Оно возникло в определенный исторический период как протестная реакция разночинной интеллигенции на начавшуюся капиталистическую модернизацию, несущую народу, прежде всего крестьянам, большие бедствия. Народникам были присущи (в разной степени) «тяга к опрощению» в повседневной жизни, преклонение перед народными моральными устоями, идеализация народа, стремление помочь ему избавиться от экономического и административного гне-

та. Относительно средств помощи народу в народнической среде были существенные разногласия, но они не затрагивали основополагающие признаки народничества.

Казалось бы, все достаточно ясно и определено. Однако, отмечает М.Д. Карпачев, «в последние десятилетия XIX в. контуры понятия “Народничество” стали расплываться» (С. 74). Статьи рецензируемого сборника показывают, что и в современных представлениях о сущности народничества не все так однозначно.

В предисловии к сборнику констатируется как непреложный факт отсутствие «общепризнанной концепции того, что такое народничество». Примером нового подхода к пониманию этого феномена служит т.н. дискурс-анализ, представленный в совместной статье Ф.П. Фурман и Т.Г. Фурман «как одна из возможных новейших методологий изучения народничества» (С. 101).

В данном случае народничество рассматривается как особый дискурсивно-идеологический комплекс, включающий в себя ряд «концептов-мифологем» («народ», «новый человек», «воля», «благо», «дело», «светлое будущее» и т.д.). По существу авторы ведут речь о категориальных основаниях народнической мысли, позволяющих не только осмыслить народничество в качестве социокультурного явления, но открывающих возможности для изучения самой «механики идей», их генерирования, связи идейных комплексов с реальностью и характером ее отражения.

В статье Ю.А. Зеленина «Опыт периодизации истории российского народничества» «основными ценностями народничества» провозглашаются «свобода» («демократический антиэтатизм и федерализм»), «справедливость» («народнический социализм»), «взаимопомощь» («солидарность»), «приоритет мирного эволюционного преобразования общества и государства» (с. 108).

Со своей стороны заметим, что не все перечисленные Ю.А. Зелениным народнические «ценности» являлись общими для народников. К тому же среди этих «ценностей» почему-то впрямую не упоминается крестьянская община. (Для сравнения: без сельской общины «не могла бы возникнуть теория “русского социализма”». Карпачев, С. 77). Ничего не сказано об общенароднической вере в возможность для России миновать стадию капитализма.

Определение народничества теряет без этого свою привязанность к определенному историческому периоду. А такие демократические черты мировоззрения того или иного общественного деятеля XVIII–XXI вв., как эгалитаризм, антиэтатизм, желание помочь народу и т.п. могут принадлежать не обязательно народнику. Возникает сомнение: не является ли искусственным выделение т.н. «протонароднического», а, с другой стороны, «постнеонароднического» этапов становления или в XXI в. – возрождения народнической идеологии? Не двигало ли автором желание во чтобы то ни стало сказать свое «новое слово», и поэтому в «протонародники» зачисляется Радищев, затем к нему прибавляются Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Чаадаев и др.? (С. 110).

Что же касается представителей «постнеонародничества», то «продолжателями традиций революционного и левого крыла эволюционного (легального) народничества можно считать в современной России сторонников демократического социализма, анархо-синдикализма и анархо-коммунизма» (С. 123). Конечно, если неизменной сутью народничества считается только «борьба за интересы народа» (С. 123), то в «народники» можно записать очень много демократически настроенных писателей и общественных деятелей.

Идентификация народничества напрямую связана с тем, кого считать родоначальником народнической теории. Ю.А. Зеленин, хотя и пишет, что «современные исследователи» оставляют «в целом приоритет родоначальников народничества... за Герценом и Чернышевским», в то же время полагает, что «проблема выявления основоположника (основоположников) классического народничества в России» стоит «остро» и «остаётся нерешённой до сих пор» (С. 112–113).

По мнению М.Г. Колокольцева, автора статьи «Историография раннего народничества 1860-х гг. (XX век)», вопрос, кто является родоначальником народничества, также ещё «нуждается в дальнейшем изучении» (С. 37). Впрочем, он, наверное, уже решён М.Г. Колокольцевым в 2004 г. в автореферате его кандидатской диссертации, к которому он отсылает читателей (С. 37, 39).

М.Г. Колокольцев ничего не пишет о «протонародническом этапе». Для него «первый этап» истории народничества – это 1860-е гг. В обзоре историографии «раннего народничества», довольно поверхностном, М.Г. Колокольцев даже не упоминает очень важную, переломную для своего времени статью Б.П. Козьмина «Народничество на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения в России» (Исторические записки. Т. 65. М., 1959).

После долгих лет навязанного государственной идеологической ортодоксией противопоставления шестидесятников и семидесятников («просветителей» и «народников») было заявлено и доказано, что деятели 1850–1860-х гг. и 1870-х гг. были одновременно и демократами-просветителями и народниками, поскольку и тем, и другим одинаково было присуще отстаивание интересов крестьянства, приверженность к крестьянскому общинному социализму, вера в возможность на основе сельской общины создать в России социалистический строй, предотвратив развитие капитализма (1). Этого, писал Б.П. Козьмин, «вполне достаточно для того, чтобы признать народническую идеологию уже сложившейся во времена Герцена и Чернышевского» (2). Тем самым Б.П. Козьминым решался вопрос и об основоположниках (родоначальниках) народничества.

Конечно, в последующие годы народническая теория развивалась и обогащалась, появились новые теоретики, но наличие двух «краеугольных камней» в мировоззрении общественных деятелей (общинный социализм и вера

в возможность для России миновать стадию капитализма) является обязательным, чтобы причислять их к народникам любых разновидностей.

Еще одной сквозной темой, присутствующей в нескольких статьях сборника, стал анализ историографических дискуссий о причинах появления и усиления народнического радикализма, его историческая и моральная оценка, а также примыкающая проблема народнического террора.

С наибольшей глубиной эти вопросы рассматриваются в статье В.А. Исакова «Сущность российского радикализма второй половины XIX века в историографическом процессе».

Автор осторожен и неоднозначен в своих выводах. С одной стороны, он как будто бы присоединяется к «широкому кругу» исследователей, которые, «за исключением охранителей», признавали «ответственность власти за зарождение, развитие и активность радикализма» (С. 10). Среди причинно-следственных связей, приведших народников к радикализму, В.А. Исаков считает главной неадекватность реакции властей на попытки разночинной молодежи прийти на помощь народу. Но одновременно ему представляется оправданным вывод о взаимной ответственности революционеров («по крайней мере... части вождей») и деспотической власти, поскольку наращивание степени жестокости происходило с обеих сторон (С. 11–12).

Этот тезис кажется нам по крайней мере спорным. Здесь возникает вопрос о равной или неравной степени ответственности. Впрочем, предупреждает В.А. Исаков, не надо торопиться «с финальной оценкой о виновности или исторической правоте. Понять важнее, чем вынести вердикт» (С. 19). С этим нужно согласиться. В чем причина радикализации народнического движения? Ответ В.А. Исакова: «Очевидно, что радикализм прямо пропорционален нерешенности фундаментальных проблем» (С. 12). Статья заканчивается серьезным предупреждением: «Даже смена стратегического курса России не сняла проблем, некогда вызвавших к жизни радикализм» (С. 22).

В.А. Исаков предлагает анализировать отечественную и зарубежную историографию не по отдельности, как это обычно происходит, а «в общем исследовательском потоке», и сам наглядно показывает, как это делается (С. 8). Он положительно отзывается о работах ряда авторов, в которых прослеживается влияние идей Запада (в частности, Бабефа, Бланки) на «тот или иной субъект российского революционного процесса» (С. 15). При этом автор оставляет за скобками сочинения исследователей, безусловно негативно относящихся к революционным народникам и особенно к тактике террора. Не приемлют народовольческий террор как современные историки-охранители (типа А.Н. Боханова), так и исследователи, условно говоря, либерального направления. И если включать первых в серьезный историографический анализ вряд ли уместно, то со вторыми возможна профессиональная дискуссия. О жарких спорах Н.А. Троицкого с А.А. Левандовским, затем с И.Н. Зыряновым и Г.С. Каном напоминает читателю Н.А. Тюкачев. Описав ход «круглого стола» в редакции журнала «Отечественная история» в 1999 г., Н.А. Тю-

качев призвал к адекватному реалистическому освещению освободительного движения в России, к отказу от крайностей «традиционного» и «нигилистического» подходов (С. 57).

Если в статье В.А. Исакова и Н.А. Тюкачева террор был одной из тем, то статья О.Н. Квасова полностью посвящена террористической тенденции в народническом движении во второй половине XIX в.

Автор в хронологическом порядке перечисляет наиболее известные террористические акты, начиная с покушения Д.В. Каракозова 4 апреля 1866 г. и кончая 1 марта 1887 г. Но некоторые положения его выводов не могут не вызвать возражений. О.Н. Квасов считает, что «“террористические эксцессы” 1860–1880-х гг. – это пусть не гладкий, но все же “единый процесс развития одной из форм революционного движения”, “процесс эскалации политического насилия”, постепенный переход “от акций оборонительно-мстительного насилия” “к терроризму регулятивному и наступательному”» (С. 139).

Что означает употребленный О.Н. Квасовым термин «регулятивный» – регулярный, регулируемый или какой-либо еще? И только ли наступательностью отличался террор «Народной воли» от предыдущих «террористических эксцессов»? До сих пор было принято считать, что народовольческий террор качественно отличался от землевольческого и еще более раннего тем, что это был переход от анархизма к политической борьбе за политические свободы и за захват власти с тем, чтобы использовать государственную власть для проведения социальных преобразований. С 1879 г. террористические акты стали не просто мезью, а одним из средств политической борьбы. Именно этот поворот привел к расколу «Земли и Воли». Почему об этом умалчивается в статье О.Н. Квасова? В заключение его «террорологический вывод»: «терроризм способен... на стадии нарастания общественного движения стимулировать рост радикализма в массах» (С. 140). О.Н. Квасов вступает по этому вопросу в спор с Н.А. Троицким, но не приводит ни одного примера роста радикализма в массах в 1880-х гг., тем более простимулированного террором.

Тема народнического террора присутствует и в статье А.Н. Худолеева о революционной теории П.Н. Ткачева. Автор показал эволюцию отношения Ткачева к террору: от отстраненности от этого метода борьбы (1876 г.) к признанию его действенности, но только как одного из средств (1878 г.) и, наконец, к объявлению террора единственным средством освобождения русского человека от страха перед властью (1881 г.) (С. 233). Правда, после этого на следующей странице странным выглядит утверждение, что «Ткачев никогда не был сторонником террора». Неверен тезис о том, что «политический терроризм» «отчетливо наметился» «вместе с появлением “Земли и Воли”» (С. 232). Террористические акты периода «Земли и Воли» не имели политической направленности, это произошло только перед самым возникновением «Народной воли».

Большая часть статьи А.Н. Худолеева посвящена выяснению взглядов П.Н. Ткачева на роль народа и демократической интеллигенции в революции, бланкизму Ткачева, его отношениям с П.Л. Лавровым и М.А. Бакуниным. Автор начинает свою статью с утверждения, что «по сравнению с социально-политическими взглядами Бакунина и Лаврова революционная теория Ткачева изучена недостаточно» (С. 223). О Ткачеве как русском бланкисте написана книга Е.Л. Рудницкой. О ней в статье А.Н. Худолеева не упоминается. Все же было бы интересно узнать, в чем в этой монографии, по мнению Худолеева, недостаточно изучена революционная теория П.Н. Ткачева?

В ряде статей сборника рассматриваются отдельные, важные, но тематически локальные проблемы.

Анализируя взгляды народовольцев на национальный вопрос, Т.В. Цымрина подчеркивает их патриотизм и доказывает, что в первой половине 1880-х гг. они защищали интересы «русского народа» и в их мировоззрении «прослеживается тенденция к национализму» (С. 149, 152). Но во второй половине 1880-х гг., поскольку народовольцы «допустили в свои ряды представителей других народов», «они были вынуждены сочетать патриотизм с интернационализмом» (С. 145, 153). Народовольцы признавали право наций на самоопределение, полагая при этом, что осуществление этого права будет в интересах русской нации. По мнению Т.В. Цымриной, «отделение окраин было бы благом для нашего народа, так как давало возможность направить все силы на внутренне развитие. Народовольцы понимали это» (С. 146).

Особо следует остановиться на том, как автор статьи оценивает положительное отношение части народовольцев к еврейским погромам. Большинство советских историков об этом стыдливо умалчивали или упоминали скороговоркой. Сейчас на эту тему можно писать беспрепятственно, но, полагаю, при этом следует обозначить свою позицию. Т.В. Цымрина приводит две публикации в «Листке Народной воли» (июль 1881 г. и август 1883 г.), написанные Г.Г. Романенко прокламацию к украинскому народу (август 1881 г.) и «внутреннее обозрение» (в № 6 «Народной воли») и еще ссылается на воспоминания И.И. Попова и В.Л. Бурцева. Из этого автором делается вывод: «Большинство народовольцев допускали, что межнациональные конфликты могут послужить толчком к началу революции» (С. 148). Более того – «народовольцы ставили в вину правительству подавление народных выступлений против евреев» (С. 149). Приводится и противоположное мнение – статья В.С. Лебедева в № 8–9 «Народной воли» (февраль 1882 г.), в которой определенно подчеркивалось, что «пользоваться племенной враждой, а тем более раздуть ее – вовсе не входит в наши планы, что мы не сделаем подобного шага, как бы ни была велика от этого временная выгода для партии» (С. 149–150). Но, как считает Т.В. Цымрина, «Лебедев выражал мнение меньшинства народовольцев» (С. 150).

На основании приведенных данных невозможно судить, какой позиции в еврейском вопросе придерживалось большинство членов «Народной во-

ли». Исследователь русской революционно-демократической печати И.С. Вахрушев писал по этому поводу, что внутренне обозрение Г.Г. Романенко «приобрело вовсе скандальный характер. Автор выразил одобрение еврейским погромам, назвав их “чисто народным движением”. “Народной воле” (организации и газете) пришлось потом всячески сглаживать неприятное впечатление, произведенное этим заявлением» (3).

Возможно, статья Лебедева как раз была призвана исправить неблагоприятное впечатление от публикации Романенко. Может быть, и Т.В. Цымириной следовало бы стать на сторону, как она считает, «меньшинства» «Народной воли»?

Отношение к науке и технике в учениях классиков российского анархизма рассматривается в статье П.И. Талерова. Автор, приведя целый ряд высказываний М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина, выясняет, что они показали негативную роль научно-технического прогресса для народа в буржуазном обществе и позитивную в обществе бесклассовом. В XX и XXI в. развитие науки и техники привело к облегчению труда, но эксплуатация трудящихся «стала более изощренной» (С. 164). Современные анархисты, подобно английским луддитам начала XIX в., атакуют «техно-индустриальную систему» и игнорируют «по возможности, научно-технические достижения» вместо того, чтобы, согласно рекомендациям классиков российского анархизма, бороться за изменения прав собственности. И это несмотря на то, что исторический пример существует. «По пути такого низложения прав пошли в нашей стране в начале XX в., поставив глобальный социальный эксперимент и создав могучее социалистическое государство» (С. 166).

Включение статьи П.И. Талерова в сборник свидетельствует о похвальной поддержке плюрализма мнений его редакцией.

На примере народнических организаций Тамбовской губернии С.В. Пудовкин анализирует психологические аспекты в деятельности народнических групп в 1870–1890-х гг. Конечно, и раньше было известно о народнических квартирах-коммунах, о неформальных лидерах, о неприятии после Нечаева т.н. «генеральства», затем о преодолении кружковщины и создании организаций с программами и уставами. Но использование автором понятия «субкультура» социальных групп, в данном случае народнических, позволило более целенаправленно изучить этот феномен, сосредоточившись на определении системы ценностей и моделей поведения, индивидуальных и в группах; заслуживает внимания присутствие психологического фактора в анализе поведения индивидуумов и коллективов.

В статье Г.А. Салтык также на местном уровне раскрывается и конкретизируется история взаимоотношений в Центральном Черноземье большевиков и неонародников-эсеров (правых, левых, максималистов), закончившаяся политической, а затем и физической ликвидацией в 1937 г. идейных и политических конкурентов. Поворотным рубежом в отношениях большевиков и левых эсеров автор называет события 6 июля 1918 г., но можно уве-

ренно сказать, что даже если бы и не было прямого антибольшевистского выступления левых эсеров, все равно политический блок левых эсеров и большевиков долго бы не просуществовал ввиду стремления большевиков к однопартийной диктатуре.

Среди многих интересных фактов в статье привлекает внимание выявленное автором негативное отношение руководства правых эсеров к восстанию крестьян в Тамбовской губернии под предводительством А.С. Антонова (С. 195). Заслуживает внимания персональное выявление эсеров Центрального Черноземья, входивших в 1923–1934 гг. в местные отделения Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев – более ста человек (С. 197).

«Трудовая народно-социалистическая партия в эмиграции (1920–1940 гг.)» – тема статьи А.В. Сыпченко. Это обстоятельное, основанное на архивном материале последовательное хронологическое описание деятельности малочисленных энесовских групп в Берлине, Париже, Праге, затем в Нью-Йорке, направленной на борьбу с большевистским режимом в Советской России – СССР. Все это было бы можно только приветствовать, если бы статья А.В. Сыпченко не представляла сокращенный вариант пятой главы ее монографии «Трудовая народно-социалистическая партия: теория и практика» (Самара, 2004).

О.А. Милевский в статье о раннем периоде революционной деятельности Л.А. Тихомирова также использовал фрагменты из своей густо насыщенной фактическим материалом главы книги «Две жизни Льва Тихомирова» (М., 2011). Но в статье для сборника есть и новый материал: более углубленно анализируются написанные Тихомировым две брошюры для пропаганды в народе – «Сказка о четырех братьях» и «Емельян Пугачев или бунт 1773 года». О.А. Милевский выявляет в них элементы анархизма и, с другой стороны, зачатки государственности в обрисовке будущих общественных порядков.

Сборник «Народники в России» имел бы совсем однобокий «революционный» уклон, если бы не три статьи: Г.Н. Мокшина – о легальном народничестве, Р.А. Арсланова – о видении российской либеральной мыслью будущности России, оттачивающей себя в спорах с мыслью революционно-народнической, и В.В. Блохина – о критике религиозно-идеалистическими философами в 1890-х гг. позитивистских материалистических шестидесятников.

Историографический анализ в статье Г.Н. Мокшина может быть образцом для некоторых участников рецензируемого сборника: это не «обзор» по авторам, а проблемно-хронологическое исследование процесса развития исторической мысли, в данном случае в отношении различных аспектов истории легального реформаторского народничества. Автор подводит итоги «реабилитации» культурничества, т.н. «малых дел», противостояния «политиков» и «культурников» внутри народников-реформаторов. Со знанием дела он предлагает тематику будущих исследований.

Р.А. Арсланов во внешней однозначности теоретического спора революционера и либерала – П.Л. Лаврова и К.Д. Кавелина – увидел глубинную сложность и взаимное проникновение двух мировоззрений и в конечном итоге неизбежный крах обоих течений.

В заключение можно сказать, что, несмотря на довольно многочисленные замечания по отдельным статьям, сборник удался. Не все «современные подходы к осмыслению явления народничества» кажутся убедительными, но все без исключения интересны. Они показывают, над чем сегодня работают «народниковеды» в разных городах страны, какие вопросы их волнуют. Предложенный общезначимый обобщающий термин «народниковедение» с легкой руки ответственного редактора сборника может прижиться, он вполне пригоден для его признания ученым сообществом, а «выпуск 1» сборника пусть будет началом для выпусков второго, третьего и т.д.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Началом противопоставления стала дискуссия 1928 г. в связи со столетним юбилеем Н.Г. Чернышевского. См.: *Гинев В.Н.* «Революционный демократ» Н.Г. Чернышевский и народники: начало противопоставления // Россия в XIX–XX вв. Сборник статей к 70-летию со дня рождения Р.Ш. Ганелина. – СПб., 1998. – С. 23–28.
- (2) Исторические записки. Т. 65. — С. 209.
- (3) *Вахрушев И.С.* Очерки истории русской революционно-демократической печати 1873–1886 годов. – Саратов, 1980. – С. 169.

ABOUT THE OLD AND NEW IN MODERN NARODNIKOVEDENIYE

**(Review of
«Populists in the history of Russia:
the interuniversity collection of scientific works».
Vol. 1. – Voronezh: Publishing house ISTOKY, 2013. – 300 p.)**

V.N. Ginev

НАШИ АВТОРЫ

Абышов Вагиф Ширин оглы – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. А.А. Бакиханова Национальной академии наук Азербайджана.

E-mail: vaqif.abishov1955@gmail.com

Арсланов Рафаэль Амирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов.

E-mail: ars_raf@mail.ru

Багдасарян Вартан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета.

E-mail: vardanb@mail.ru

Блохин Владимир Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов.

E-mail: blohin.vladimir.1960@mail.ru

Гафаров Анвар Айратович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории и мировой политики Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: anvargafarov@mail.ru

Георгиев Владимир Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России XIX – начала XX в. Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

E-mail: navladi@list.ru

Георгиева Наталья Георгиевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов.

E-mail: navladi@list.ru

Гинев Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

E-mail: spb_ii_ran@mail.ru

Жукова Наталия Александровна – аспирантка кафедры истории России Российского университета дружбы народов.

E-mail: zhnatalia@mail.ru

Идрус Асринда Аюб – студентка II курса магистратуры кафедры истории России Российского университета дружбы народов.

E-mail: asrinda@yahoo.com

Козьменко Ольга Петровна – доктор культурологи, профессор кафедры музыкального исполнительства Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова, член-корреспондент РАЕН.

E-mail: v.kozmenko@gmail.com

Кряжева-Карцева Елена Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Российского университета дружбы народов.

E-mail: kartseva_ev@pfur.ru

Логачёва Наталья Вячеславовна – соискатель кафедры истории России Российского университета дружбы народов.

E-mail: Marta721@rambler.ru

Осколок Кирилл Владимирович – кандидат химических наук, доцент кафедры аналитической химии химического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

E-mail: k_oskolok@mail.ru

Реснянский Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов.

E-mail: s-r44@yandex.ru

Селунская Наталья Борисовна – доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

E-mail: selounsk@yandex.ru

Симонова Мария Александровна – кандидат педагогических наук, докторант кафедры истории России Российского университета дружбы народов.

E-mail: simonova2018@mail.ru

Синютин Сергей Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Российского университета дружбы народов.

Шолохов Андрей Борисович – кандидат исторических наук, главный редактор газеты «Вузовский вестник», заслуженный работник культуры РФ.

E-mail: info@vuzvestnik.ru

Якеменко Борис Григорьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Российского университета дружбы народов.

E-mail: borislj@mail.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Требования к рукописям,
представляемым в редакционную коллегию
периодического издания (научного журнала)
«Вестник Российского университета дружбы народов».
Серия «История России»

Рукописи принимаются:

- в *электронной форме* на дискете, диске, в виде послания по электронной почте;
- в *формате* MS Word 14-м кеглем через 1,5 интервала;
- *тип файла* – DOC.

Объем – от 20 000 до 25 000 знаков, включая **сноски** и **межсловные интервалы** (пробелы).

Язык – русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Оформление дат: 1917 г., 1920-е гг., 1930–1940-е гг., XIX в., XVIII–XX в., 19th century, 1930s.

Сокращения: 1500 чел., 2 млн руб., 3000 тыс. дол.

Сноски автоматические концевые:

– в верхней строчке окна MS Word 1997–2000: Вставка ⇒ Сноска ⇒ Концевую ⇒ Автоматическая ⇒ Параметры ⇒ Концевые сноски ⇒ Формат номера ⇒ 1, 2, 3...;

– или в Word XP: Вставка ⇒ Ссылки ⇒ Сноска ⇒ Концевые сноски ⇒ Формат номера – 1, 2, 3.

Сноски «Примечания» оформляются *по ГОСТ 7.1-84*. При повторном упоминании не повторяются выходные данные, возможно сокращение названия.

В «Примечаниях» следует избегать многочисленного использования интернет-ссылок. Авторам рекомендуется шире привлекать опубликованные и архивные документы.

Сноски оформляются *в русском и романском алфавите* в виде транслитерации русского алфавита латиницей, а также в переводе на английский язык.

Автоматизировать процесс транслитерации можно, воспользовавшись программным обеспечением, которое доступно по адресу: <http://translit.ru>

(в раскрывающемся списке «Варианты» необходимо выбрать вариант BGN). Выходные данные (город, том, номер, страницы) переводятся *на английский язык*.

Таблицы – в файлах MS Word в составе основного текста.

Название статьи – на русском и английском языках.

Внимание! С января 2015 г. вводятся новые требования к оформлению научной статьи (до января 2015 г. требования носят рекомендательный характер):

Статья должна состоять из **трех разделов** – введения, исследовательской части и заключения. Каждая часть имеет соответствующее название: «введение», «исследование проблемы», «выводы».

Во «Введении» должны содержаться:

- *Обоснование темы исследования.* В данном пункте необходимо обосновать актуальность/новизну исследования.

- *Обзор литературы.* Обзор литературы важен в целях обоснования темы исследования. Необходимо доказать, что в имеющейся историографии исследуемая тема не получила своего всестороннего освещения либо в ней существует позиция, которую Вы собираетесь оспорить.

- *Цель и задачи исследования.* При определении цели желательно не использовать такие слова, как «исследовать», «изучить» и пр. Они подходят для описания задач. Для описания цели необходимо использовать слова «выяснить», «определить», «установить», «выявить».

В данном разделе, помимо перечисленных пунктов, могут быть добавлены при необходимости и другие. Например, «методы исследования», «модель исследования» и пр.

Раздел «Исследование проблемы» содержит в себе основную часть статьи. В данном разделе возможно деление текста на несколько частей с написанием их заголовков в соответствии с задачами исследования.

«Выводы» должны быть развернутыми и занимать 0,5 или одну страницу. Они не должны содержать положений, не связанных с решением задач и цели исследования.

Аннотация – на русском и английском языках; от **300–500 знаков** – на русском языке и от **150–200 слов** – на английском языке. В аннотациях должны содержаться описание цели и основные *выводы* исследования.

Ключевые слова – до 10 слов и словосочетаний на русском и английском языках.

Об авторе – фамилия, имя, отчество автора полностью; ученая степень, ученое звание, должность, адрес электронной почты на русском и английском языках.

Место работы – официальное название, название подразделения (кафедры, отдела, центра), где работает автор; почтовый адрес с индексом (на русском и английском языках), адрес электронной почты для связи с автором (в одном файле с текстом статьи).

Все данные – в одном файле с текстом статьи.

Образец оформления рукописи и электронные адреса редколлегии см. на сайте: www.rudn.ru ⇒ наука ⇒ научные журналы ⇒ Вестник РУДН ⇒ Серия «История России».

Плата за публикации статей не взимается.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ВОЗЗРЕНИЯХ РОССИЙСКИХ ЛИБЕРАЛОВ И РЕФОРМАТОРОВ-ДЕМОКРАТОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.

Р.А. Арсланов

В.В. Блохин

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Россия, Москва, 117198

В статье рассматривается отношение крупнейших мыслителей либерального и реформаторско-демократического направлений России эпохи пореформенной модернизации к отечественной интеллигенции с целью выявления специфики подходов во взглядах на интеллигенцию. Проведенный анализ позволил установить, что представителей двух направлений объединяло их восприятие интеллигенции как моральной силы общества. Между тем, для либералов наиболее актуальной была задача формирования личности в то время как для демократов все большую актуальность приобретает проблема взаимодействия людей и интеллигенции.

Ключевые слова: интеллигенция, демократия, либерализм, государство, народ, реформы, революция, просвещение, политический кризис, общественный подъем.

Введение

Обоснование темы. Сегодня, как и более века назад, в российском обществе ведутся споры о характере и роли интеллигенции в жизни страны. Одни видят в ней движущую силу протестного движения, другие говорят о превращении в служанку власти, третьи обосновывают ее исчезновение как особой общественно-политической силы. Обращение к теме саморефлексии российской интеллигенции эпохи рыночной модернизации конца XIX – начала XX вв. дает возможность не только проанализировать ее видение собственной исторической роли и тем самым осмыслить особенности демократического движения России в прошлом, но и лучше понять ее возможности и стоящие перед ней насущные задачи в настоящем.

Обзор литературы. В настоящее время проблема интеллигенции продолжает оставаться в центре внимания исследователей, обогащаясь все увеличивающейся научной литературой (1). Среди многочисленных тем связанных с данной проблематикой определенный интерес вызывает и пробле-

ма саморефлексии интеллигенции (2). Вместе с тем, отдельные аспекты ее истории и, прежде всего, сравнение восприятия интеллигенции представителями отдельных течений общественной мысли не получили должного освещения, что и делает обращение к теме необходимым.

Цель и задачи. В статье предполагается сопоставить взгляды крупнейших представителей либерального и демократического направлений на характер, особенности, исторические задачи, а также на отношение к народу и власти российской интеллигенции конца XIX – начала XX вв. с целью определения специфики подходов во взглядах на интеллигенцию крупнейших мыслителей двух различающихся направлений России эпохи пореформенной модернизации.

Исследование проблемы

Теоретик либерализма, один из основателей «государственной школы» в исторической науке К.Д. Кавелин...

Выводы

Анализ взглядов либералов и демократов двух эпох показал, что их объединяло восприятие интеллигенции как внесловной нравственной силы общества. Однако либералы акцентировали внимание на ее практической сфере деятельности, апеллировали к разуму как основному побудительному мотиву ее активности, демократы же большее внимание уделяли ее субъективному внутреннему миру, как главному фактору оппозиционности.

Общим для них было и понимание роли свободы личности в развитии страны. Вместе с тем для либералов актуальнейшей являлась задача формирования самой личности, решение которой они связывали с деятельностью интеллигенции. Для демократов, воочию увидевших революционные события начала XX в., более актуальной и требующей всестороннего осмысления стала проблема отношения народа и интеллигенции. При этом они сохраняли веру в созидательные силы народа, ведомого интеллигенцией к свободе и демократии. Либеральные же мыслители, в отличие от реформаторов демократов, считали, что эту роль она может выполнить лишь в союзе, а не в противостоянии с государством.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Подробнее см.: Самарцева Е.И. Российская интеллигенция до октября 1917 года. Историографический очерк. – Тула, 1998; Интеллигенция и либерализм в России / Межвузовский научный сборник. – Саратов, 1995; Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: История и типология / Материалы международной научной конференции. Неаполь, май 1997. Составил Б.А. Успенский. – М., 1999; Соколов А.В. Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории. – СПб., 2007 и др.

- (2) См., например: *Березовая Л.Г.* Самосознание русской интеллигенции. – Дис. ... докт. ист. наук. – М., 1994; *Мокшин Г.Н.* Идеологи легального народничества о русской интеллигенции. – Воронеж, 2007 и др.

REFERENCES

- (1) Samartseva E.I. *Rossiyskaya intelligentsiya do oktyabrya 1917 goda. Istoriograficheskiy ocherk* [Russian intelligentsia till october 1917. Historiographic essay]. Tula, 1998; *Intelligentsiya i liberalizm v Rossii. Mezhevuzovskiy nauchnyy sbornik* [Intelligentsia and liberalism in Russia. Interuniversity scientific collection]. Saratov, 1995; *Russkaya intelligentsiya i zapadnyy intellektualizm: Istoriya i tipologiya. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Neapol', may 1997* [Russian intelligentsia anfwestern intellectualism: history and tipology. Internationl science conference materials. Napoli, may 1997]. By V.A. Uspenskiy, Moscow, 1999; Sokolov A.V. *Intelligenty i intellektualy v rossiyskoy istorii* [Intelligentsia and intellectuals in Russian history]. St.-Petersburg, 2007, etc.
- (2) Berezovaya L.G. *Samosoznanie russkoy intelligentsii. Dis. ... dokt. ist. nauk* [Self-consciosness of russian intelligentsia]. Moscow, 1994; Mokshin G.N. *Ideologi legal'nogo narodnichestva o russkoy intelligentsii* [Ideologists of legal narodnik movement]. Voronezh, 2007, etc.

INTELLIGENTSIA IN VIEWS OF RUSSIAN LIBERALS AND REFORMERS-DEMOCRATS ON THE E. XIX – B. XX CENTURIES

R.A. Arslanov

V.V. Blokhin

Department of Russian History
Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklay Str., 10–2, Russia, Moscow, 117198

The author compares the views of the most important representatives of the liberal (K. Kavelin, A. Gradovsky) and democratic (A. Peshekhonov, V. Myakotin) schools of post-reform modernization time of the end of XIX – beginning of the XX century on domestic intelligentsia with aim to determine the specificity of approaches in Russian thinkers' views on the intelligentsia. The analysis allowed to find out that they were united by their perception of the intelligentsia as a moral force of the society. They are also similar in their understanding of the role of individual freedom in the country's development. However, for the liberals most urgent was the task of the formation of the personality, the solution of which they associated with the activities of the intelligentsia. For democrats, who saw the revolutionary events of the beginning of the XX century, has become more urgent the problem of interaction of people and intellectuals. But they still maintained their belief in the creative power of people, led by intellectuals for freedom and democracy.

Key words: intelligentsia, democracy, liberalism, state, people, reforms, revolution, education, political crisis, public enthusiasm.

Сведения об авторе

Арсланов Рафаэль Амирович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов.

E-mail: ars_raf@mail.ru

Arslanov Rafael – Ph.D. in History, Professor, Professor of the Department of History of Russia of Peoples' Friendship University of Russia (Russia).

Блохин Владимир Владимирович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов.

E-mail istory1@rambler.ru

Blokhin Vladimir – Ph.D. in History, Professor, Professor of the Department of History of Russia of Peoples' Friendship University of Russia (Russia).

*Редколлегия серии «История России»
журнала «Вестник РУДН»*

ВЕСТНИК
Российского университета
дружбы народов
Научный журнал

Серия
ИСТОРИЯ РОССИИ

2014, № 2

Зав. редакцией *Т.О. Сергеева*
Редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка: *Ю.А. Заикина*

Адрес редакции:
Российский университет дружбы народов
ул. Орджоникидзе, 3, Москва, Россия, 115419
Тел.: (495) 955-07-16

Адрес редакционной коллегии
серии «История России»:
ул. Миклухо-Маклая, 10-2, к. 506, Москва, Россия, 117198
Тел.: (495) 434-23-12
E-mail: v.kozmenko@gmail.com

Подписано в печать 28.05.2014. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл.-печ. л. 23,5. Тираж 500 экз. Заказ № 223

Типография ИПК РУДН
ул. Орджоникидзе, 3, Москва, Россия, 115419
Тел.: (495) 952-04-41

BULLETIN
of Peoples' Friendship
University of Russia

Scientific journal

Series
RUSSIAN HISTORY

2014, № 2

Managing editor *T.O. Sergeeva*

Editor *K.V. Zenkin*

Computer design *Yu.A. Zaikina*

Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia
Ordzhonikidze Str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph.: +7 (495) 955-07-16

Address of the editorial board

Series «Russian History»:

Miklukho-Makhlaya Str., 10-2, Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 (495) 434-23-12
E-mail: v.kozmenko@gmail.com

Printing run 500 copies

Address of PFUR publishing house

Ordzhonikidze Str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph.: +7 (495) 952-04-41

ДЛЯ ЗАМЕТОК
